ОКТЯБРЬ

ГИЗО
О-416

9(47)
Б-53

19 · МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ · 24

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГИЗО
О-416 Р

9. — 185

X

ОКТЯБРЬ

ХРЕСТОМАТИЯ

7.519

551

СОСТАВИЛ М. БЕСПАЛОВ

9(47)
Б-53

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1924

4-й изд.

К

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГИЗО
О-416 Р

Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС
755-676

Напечатано в типографии ОГПУ имени тов. Воровского (Лубянка, 18) в колич. 5.000 экз. Главлит № 24560.
Москва
Обложка работы Г. Зимина

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
783
128
122
65

9(47)
Б-53

I

ОТ КРУШЕНИЯ ЦАРИЗМА ДО ДИКТАТУРЫ ИМПЕРИАЛИЗМА

I. ФЕВРАЛЬ

1. **Листок П. К. РС-ДРП** от 25 февраля
2. **А. ШЛЯПНИКОВ**—Февральские дни
3. **Н. БУХАРИН**—Буржуазия берет власть
4. **М. ШАГИНЯН**—Иван Иваныч в комитете

Листок П. К. РС-ДРП от 25 февраля 1917 г.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

На фронте—кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Нельзя молчать!

Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода, и молчать без конца—это трусость бессмысленная, преступная, подлая.

Все равно не спасешься. Не тюрьма—так шрапнель; не шрапнель—так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

Прятать голову и не смотреть вперед—недостойно. Страна разорена. Нет хлеба. Надвинулся голод. Впереди может быть только хуже. Дождемся повальных болезней, холеры...

Требуют хлеба—отвечают свинцом! Кто виноват?

Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются, не успевают считать барыши. Тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши гонят на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

По доброй воле они не откажутся от наживы и не прекратят войну. Пора укротить черносотенного и буржуазного зверя.

Либералы и черносотенцы, министры и Государственная Дума, дворянство и земство—все слилось во время войны в одну озверелую шайку.

Царский двор, банкиры и попы загребают золото. Стая хищных бездельников пирует на народных костях, пьет народную кровь. А мы страдаем. Мы гибнем. Голодаем. Надрываемся на работе. Умираем в траншеях. Нельзя молчать!

Все на борьбу! На улицу! За себя, за детей и братьев!

В Германии, в Австрии, в Болгарии поднимает голову рабочий класс. Он борется там против своей озверелой буржуазии за мир и свободу. Поможем ему и себе. Поможем борьбой против своих угнетателей. Поднимайтесь все! Организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты Российской Социал-Демократической Рабочей Партии по мастерским, по заводам, по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России. Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Об'ясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов.

Надвинулось время открытой борьбы. Забастовки, митинги, демонстрации не ослабят организацию, а усилят ее. Пользуйтесь всяким случаем, всяким удобным днем. Всегда и везде с массой и со своими революционными лозунгами.

Пусть приспешники капитала назовут наши действия стачечным азартом и вспышкопускательством. Спасение в немедленной и повседневной борьбе, а не в откладывании ее на дальний срок.

Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах.

Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует 8-мичасовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Да здравствует всероссийская всеобщая стачка! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!

А. ШЛЯПНИКОВ

Февральские дни

(Из книги «1917 год»)

Движение в эти дни приняло характер всеобщей стачки питерского пролетариата. К движению примкнули самые отсталые заводы, трамвайные парки, трамвай и все типографии, мелкие мастерские и торговые заведения. С самого утра рабочие районы находились в состоянии необычного возбуждения. Полиции в одиночку не видно. Все черные силы реакции сконцентрировались по отдельным участкам, ходили группами или целыми взводами. Митинги, собрания, кучки собеседников покрыли все окраины. Власти приняли все меры к тому, чтобы волны бушующей пролетарской стихии не перекатывались в центр города, расставили полицейские барьеры, цепи воинской охраны. Оцеплены были мосты, тропинки через реку, особо охранялись правительственные здания, тюрьмы, почта, телеграф. Но напрасны были все полицейские барьеры и солдатские штыки. Перед обеденным временем началась усиленная тяга из районов в центр города. «Сегодня к Казанскому собору»!—проносилось по всем рабочим районам. И рабочие вместе с работницами и своими женами, обходя все препятствия, прокладывая новые дороги по льду, проникали тысячами в центр города. По улицам Невского, Литейного и по прилегающим к ним, а также на Знаменской, Казанской площадях проходили и стояли пешие и конные части. Город принимал вид военного лагеря, далеко не мирного времени. Известно было, что в участках, на пожарных каланчах и на некоторых домах производится установка пулеметов. Полиция вооружалась. Правительство решило дать бой. Об этом свидетельствовали не только хабаловские об'явления и приказы, но и маневренное развертывание полицейской и жандармской, конной и пешей силы. Однако для борьбы с восставшим народом одной полиции было слишком мало. Приходилось прибегать к помощи войск. Поэтому центральное внимание всех было направлено на солдат. Завоевание революцией солдат—вот был наш лозунг дня. Судьбу этих дней решало поведение этих тысяч серых шинелей, так стройно шагавших по городу или находившихся наготове в своих казармах.

Тысячные толпы со всех районов, по всем улицам и закоулкам стремились прорваться к месту боевого сбора-Казанскому собору. Несмотря на всю энергию полиции как конной, так и пешей, ей не удавалось сдерживать наших рабочих, и в обеденный час там, около Казанского собора, собралась огромная толпа. Немало было там и полицейских сил. Для полноты военной картины не хватало только артиллерии. Конные городовые, жандармы устраивали на площади «мельницы», бросались в атаку на толпу. Тут же стояла и пехота, мрачная, недовольная. Под натиском вооруженных полицейских сил толпа переливалась с одного места на на другое, разбегалась и смыкалась вновь. Во многих случаях зверские атаки встречали сопротивление. На конных городовых и жандармов сыпались камни, бутылки, палки. Была беспорядочная стрельба по безоружной толпе. Были раненые, убитые и арестованные.

Оказывая самое упорное сопротивление жандармам и полиции, этим продажным шкурам, как характеризовали основную силу царской власти рабочие, они всячески избегали столкновений с солдатами. К пехоте все стремились приблизиться и были случаи, когда по команде офицеров солдаты брали ружья наперевес, чтобы разгонять толпу, но за их винтовки хватались женщины, поднимался такой шум и крик, что солдаты терялись, этим мгновением толпа раз'единяла их, превращала воинскую часть в кучки спорящих, волнующихся, упрекающих друг друга солдат и рабочих.

На Знаменской площади была такая же картина. Та же давящая толпу «мельница» конницы, тот же свист нагайки, те же приемы и угрозы стрельбой, такие же стычки. Под вечер Знаменская площадь была запружена многотысячной толпой рабочих и работниц. Полиция начала применять энергичные меры по разгону демонстрантов. То в одном, то в другом конце огромной площади происходили схватки. Пролилась пролетарская кровь. Зверский разгон возмутил некоторых казаков и между полицейскими и казачьим отрядом произошла стычка, в результате которой один полицейский чин был ранен шашкой. И так по всему городу, по всем районам. Казаков в этот день было немного, очевидно им был дан отдых от работы в предыдущие дни, а возможно,

что их не выпускали за проявленную ими легкость по отношению к демонстрантам и митингам.

Впервые в этот день раздались выстрелы по безоружным демонстрантам. Стреляли у Литейного проспекта и около Михайловской улицы. На крышах домов и пожарных каланчах были установлены пулеметы в ночь на двадцать пятое. Правительство готовилось к бойне.

Только под вечер удалось полиции очистить город от наплывших туда рабочих. Однако это не означало победы над восставшими рабочими. Общий голос расходившихся по домам призывал на другой день к новым еще более многолюдным демонстрациям. Все переживали необыкновенный под'ем настроения, заразивший даже обывателя. Три дня уличных встреч, борьбы и общей опасности спаяли десятки тысяч рабочих, сделали их борцами и агитаторами за революцию. Рассказы о том, что было, что делалось на том или кругом конце Невского, на площадях и закоулках выслушивались с затаенным дыханием, вызывали в глазах печаль и месть, если гибли наши силы, и огоньки восторга, когда враги попадали в скверное положение. Особенный интерес проявили слушатели ко всякой мелочи в поведении солдат.

События, в которых мы имели активную долю, учили нас тому, что один пролетариат, без прочного союзника, одержать верх над царизмом не сможет. Присоединение армии к революционному движению решает дело, и тогда Петербургу не могут быть страшны никакие «дикие дивизии».

Н. БУХАРИН

Буржуазия берет власть

«Революция» стала вдруг магическим словом, к которому почувствовали нежность те, кто вчера не находил достаточно бранных слов для оплевывания этой революции. Председатель черносотенно-октябристской Думы Родзянко, преисполняясь сантиментально-«братских» чувств к «народу», признавал, что он «по совести» не может ничего возразить против требований этого народа. Известный организатор черной сотни Шульгин,

от'явленный монархист и душитель тех самых «живых сил», о которых теперь начали говорить не иначе, как захлебываясь от энтузиазма, заявил по поводу требования Учредительного Собрания: «Если бы мне сказали два дня тому назад, что я выслушаю это требование и не только не буду против него возражать, но признаю, что другого исхода нет, что эта самая рука будет писать отречение Николая II, два дня тому назад я назвал бы безумцем того, кто бы это сказал, и себя считал бы сумасшедшим. Но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосбвания». Все эти господа—от националистов до левых кадетов включительно—которые в лучшем случае желали небольшого дворцового переворотика и пары жалких «конституционных гарантий», скрежетали зубами, но «на людях» расшаркивались направо и налево перед той самой «красной тряпкой», которая пугала их больше, чем пугает быка мантия торреадора.

Таким образом, идиллическая внешность абсолютно не соответствовала реальной действительности, и звон «общенациональной» фразы не мог ни ослабить, ни тем более уничтожить фактов классовой борьбы.

Более организованная буржуазия выдвинула из своей среды Временный Думский Комитет, как центральный орган своих сил. В ту же ночь, почти в те же часы, в Петербурге возник Совет Рабочих Депутатов, занявший сразу руководящее положение среди пролетарских и мелко-буржуазных масс.

Два обстоятельства нужно отметить, чтобы понять, почему власть, завоеванная народом, перешла к временному правительству империалистской буржуазии: во-первых, здесь сыграла роль относительно большая организованность этой буржуазии; во-вторых, в этом повинен оппортунизм вождей рабочего класса, вернее, его господствующего тогда крыла. Те самые «лидеры», которые впоследствии пошли в полуимпериалистское министерство,—став в позу непримиримой революционности, боялись взять власть в свои руки. Для них русская революция была, прежде всего, революцией буржуазии; для их трусливой мещанской мысли всякий «лишний» шаг в сторону от господства этой

буржуазии был нарушением священных прав «буржуазной» революции; для них непременной обязанностью революционера было запугивание рабочего призраком запуганного буржуа. Эта тактика мещанского «социализма» была первородным грехом русской революции.

Так первое Временное Правительство вышло из недр черносотенно-кадетского Думского Комитета. Исполнительный Комитет Совета отклонил также вхождение в министерство, и только «сторонник дисциплины» Керенский вторично нарушил постановление своих коллег (первый раз этот «с.-р.» пошел в Думу вопреки решению своей партии), пролагая себе путь к власти. Поэтому кабинет почти целиком явился организацией современной финансово-капиталистической буржуазии. Александр Иванович Гучков, лидер октябристов, представитель московского купечества, «военный в штатском платье»—как он сам себя характеризовал, тот самый Гучков, который во время московского восстания организовал милицию в помощь адмиралу Дубасову, расстреливавшему рабочих; Павел Николаевич Милюков, лидер партии народной свободы, идеолог российского империализма, сторонник международного грабежа под соусом «освобождения малых народностей», преданный друг и раб английского капитала, хитрый, беззастенчивый, с сильной волей и с профессорской эрудицией применительно к подлости; А. И. Коновалов, крупнейший фабрикант и биржевик, штемпелеванный представитель предпринимательских организаций; г. Терещенко—отпрыск сахарных синдикатчиков,—таковы самые значительные фигуры «революционного» правительства, возглавляемого князем Львовым, представителем просвещенного помещичьего дворянства; рядом с ним поместились Некрасов, Годнев, другой Львов и вышеупомянутый гражданин Керенский.

Однако, как ни труслива была тактика мелко-буржуазного социализма, оказавшегося тогда организатором-руководителем большинства петербургского пролетариата, все же структура власти не могла не быть компромиссной, т.-е. не могла не отражать фактической власти рабочего класса и мелкой буржуазии. Временное Правительство состояло из буржуа pur sang. Но на ряду с ним стоял Исполнительный Комитет Рабочих (а затем и Солдатских) Депутатов.

Петербург господствовал над Россией; рабочие и солдаты господствовали над Петербургом. Орган власти петербургских рабочих и солдат стал, таким образом, на ряду с Временным Правительством общерусским центром власти. Двоецентрие политической власти отражало социальную противоположность между цензовой буржуазией и помещиками, с одной стороны, мелкой буржуазией, крестьянством и пролетариатом—с другой. Совет принял знаменитую формулу поддержки правительства «поскольку—постольку»: «поскольку оно в согласии с Советом будет неуклонно итти в направлении к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний». Соглашательской тактике было положено прочное основание.

М. ШАГИНЯН

Иван Иваныч в комитете

(Отрывок из повести „Перемена“)

По вечерам, за ночь, в домах сидели гости и играли в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила тот же неизменный ужин: летом резались на закуску помидоры и огурцы, делалась «икра» из вареных баклажан, вынимался из банок плачущий белый, пахнущий остро сыр—брынза, вспарывалось текущее жиром бронзовое брюхо шамайки, травки всех наименований и запахов, от укропа до белого испанского лука, ложились отдельно, опрыснутые водой, на тарелку; и на печи, посыпанной крупным углем, подогревался бараний соус с бобами...—а босые ноги шелестели уже по красному, деревянному полу на террасу, где накрывалась скатерть, ставились свечи в стеклянных колпачках от ветра и падали, ушибаясь о них, крупные пахучие жужелицы. Зимой граненое стекло поблескивало в старинном трюмо, и чинный столовый стол заставлялся холодной закуской, а из темных буфетных комнат, где пахло мускатным орехом, гвоздикой, ванилью и пробками, выносились цветные графинчики.

Гости играли до ночи и ушли доигрывать в клуб, оставив спящую стоя прислугу подбирать со стола тарелки

и засыпать солью красные винные пятна на скатерти. Но хозяин утром вернулся домой с газетой в руках. Он прошел гостиную, кабинет, будуар, коридор, затянутый линолеумом, в спальню вошел на цыпочках, жену за плечо взял без всякой осторожности и голоса не понизил до шопота, когда сказал так, что слышалось в коридоре:

— Вставай! В Петербурге революция, Николая убрали.—Потом самые разнообразные люди поздравляли друг друга, мало понимая, почему они радуются. Потом город убрался, принарядился, школы распустили учеников, городская дума устроила заседание и под портретами государей читались вслух телеграммы об отречении голосами торжественными и полными, словно это было личным удовлетворением каждого из читающих.

Начались митинги, и легкость вхождения в революцию все продолжалась. Проступили отдельные Иваны Иванычи, избираемые в разных местах разными организациями. Иваны Иванычи вставали рано, не любили почесываться, в уборной газетой не зачитывались, после обеда не спали,—они «кипели в общественном котле». Им всегда было некогда, они поглядывали на часы, рядили извозчиков месячно, держали своих кучеров, как модные доктора, и не было случая, чтоб их не оказалось на заседании. Когда приходил час выборов, они выбирались автоматически, совсем так, как севший в вагон доезжает до станции, а начавший служить дослуживается до чина.

Проступили и Марьи Ивановны. Эти дамы любили вспоминать курсы Герье, когда-то прятали у себя нелегальную литературу, собирали деньги на шлиссельбуржцев, а во время войны шили солдатам фуфайки. Каждая из них где-нибудь председательствовала. Они умели звонить в колокольчик и очень громко кричали «тише!». Им досталось целиком женское движение и митинги по женскому вопросу.

Один из таких митингов я помню. Президиум (четыре дамы с колокольчиками) оповестил: ровно в 8 ч. вечера в коммерческом училище. Говорить будут о женском вопросе. И собралось женщин видимо-невидимо, ровно к 8-ми часам вечера, со всех ростовских и нахичеванских окраин,—женщин в платочках и дырявых сапогах. Шли по снегу, по воде, по лужам, шли версты и версты,—пришли, а

президиума нет. Колокольчики стоят, но дамы опоздали, а в залу не вместить и одной десятой пришедших. Гул стоит от вопросов. Пришедшие хотят хлеба, не пшеничного, а духовного, по которому голодали года.

Но вот половина президиума приехала в фаэтоне. Толстая дама с фишю на колыхающейся блузе, просвечивающей розовыми лентами бюстодержателя, всплывает на кафедру, помавает платочком, кричит громко, хозяйственно, благотворительно: надо перенести митинг на воскресенье 12 часов, здесь потолки провалятся, с улицы ломятся толпы, нельзя, никак нельзя...

Стадия Ивана Иваныча сменяется стадией Петра Петровича. Иван Иваныч стоит в зените. У Ивана Ивановича появился завистник. Почему, скажите, все ему да ему? Почему все его да его? Как будто нет лиц с высшим образованием, с общественным стажем? Снова политический митинг. На эстраде Иван Иванович рядом с Петром Петровичем. В зале—рабочие и солдаты.

— Товарищи!—кричит Петр Петрович:—обратите внимание, комитет сам себя выбрал! Советую вам воспользоваться своими правами и переизбрать комитет на основах четыреххвостной формулы!

Шум. Иван Иваныч, бледнея, вскакивает:

— Товарищи! Зала полна еще несознательных элементов. Среди нас есть провокаторы! Нельзя переизбрать комитет, не имея руководящего списка!..

Шум, свист.

— Он против четыреххвостной формулы!—кричит кто-то, делая ударение на «му». Зала сбита с толку. Веселый человек в пиджаке, прячась за спины рабочих, пронзительно вопит:

— Иван Иванович—сука!

Иван Иванович потерял популярность. На эстраде утверждается Петр Петрович. А вечером у Петра Петровича ужин, скорый, на быструю руку, с государственной экономией времени. Два-три единомышленника, их жены, гимназист из комитета учащихся, старший приказчик—в виде демократического элемента... Жуют, стирая с усов капли сладкого соуса, подбирают с тарелки рыхлым куском белого хлеба; гимназист скоблит ножиком. Но Петр Петрович темнеет:

— Где графин? Почему вино в бутылке, а не в итальянском графине?

— Машу я выгнала нынче,—шепчет Анна Ивановна, сжимая отрыжку корсетом и пряча губы в салфетку,—Маша разбила, нахальная стала. Вообрази себе, ходит и спит. Я ей говорю, а она зевает.

— Ах, мерзавка! Итальянский графин!—Петр Петрович безутешен, настроение испорчено, графин был привезен из Милана...

Но что же чувствуют Маши, полуспящие от усталости, что чувствуют женщины со спичечной, мыльной, парфюмерной, бумажной фабрик, машинисты и смазчики, шахтеры, солдаты, мусорщики, выгребальщики, те, что тянут вонючую кожу на кожевенной фабрике за городом, те, что моют вонючую шерсть на шерстемойке за городом, те, что тихо скользят по ночам на вонючих бочках в городе? Знают ли их Иван Иваныч и Петр Петрович? Знают ли они Ивана Ивановича и Петра Петровича? И что им дала февральская революция?

II. РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЛЕТАРСКИХ МАСС

5. **В. ЗАЛЕЖСКИЙ**—Дворец Кшесинской
6. **Ф. РАСКОЛЬНИКОВ**—Приезд Ленина в Россию
7. **Л. ТРОЦКИЙ**—На балконе Кшесинской

В. ЗАЛЕЖСКИЙ

Дворец Кшесинской

(Из воспоминаний)

Энергичная работа П. К. в массах скоро начала давать свои плоды. П. К. сделался центром всех рабочих кварталов и многих казарм. В тесном помещении, им занимаемом, непрерывно толпились ходоки и делегаты. Сюда со всех концов Петербурга стекались пожертвования и оружие. Теснота была страшная. Хранить деньги и оружие было негде. Все это создавало положение прямо критическое: в тесном помещении Биржи П. К. начал прямо задыхаться.

В это время один из наших агитаторов явился с отчетом о проведении митинга в броневом дивизионе и сообщил нам, что броневики в поисках для себя подходящего помещения заняли дворец Кшесинской. У кого-то из нас явилась мысль попытаться сговориться с дивизионом, чтобы тот уступил П. К. часть помещения. Броневой дивизион охотно выразил готовность «взять нас под свою защиту», и предложил нам занять верхний этаж дворца Кшесинской. В ту же ночь П. К. переехал туда.

Наше вселение во дворец Кшесинской и тесный союз с броневиками вызвал новый взрыв бешеной кампании против нас всей прессы, начиная от махрово-черносотенных органов до меньшевистской «Рабочей Газеты». Трусливо замалчивая, что дворец был занят броневым дивизионом, который ради нас только потеснился, вся пресса в один голос выставляла нас захватчиками и покусителями на «священные права частной собственности», взывая к государственной власти с требованием насильственного выселения нас оттуда. Но сделать это было не так-то легко. Опираясь на многотысячную массу пулеметчиков, гарнизон Петропавловской кре-

пости, рабочие кварталы и живший у нас по бокам броневой дивизион—мы могли только смеяться над этими призывами. К тому же дежурившие во дворе броневые машины глядели достаточно внушительно...

Кшесинская подала на П. К. в суд, который постановил удовлетворить истца и П. К. большевиков из помещения, принадлежащего гр. Кшесинской, «выселить», вернув его владелице. Но—увы!—это постановление так и осталось на бумаге.

С переездом в дом Кшесинской весьма широко развернулась работа П. К. непосредственно среди масс. П. К. в эти дни был не только органом, руководящим и направляющим жизнь Петербургской организации большевиков в целом,—он в лице всего своего личного состава работал непосредственно в массах. Вокруг дома постоянно толпился народ, в П. К. шел всякий рабочий и солдат со своими нуждами и неизменно встречал самое внимательное, товарищеское к себе отношение. Популярность П. К. росла.

На всей Троицкой площади толпились группы, в которых шла жаркая агитация наших товарищей, велись страстные споры: здесь рядовые большевики учились агитации, раз'ясняли и детализировали лозунги и идеи большевиков.

С балкона дома ораторы П. К. проводили беспрерывные текучие митинги.

Я не помню, чтобы в какой-либо час дня или ночи площадь пустовала. Часто в глубокой темноте к зданию П. К., во время заседания, подходила какая-либо воинская часть или массовая демонстрация рабочих, и мы посылали членов П. К. на балкон...

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

Приезд Ленина в Россию

(Из воспоминаний)

Решение тов. Ленина как можно скорее, любым способом, добраться до России, было безусловно правильно, и как нельзя более отвечало настроению большинства партии, которой недоставало ее признанного вождя. Трудная политическая обстановка, сложившаяся в условиях незаконченной и непрерывно продолжавшейся революции, требовала

Библиотека ин-та Маркса-Ленинизма при ЦК ВКП(б)

непоколебимо твердой и выдержанной линии, чем наша партия в тот момент, к сожалению, похвастаться не могла.

Поезд незаметно подходит к Петрограду. Вот наш вагон уже втянулся под навесы длинных пассажирских платформ. Вдоль этой платформы, к которой подходит наш поезд, по обоим ее сторонам, оставляя широкий проход в середине, выстроились матросы 2-го Балтийского флотского экипажа. Командир экипажа Максимов, молодой офицер из прапорщиков флота, с азартом делающий карьеру на революции, выступает вперед, пересекает путь т. Ленину и произносит приветственную речь. Он заканчивает ее курьезным выражением надежды, что т. Ленин войдет в состав Временного Правительства. На наших лицах появляются улыбки.—«Ну, —думаю,—покажет вам Ленин участие во Временном Правительстве. Не обрадуетесь!» И действительно, когда на следующий день Ильич публично развернул свою программу, то Максимов, выскочка и политический ребенок, поместил в буржуазных газетах письмо в редакцию, открещиваясь в нем от встречи т. Ленина и об'ясняя свое участие неведением об его проезде через Германию.

Но матросы-массовики не имели основания раскаиваться, так как уже тогда они видели в Ленине своего признанного вождя.

В ответ на пожелание о вступлении в состав Временного Правительства тов. Ленин громко бросает боевой лозунг: «Да здравствует социалистическая революция!»

На вокзале масса народу. Преобладает рабочая публика.

Тов. Ленин проходит в «парадные покои» Финляндского вокзала, где его приветствуют представители Петроградского Совета. Он кратко отвечает, снова заканчивая свои слова восклицанием: «Да здравствует социалистическая революция!»

Наконец, с тем же лозунгом, он обращается к тысячной толпе, собравшейся на площади перед вокзалом, чтобы приветствовать старого вождя российского пролетариата.

Эту речь т. Ленин произносит, стоя на броневике.

Целый ряд закованных в сталь автомобилей вытянулся у Финляндского вокзала.

Лучи их прожекторов прорезают вечернюю темноту и бросают длинные снопы света вдоль улиц Выборгской стороны.

Тов. Ленин уезжает в цитадель большевизма, бывший дом фаворитки Кшесинской, после Февральской революции занятый нашими руководящими партийными учреждениями.

Вокруг дома Кшесинской мы застали огромную толпу рабочих и солдат, внимательно слушавших горячую речь Ленина, произносимую им с балкона второго этажа. Он говорил о развитии и перспективах мировой революции.

«В Германии—кипит. В Англии правительство держит в тюрьме Джона Маклина»—доносились до меня слова Ильича. Мы застали только конец речи, которую Ильич закончил бодрым оптимистическим аккордом, говорившим о Российской революции, как о начале международного восстания трудящихся, которое приближается с каждым днем.

Вскоре все присутствующие спустились вниз, в большую комнату, с роялем и примыкающим к ней зимним садом, где прежде была фешенебельная гостиная балерины, а теперь обычно происходили многолюдные заседания рабочих. Здесь состоялось чествование Ильича. Один за другим выступали ораторы, выражая чувство глубочайшей радости по поводу возвращения в Россию закаленного вождя партии.

Ильич сидел и слушал все речи с полуулыбкой и нетерпеливо ждал конца.

Когда список ораторов был исчерпан, Ильич сразу ожил, поднялся и приступил к делу.

Он решительным образом напал на тактику, которую проводили руководящие партийные группы и отдельные товарищи до его приезда. Он едко высмеял пресловутую формулу поддержки Временного Правительства «постольку, поскольку», и провозгласил лозунг: «Никакой поддержки правительству капиталистов», одновременно призывая партию к борьбе за передачу власти в руки советов, за социалистическую революцию.

На нескольких ярких примерах Ленин блестяще доказал всю фальшь политики Временного Правительства, вопиющие противоречия между его обещаниями и делами, словами и фактами, подчеркивая наш долг беспощадного разоблачения его, по существу, контр-революционных и антидемократических поползновений и действий. Речь тов. Ленина длилась около часа. Аудитория застыла в напряженном и неослабном внимании. Здесь были представлены наиболее

ответственные работники партии. Но и для них речь Ильича явилась настоящим откровением. Она положила рубикон между тактикой вчерашнего и сегодняшнего дня.

Тов. Ленин ясно и отчетливо поставил вопрос: «Что делать?» и от полупризнания, полуподдержки правительства призвал к непризнанию и непримиримой борьбе.

Конечное торжество Советской власти, мерещившееся многим в туманной дали более или менее неопределенного будущего, тов. Ленин перевел в плоскость неотложного и в ближайшем времени достижимого завоевания революции. Эта речь была в полном смысле слова исторической. Здесь тов. Ленин впервые изложил свою политическую программу, позже формулированную в известных тезисах. Эта речь произвела Октябрьскую революцию в сознании руководителей партии и легла в основу всей дальнейшей работы большевиков.

Недаром тактика нашей партии не составляет одной прямой линии, после приезда Ленина делая крутой зигзаг влево.

Когда Ильич закончил свою речь, оставившую у всех незабываемое впечатление, ему была устроена бурная и продолжительная овация. Каменев в нескольких словах резюмировал общее настроение:

«Мы можем быть согласны или несогласны со взглядами тов. Ленина, можем расходиться с ним в оценке того или иного положения, но во всяком случае в лице т. Ленина вернулся в Россию гениальный и признанный вождь нашей партии, и вместе с ним мы пойдем вперед, навстречу социализму».

Л. ТРОЦКИЙ

На балконе Ксешинской

(Из книги «Ленин»)

В Петербург Ленин приехал с готовыми революционными обобщениями, которые резюмировал весь общественно-теоретический и практический опыт его жизни. Лозунг социалистической революции он провозгласил, едва ступив на русскую почву. Но тут только началась, на живом опыте пробужденных трудящихся масс России, проверка накоплен-

ного, передуманного, закрепленного. Формулы выдержали проверку. Более того, только здесь, в России, в Петербурге, они наполнились повседневной неопровержимой конкретностью и, тем самым, непреодолимой силой. Теперь уже не приходилось по отдельным, более или менее случайным, образцам воссоздавать перспективную картину целого. Само целое заявляло о себе всеми голосами революции. И тут Ленин показал, а может быть и сам только почувствовал полностью впервые,—в какой мере он умеет услышать хаотический еще голос пробуждающейся массы. Он видел, слышал и ощущал прежде всего российского рабочего, возросшего численно, еще не забывшего опыт 1905 г., прошедшего через школу войны, через ее иллюзии, через фальшь и ложь оборончества и готового теперь на величайшие жертвы и невиданные усилия. Он чувствовал солдата, оглушенного тремя годами дьявольской бойни—без смысла и без цели,—пробужденного грохотом революции и собиравшегося за все бессмысленные жертвы, унижения и заушения расплатиться взрывом бешеной, ничего не щадящей ненависти. Он слышал мужика, который все еще тащил на себе путы столетий крепостничества и который теперь, благодаря встряске войны, впервые почувствовал возможность расплатиться с угнетателями, рабовладельцами, господами, барами страшным, беспощадным платежом. Мужик еще беспомощно топтался, колеблясь между черновской болтологией и своим «средствием» великого аграрного мятежа. Солдат еще переминался с ноги на ногу, ища путей между патриотизмом и оголтелым дезертирством. Рабочие еще дослушивали, но уже недоверчиво и полувраждебно, последние тирады Церетели. Уже нетерпеливо клокотали пары в котлах кронштадтских военный кораблей. Соединявший в себе отточенную, как сталь, ненависть рабочего с глухим медвежьим гневом мужика, матрос, обожженный огнем страшной бойни, уже сбрасывал за борт тех, кто воплощал для него все виды сословного, бюрократического и военного угнетения. Февральская революция шла под откос. Лохмотья царской легальности подбирались коалиционными спасителями, растягивались, сшивались и превращались в тонкую пленку легальности демократической. Но под нею все клокотало и бурлило, все обиды прошлого искали выхода, ненависть

к стражнику, квартальному, исправнику, табельщику, городовому, фабриканту, ростовщику, помещику, к паразиту, болеручке, ругателю и заушителю—готовила величайшее в истории революционное извержение. Вот что слышал и видел Ленин, вот что он физически чувствовал, с неотразимой ясностью, с абсолютной убедительностью, прикоснувшись после долгого отсутствия к охваченной спазмами революции стране. Вы, дурачки, хвастунишки и тупицы, думаете, что история делается в салонах, где выскочки-демократы амикошонствуют с титулованными либералами, где вчерашние замухрышки из провинциальных адвокатов учатся наскоро прикладываться к сиятельнейшим ручкам? Дурачки! Хвастунишки! Тупицы! История делается в окопах, где охваченный кошмаром военного похмелья солдат всаживает штык в живот офицеру и затем на буфере бежит в родную деревню, чтобы там поднести красного петуха к помещичьей кровле. Вам не по душе это варварство? Не прогневайтесь,—отвечает вам история: чем богата, тем и рада. Это только выводы из всего, что предшествовало. Вы воображаете всерьез, что история делается в ваших контактных комиссиях? Вздор, лепет, фантасмагория, кретинизм. История—да будет ведомо!—выбрала на этот раз своей подготовительной лабораторией дворец Кшесинской, балерины, бывшей любовницы бывшего царя. И отсюда, из этого символического для старой России здания, она подготовляет ликвидацию всей нашей петербургско-царской, бюрократически-дворянской, помещичье-буржуазной гнили и похабщины. Сюда, во дворец бывшей императорской балерины, стекаются закоптелые делегаты фабрик, серые, корявые и вшивые ходоки окопов, и отсюда они разводят по стране новые вещие слова.

Горе-министры революции судили и рядили, как бы вернуть дворец его законной владелице. Буржуазные, эсеровские, меньшевистские газеты скалили свои гнилые зубы по поводу того, что Ленин с балкона Кшесинской бросал лозунги социального переворота. Но эти запоздалые потуги не способны были ни повысить ненависть Ленина к старой России, ни усилить его волю к расправе над ней: и та и другая уже достигли предела. На балконе Кшесинской Ленин стоял таким же, каким он месяцами двумя позже скрывался в стогу сена и каким несколько недель спустя занял пост председателя Совнаркома.

III. ВОКРУГ НАСТУПЛЕНИЯ

8. **Н. БУХАРИН.**—Империалисты укрепляются
9. **Н. СУХАНОВ.**—Большевистский крот
10. **Н. ЛЕНИН.**—Из речи на 1-м с'езде
11. **Н. СУХАНОВ.** - Две демонстрации
12 **И. ЛЮБИМОВ.**—Перед наступлением
13. **Е. БАБИН.**—Развал

Н. БУХАРИН

Империалисты укрепляют

(Из брошюры: «Классовая борьба и революция в России»)

Всякое классовое представительство в общем и целом выполняет волю класса, его создавшего. Тактика империалистов, сидящих в своих банкирских конторах, дирекциях своих фабрик, посещающих свои «с'езды» и «совещания», легальные и нелегальные—эта тактика совпадает с тактикой тех же людей, когда они сидят в министерских креслах, по существу. Но она почти никогда не совпадает по форме, которая может быть далека от сущности, как небо от земли. Ибо политический жаргон дипломатов гораздо более гнусен, чем жаргон уличных воров, которые, залезая в карман, никогда не апеллируют к простым законам права и нравственности, к заповедям христианской добродетели или к священным идеалам цивилизации.

Вне сферы официальных отношений буржуазия вела атаку против Советов довольно открыто. Целый ряд кампаний против них был организовано проведен путем систематической травли в буржуазной прессе. Буржуазная пресса выказала себя сильнейшим орудием духовного порабощения масс.

Братство народов превращалось под пером грязных писак в пособничество Германии; демократизация армии и проповедь мира—в причины поражения на Стоходе, поражения, которым армия в действительности была обязана исключительно беспардонному поведению высшего командного состава; восьмичасовой рабочий день выставляется чуть ли не государственной изменой и солдаты приглашались к нападению на рабочих, якобы оставляющих

армию без снарядов; наконец, самое существование советов изображалось, как тормаз деловой работы Временного Правительства.

Советы видели все это и словесно боролись с такой травлей. На большее у них редко хватало решимости. Вместо того, чтобы иметь перед собой классовую сущность правительственной власти, они рассматривали империалистское насквозь Временное Правительство, как арифметическую сумму отдельных лиц с кастрированными классовыми устремлениями. Их умственная слепота, их поистине трогательная наивность доходила до того, что они искренне считали самых ярких идеологов империализма за апостолов демократического мира!

Холодной водой окатил их Павел Николаевич Милюков. 20 апреля этот министр иностранных дел опубликовал свое «раз'яснение» к ноте 27-го марта. Г. Милюков имел наглость пометить его днем 18 апреля, когда небывалые выступления несметных масс рабочих и солдат выдвинули по всей России лозунги международного праздника пролетариев. «Раз'яснение» предназначалось уже не для «граждан свободной России», а для союзных правительств. Тут нужен был иной язык и иные формулы. И господин Милюков заговорил уже не только о «решительной победе над врагом», но и о «санкциях и гарантиях прочного мира», что на дипломатическом жаргоне означает как раз те самые аннексии и контрибуции, против которых якобы должна протестовать правительственная нота от 27 марта. Впоследствии на с'езде своей партии г-н Милюков с истинным благородством профессионального дипломата заявил, что он лгал гражданам России по долгу службы.

На ноту Милюкова рабочая и солдатская масса ответила грандиозным выступлением. 20 и 21 апреля в Петербурге, Москве и ряде других городов вспыхнули могучие демонстрации протеста против Временного Правительства и в особенности против Милюкова. Как ни старались сторонники Милюкова дезорганизовать демонстрацию, направленную против Милюкова, сделать этого им не удалось. Провокаторские выстрелы повлекли за собой несколько жертв, но это не расстроило сплоченности масс, стихийно вышедших на улицу.

Воля к миру среди широких слоев армии проявлялась в необычайном распространении братанья на фронте. Среди крови и грязи, в которой захлебывалось озверевшее человечество, братанье было ярким и светлым пятном. Фактически оно прекратило на одном фронте военные действия. Появились уже признаки перебрасыванья «братанья» и на другие фронты. Война, эта гнусная гадина, грозила быть задушенной усилиями самих масс, уставших, насильничать из-под палки. Казалось, мир будет установлен самими массами через головы правительств.

Понятно, какое бешенство возбуждало возникновение человеческих отношений между «врагами» у людоедов от буржуазии. Они забили тревогу. Морем лганья стали они запугивать обывателя. А к их хору присоединился внушительный бас союзников, которые требовали прекращения «безобразия», которые настаивали на наступлении под угрозой лишить правительство своей финансовой поддержки. Нужно было во что бы то ни стало сорвать братанье и международную революцию, которая хотела сорвать войну и империализм.

Таковы были планы буржуазии, той самой буржуазии, которая явно вожделела к чужому добру. И Советы помогли этим планам. В воззвании «К армии» не только резко осуждалось братанье, как возможная ловушка немецкого генерального штаба, но и указывалась необходимость наступления. Это было все, что требовалось пока для буржуазии.

Мелкая буржуазия и мещанский социализм сдали свою важнейшую позицию, сдали бесславно, без боя. Это обстоятельство не могло не иметь крупнейших последствий.

На 10 июня Центральный Комитет большевиков готовил демонстрацию рабочих и солдат, демонстрацию протеста против политики Временного Правительства: массы требовали такой демонстрации, рабочие и солдаты хотели заставить услышать свой голос. Но мелкая буржуазия уже стала страшиться революционного авангарда: он мог скомпрометировать ее в глазах друзей справа, он мог совершить тягчайшее «преступление перед революцией»: запугать буржуазию, буржуазию, готовившую контр-революционные полки,

без ведома самого Керенского уже намечавшую «высокое» лицо в диктаторы.

С'езд *) запретил демонстрацию пролетариев и солдат и своим запрещением открыл атаку на партию революционного пролетариата. Только благодаря тому, что Центральный Комитет большевиков решил подчиниться и обратился к массам с соответствующим воззванием, демонстрация не состоялась. Ее отменила сама пролетарская партия.

Но меньшевики и эс-эры, рассылавшие своих агитаторов по фабрикам, заводам и казармам, видели, какое настроение царит среди масс. Они видели, что демонстрация об'ективно необходима. Обрушившись на большевиков за устройство демонстрации, они назначили демонстрацию сами. 18 июня под давлением большевиков был назначен смотр силам революции. Нужно было только сделать демонстрацию «не страшной» для буржуазии. «Процессия на могилу жертв революции»—таков был мелкобуржуазный псевдоним для пролетарской демонстрации протеста против Временного Правительства.

День 18 июня стал историческим днем. Он стал символом противоречия, символом громадной исторической антитезы и в то же время символом откола мелкой буржуазии от революционного пролетариата. 18 июня почти полумиллионная рабочая и солдатская масса вышла с лозунгом: «Против политики наступления!»—18 июня «революционный» министр Керенский повел в это наступление войска.

Красные знамена реяли над Петербургом. В подавляющем большинстве демонстрация шла под большевистскими лозунгами «Долой контр-революцию!» «Долой 4-ю Думу и Государственный Совет!» «Долой 10 министров-капиталистов!» «Долой «союзных» империалистов!» «Долой капиталистов-локаутчиков!» «Вся власть Советам!» «Да здравствует контроль над производством!» «Против расформирования полков!» «Против разоружения полков!» «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими и французскими капиталистами!» «Немедленное опу-

*) 1-ый С'езд Советов, на котором преобладали соглашатели.

бликование договоров!» «Против политики наступления!»

И в тот же самый день Керенский телеграфировал князю Львову: «Настойчиво прошу срочно разрешить мне вручить от имени свободного народа полкам, участвовавшим в бою 18 июня, красные знамена революции».

Демонстрация 18 июня показала, что авангард революции, пролетариат и лучшая часть армии, идет с большевиками. Она, с другой стороны, показала, что единственной пролетарской партией, партией революционно-интернационального социализма, являются большевики. Демонстрация 18 июня была резко выраженной классовой демонстрацией. Буржуазия попряталась. Любопытные буржуа не глазели на демонстрантов. Они исчезли с улиц Петербурга, предоставленных пролетариям и солдатам. «Сердце и мозг революции», город переворота, оказался на стороне Интернационала.

Наступление 18 июня обозначило поворотный пункт в развитии революции. Оно значило фактическую победу контр-революционных империалистов. Оно означало, что мелкая буржуазия вошла в империалистически-военный блок с «своими» и с «союзными» капиталистами. Оно означало, что на организованные силы русской революции, кроме ее левого, пролетарского фланга, наброшен аркан, который тащит их к империалистской виселице. Оно означало, наконец, ликвидацию политики международного соглашения демократий, которая звучала бы жалким лепетом в сравнении с языком пулеметов тех полков, которые шли под «красными знаменами революции» и которым с таким упорством навязывали секретные договоры кровавого царя.

Наступление чрезвычайно обессилило позицию демократии в борьбе за мир. Но оно необыкновенно укрепило позицию реакционеров. В атмосфере военного «подтягивания», под флагом «дисциплины» и «порядка» гораздо легче надевать наручни на непокорных и заковывать всякую критику в кандалы.

«Большевистский крот»

Страна реагировала на коалиционную политику не только эксцессами и «движениями»—рабочим, крестьянским, солдатским, «республиканским». Коалиция усиленно питала и определенное общественное течение. Стихийный протест, стихийное стремление осуществить непреложную программу революции—уже тогда, в мае месяце, оформлялось под знаменем большевизма.

Надо ли говорить о том, какую агитационную энергию развила в столь благоприятной среде партия Ленина? Надо ли говорить, что—равнодушная к борьбе внутри советских учреждений—она лихорадочно действовала вне их и жила и росла вместе с массами... И работа эта начала сказываться быстро и ярко. Имена Ленина и его соратников, ежедневно обливаемые ушатами грязи, все еще были одиозны и подозрительны для серых масс. А на советских организованных собраниях большевикам попрежнему устраивались скандалы и поле битвы оставалось за советским правящим блоком. Но, во всяком случае, большевиков уже слушали не только среди «низов», но и среди солдатско-крестьянской гвардии Авксентьева и Церетели.

На офицерском с'езде 20-го мая по-прежнему требовали ареста Ленина, говоря, что иначе народ убьет его. Но именно в тот же день Ленин появился на крестьянском с'езде.

Казалось бы, Ленин попал не только в стан злых врагов, но—можно сказать—в самую пасть крокодила. Однако, мужички слушали внимательно и, вероятно, не без сочувствия. Только не смели этого обнаружить...

Около того же времени, в Исп. Комитете прошел однажды слух, что Ленин в «белом зале» выступает перед солдатской секцией. Это была самая верная опора Чайковского и Церетели, это были преторианцы коалиции. Казалось, Ленину не поздоровится. Я поспешил в «белый зал». Ленин был уже давно на трибуне и говорил ту же речь, что и на крестьянском с'езде. Я сел в ряду седьмом, в недрах солдатской аудитории.

— А ведь умно говорит, умно... А?—обращался один солдат к другому.

Большинством собрания было постановлено дать Ленину окончить речь... Предубеждение было ликвидировано, лед был сломан. Ленин и его принципы начинали просачиваться даже в толпу преторианцев.

В Кронштадте уже в половине мая Керенский, подготовлявший наступление, фигурировал с эпитетами: «социалист-грабитель и кровопийца».

В своей агитации на фронте, Керенский, видимо, хорошо ощутил именно большевистскую опасность. Уже 15-го числа на фронтовом с'езде в Одессе Керенский обрушился на ленинцев—в выражениях, достойных цитаты: ибо, здесь, пожалуй, было положено начало.

— Нам угрожает серьезная сила,—говорил военный министр.—Люди, об'единившиеся в ненависти к новому строю, найдут путь, которым можно уничтожить русскую свободу. Они достаточно умны, чтобы понять, что провозглашением царя ничего не достигнуть, так как нет штыка и шашки за них. И они идут путем обманным, путем проклятым, идут к голодной массе и говорят: требуйте всего немедленно,—шепчут слова недоверия к нам, всю жизнь положившим на борьбу с царизмом. И мы должны сказать им: остановитесь, не расшатывайте новые устои...

И вообще «вопрос о большевиках» всплывал на поверхность, как очередная государственная проблема. В передовице 25 мая «Речь» хорошо формулировала это, призывая государство и народ к решительной борьбе с этой грозной опасностью...

Между тем, факты говорили за себя все более красноречиво. Если в солдатской секции пока еще только сочувственно слушали Ленина, то в иных полках столицы, недавно лояльных Родзянко, уже основательно слушались большевиков. Подобно тому, как Рошаль в Кронштадте, в иных полках приобрели уже исключительный авторитет местные и неизвестные большевистские деятели. В частности, уж был верен Ленину 1-й пулеметный полк, в котором действовал некий прапорщик Семашко. Когда он, в конце мая, был случайно арестован, весь пулеметный полк в полном составе выступил на улицы, освободил Семашко и вынес

его на руках из комендатуры. Это уже была военная сила в руках большевистского центр. комитета.

Но, разумеется, в первую голову под знамена большевизма стягивался петербургский пролетариат... Я упоминал, что частичные перевыборы Совета на заводах давали исключительно оппозиционных делегатов. Это были именно большевики. Я упоминал также, что против резолюции о Кронштадте в Совете голосовало 162 человека. Это были также большевики, которые составляли уже добрую треть рабочей секции...

30-го числа в «белом зале» открылась конференция фабрично-заводских комитетов столицы и ее окрестностей. Конференция выросла из «низов», ее план был разработан на заводах, и выражала она точно настоящую физиономию петербургского пролетариата. Она была действительно его представительством, и рабочие от станков в большом числе принимали активное участие в ее работах. В течение двух дней этот рабочий парламент обсуждал экономический кризис и разруху в стране. И, разумеется, связал экономику с политикой.

Большевики же, Ленин и Зиновьев, при поддержке рабочих ораторов, впервые развернули здесь свой лозунг «рабочего контроля».

Итоги прений—по ходу их—не были неожиданны. Но самый факт этой конференции, в связи с итогами ее работ, был высоко знаменательным.

На деле конференция фабрично-заводских комитетов означала не больше, не меньше, как то, что петербургский пролетариат, гегемон революции, ныне идет за большевиками. Ленин, пользуясь независимой помощью Церетели, Керенского и всей коалиции, уже завоевал умы рабочей столицы. И дальнейший ход революции можно было отныне считать вполне предопределенным.

При голосованиях за большевиками пошло 335 рабочих представителей из 421.

Победа большевизма была полная... Конференция фабрично-заводских комитетов в заключение постановила: «организовать в Петербурге общегородской центр из представителей всех фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов; этому центру должна принадлежать руко-

водящая роль в осуществлении всех намеченных выше мер (контроль и пр.) в пределах Петербурга».

Этот центр, попавший всецело в руки большевиков, естественно, должен был стать отныне вообще самым авторитетным центром для петербургского пролетариата. Он должен был естественно вытеснить и заменить собой капитулянторский Совет. Если этого не произошло, то только по одной причине: советская рабочая секция—как в Петербурге, так и в Москве—неудержимо, день ото дня, наполнялась большевиками. Большинства еще не было, и когда оно образуется, точно сказать было нельзя. Но оно б у д е т, и оно не за горами—в этом сомневаться было нельзя.

Керенский в это время пожинал лавры в Москве. К улицам, по которым он проезжал, сбегались толпы. Его автомобиль забрасывали цветами. Керенский, стоя в нем, раскланивался с «народом». Он был на вершине своей популярности. Он был героем и предметом обожания—для обывателей и межеумков... В это время Ленин твердой стопой проходил ступень за ступенью, все дальше, все выше, закрепляя каждый свой шаг сталью пролетарских рядов, опираясь на единственный, незыблемый базис революции.

И, наконец, в те же дни произошли в столице муниципальные выборы. На основе всеобщего голосования в Петербурге создавались «районные думы»... К этим первым выборам столица готовилась энергично уже несколько недель. Формировались группы, составлялись списки кандидатов, шла устная и печатная агитация, какая может иметь место только в периоды огромных всенародных под'емов, бушующих страстей и неизжитых надежд.

Советский блок, предвкушая решительную победу над кадетами, не сомневался, что он раздавит и большевиков.

Но наступили выборы. И оказалось, прежде всего, что в рабочем, выборгском, районе дума получила большевистское большинство. А затем во всей столице за «изолированную кучку» немецкого агента Ленина голосовало больше 150 тысяч избирателей. Большевики сравнялись, по числу собранных голосов, со всей об'единенной буржуазией.

Это было не мало. Это было не плохо. Это была п о б е-

да... Ее прочный, несомненный фундамент во всяком случае был закончен. Дальнейшая линия революции, линия народных движений была предопределена. Правящий советский блок, если бы не был слеп, уж мог бы воочию видеть свое банкротство. Да, большевистский крот, ты славно роешь...

Речь Ленина на I С'езде Советов

(Отрывки)

Что такое те советы, которые собрались сейчас на Всероссийском с'езде?

Советы—это учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это—тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянско-пролетарской, демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам...

Продолжать существовать так, как они существуют теперь, Советы не могут. Взрослые люди, рабочие и крестьяне должны собираться, принимать резолюции и выслушивать доклады, которые никакой документальной проверке подвергнуты быть не могут. Такого рода учреждения—это переход к той республике, которая создаст твердую власть, без полиции, без постоянной армии, не на словах, а на деле, ту власть, которая в Западной Европе существовать не может, ту власть, без которой не может быть победы русской революции в смысле победы нам империализмом. Без этой власти не может быть и речи о том, чтобы мы сами подобную победу одержали. . Гражданин-министр почт и телеграфов говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю—есть; ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком. (Аплодисменты и смех). Вы можете смеяться сколько угодно, но если гражданин-министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ... У нас осталось все по-старому, коалиционное министерство

не изменило ничего, оно прибавило только кучку деклараций, лишних заявлений. Как бы искренни ни были люди, как бы искренно они ни желали добра трудящимся, дело не изменилось—тот же класс остался у власти... Хищение народного достояния капиталистами продолжается. Империалистическая война продолжается, а нам обещают реформы, реформы и реформы, которые вообще в этих рамках осуществлены быть не могут, потому что война все подавляет, все определяет... И первое Временное Правительство, и Правительство с почти-социалистическими министрами ничего не изменило: тайные договоры остаются тайными, Россия воюет за проливы...

Только одна страна в мире сможет сделать шаги к прекращению империалистической войны сейчас в классовом масштабе, против капиталистов, без кровавой революции, только одна страна, и это страна—Россия. Когда вы возьмете революционную власть, у вас будет революционный путь к миру: обращение к народам с революционным призывом, об'яснение тактики на вашем примере. Тогда перед вами дорога к революционным путем завоеванному миру откроется с величайшей вероятностью того, что вы гибели сотни тысяч людей избежите...

Вот почему мы придавали нашему заявлению о наступлении такое коренное значение. Наступление теперь есть продолжение империалистической бойни и гибели сотен, тысяч, миллионов людей,—об'ективно, т.-е. независимо от воли или сознания того или иного министра, из-за задушения Персии и прочих слабых народов.

Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены и в России и во всем мире. (Аплодисменты части собрания)...

3—16/VI, 24/VII—1917 г.

«Две демонстрации»

(Из „Записок о революции", т. IV)

День был роскошный и уже было жарко.

На Марсовом Поле не было сплошной, запружавшей его толпы. Но навстречу мне двигались густые колонны.

— Большевистская,—подумал я, взглянув на лозунги знамен.

Я подходил к могилам павших, где стояли, пропуская манифестацию, плотные группы знакомых советских людей... Оказывается, манифестация несколько запоздала. Районы тронулись со сборных пунктов позднее назначенного времени. Через Марсово Поле дефилировали еще только первые отряды петербургской революционной армии. Во всех концах Петербурга колонны еще были в пути. Ни о каких эксцессах, безпорядках и замешательствах, впрочем, не было слышно. Оружия с манифестантами не было видно.

Колонны шли быстро и густо. О «неудаче» не могло быть речи. Но было некоторое своеобразие этой манифестации.

На всей манифестации был деловой налет. Но манифестация была грандиозна. Как при похоронах 23 марта, как и в первомайской манифестации 18 апреля,—в ней попрежнему участвовал весь рабочий и солдатский Петербург.

Но каковы же лозунги, какова политическая физиономия манифестации. Что же представляет собою этот отразившейся в ней рабоче-солдатский Петербург?

— Опять большевики,—отмечал я смотря на лозунги,—и там за этой колонной идет тоже большевистская...

— Как будто... и следующая тоже,—считал я дальше, вглядываясь в двигающиеся на меня знамена и в бесконечные ряды, уходящие к Михайловскому замку, вглубь Садовой.

— «Вся власть Советам», «Долой десять министров-капиталистов», «Мир—хижинам, война—дворцам».

Так твердо и увесисто выражал свою волю авангард Российской и мировой революции рабоче-крестьянский Петербург... Положение было вполне ясно и недвусмыслен-

но... Кое-где цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключениями, нарочито подтверждающими достоверность правила. И снова и снова, как непреложный зов самых недр революционной столицы, как сама судьба, как роковой бирнамский лес—двигалось на нас:

— «Вся власть советам». «Долой десять министров-капиталистов».

Удивительный, очаровательный этот лозунг. Воплощая огромную программу в примитивно-аляповатых, в наивно-топорных словах—он кажется непосредственно вышедшим из самых народных глубин и воскрешает бессознательный, стихийно-героический дух Великой французской революции. Стоит вглядеться в этот лозунг, взвесить, просмаковать каждое слово и оценить совсем особый аромат его... А скромный, но хорошо понимающий политику «глава правительства»—премьер Львов по поводу этого лозунга в частных разговорах пожимал плечами:

— Не понимаю, чего они хотят. Они сами не знают чего хотят. «Десять министров-капиталистов». Но у нас в правительстве всего два капиталиста—Терещенко и Скобелев. . . . .

Здесь тоже, что ни слово—золото... Но так или иначе, понимает или не понимает, чего она хочет—пролетарская столица,—при виде мерно ступающих боевых колонн революционной армии, казалось, что коалиции уже пропета отходная, что она уже ликвидирована формально, что господа министры, по случаю явного народного недоверия, сегодня же очистят место, не дожидаясь пока их попросят более внушительными средствами...

Я вспоминаю вчерашний задор слепца—Церетели. Вот оно—состязание на открытой сцене. Вот он—честный смотр сил на легальной почве, на общесоветской манифестации...

Подходил отряд с огромным тяжелым стягом, расшитым золотом: «Центральный Комитет Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии (большевиков)». Предводитель потребовал, чтобы, не в пример прочим, отряду было позволено остановиться и подойти к самым могилам. Кто-то, исполнявший обязанности церемониймейстера, пытался вступить в пререка-

ния, но тут же уступил. Кто и что могло помешать победителям позволить себе этот пустяк, если они того захотели?

Это был грандиозный смотр рабоче-солдатской революционной армии. Он свидетельствовал о новых достижениях, об огромном движении вперед, о под'еме революции на новые высоты. И в тот же день ей наносился новый предательский удар...

Два—три дня тому назад в газетах было напечатано странное сообщение: военный и морской министр Керенский отбыл в Казань. Но Керенский поехал не в Казань. В день манифестации, 18-го июня, он, на фронте, повел в наступление революционные полки.

Свершилось. Союзный капитал мог праздновать долгожданную и огромную победу. Всеевропейская каннибальская кампания завершилась счастливым концом. Русская революция, с высоты англо-французской биржи, могла казаться совершенно аннулированной. Дело всеобщего мира могло казаться проигранным. Дело мировой революции приниженным и оплеванным. Это усугубляло торжество англо-французских-русских биржевиков. Ведь победа над революцией стоила пожалуй не меньше, чем ожидаемая пиратская добыча в результате разгрома Германии.

Да только недолго они тешились. Наступление 18-го июня было не только великим наступлением,—оно было великой глупостью.

В Петербурге о начавшемся наступлении стало известно в понедельник днем. Известия были получены в редакциях и в правительственных учреждениях довольно рано, а из них стали быстро облетать весь город.

На Невском начались сборища и патриотические манифестации. Столичное мещанство под предводительством кадетов потянулись на улицу. Шествия, локализованные в центральных кварталах, были не велики, но бурны и полны одушевления. Во главе каждой манифестировавшей группы несли, как иконы, большие и малые портреты Керенского. На Невском я встретил, между прочим, манифестацию плехановской группы «Единство». Окруженная сотней-двумя разных господ посреди улицы двигалась какая-то колес-

ница, разубранная цветами, с огромным портретом героя 18-го июня. На колеснице же восседал старый ветеран революции, Лев Дейч, что-то выкрикивавший толпе, а может быть распевавшей в патриотическом восторге. Жалкое, удручающее зрелище!

И. ЛЮБИМОВ

Перед наступлением

(Из воспоминаний)

Перед самым наступлением приехал Брусилов. На специальное заседание Фронтового Комитета явился весь генералитет с Брусиловым и Деникиным во главе. Маленький, тщедушный Брусилов—типичный рубака. Говорил он непривычные слова о революции, о свободе, и вылетали они неуклюже, отрывочно, как дурное и непривычное командование эскадрону. «Как смотрит Комитет на положение, о чем считает нужным заявить»,—спрашивает он. «Вот командование не даст нам автомобилей, не оказывает содействия в работе»,—как-то некстати заявил председательствовавший тов. председателя Исполкома эс-эр Полянский...

Вдруг поднимается здоровенная солдафонская фигура генерала и, стуча кулаком по столу, заявляет: «Какое вам содействие! Вы скажите сначала, как вы смотрите на наступление и отменили ли вы пораженческие резолюции?»

Незадолго до этого действительно была принята половинчатая и ничего не говорящая эс-эровская резолюция об отношении к войне.

Эс-эр Полянский достает и читает вновь состряпанную резолюцию. В ней—гром победы, раздавайся!—наступленческая, беспринципная резолюция.

Деникин (это был он) произносит: «Я удовлетворен». Казалось, достигнута гармония между махровым генералом и социалистом-революционером.

Но в это время берет слово другой товарищ председателя Исполкома фронта и председатель Минского Совета и, обращаясь к Брусилову, заявляет: «Мы здесь собрались с представителями военного командования по меньшей мере, как равные с равными. Поведение ген. Деникина грубо и недопустимо, и я предлагаю ему вести себя на нашем со-

вещании более корректно, иначе мы вынуждены будем покинуть заседание». Брусилов извиняется за Деникина, говорит, что не стерпело его русское сердце. Деникин сидит с налитым кровью лицом и злобно блестящими глазами. Эсэры шумят, считают заявление нетактичным, недопустимым. Скандал в благородном семействе...

Перед июньским наступлением агитировать за него на фронт поехал член Петроградского Исполкома Соколов и с ним один эс-эр Брауде. Попали они к нам на собрание фракции солдат-большевиков. Здесь мы их изрядно отчитали и проводили довольно недружелюбно. Обиделись высокие гости. А еще более обидели их солдаты на фронте, когда в одной части за наступленческую агитацию их порядочно поколотили. При возвращении с фронта нам даже жалко было храбрых вояк и даже как-то немножко неловко, что наша встреча была предзнаменованием дальнейшего приема их на фронте.

Е. БАБИН

Развал

(Из повести „Великий Развал")

Армейский с'езд. Председатель—генерал. За столом блестящие мундиры. Рядом с президиумом полный штатский. Представитель Керенского. Посол в армию: князь Долгоруков.

Комиссар Филоненко, эс-эр, непрерывно прикладывается к уху князя.

«Каково?»

«Я доволен. Керенский будет рад».

«Не ожидал. Не ждал. Армия пойдет в наступление».

Атмосфера с'езда нагрета. Двенадцать офицеров три часа призывали наступать. Входит командующий армией. Корявый генерал, но держится гордо. На груди Белый Орел. Правая встает. Уступают стул в президиуме.

Отхожу в сторону, где на сцене, в темном уголку, кучка большевиков. Их только пять: Коковихин, Нехаев, один могучий гвардеец, два пехотных. Слились в одно.

«Слово представляется Коковихину... Большевик»...

Движение. Командующий впился в лицо. Долгоруков взглянул, отвернулся.

Справа голос: «долой». Слева, робко: «тсс».

«Долой... Большевика долой. К чорту. Вон»...

Коковихин поправил черную рваную барашковую шапку. Поднимается изможденный пехотинец. Десны бледные: цынгу залечил.

«Мерзавцы... Офицерье»... С треском опускается на стул.

Правая вскакивает. Крик, шум... «Товарищи». «Довольно». «Товарищи, вас обманывают... Дайте же говорить». «Довольно».

Председатель звонит. Страсти вспыхнули, успокоились.

«Поправку прошу... мне». На трибуну лезет мохнатый сибиряк. Все умолкло.

«Офицеры—все контр-революционеры. Это не реклама, а хвакт»... Как медведь слезает с трибуны. Тишина удивления... «Слабо, князь»... «Две стороны. Общего ничего... Неужели?» «Не бойтесь. Кучка агитаторов. Остальные пойдут: пушечное мясо»...

«Коковихин, продолжайте». Снял черную шапку.

«Товарищи, вас обманывают. Вас подогрели, чтобы снова пошли на убой. Боритесь, протестуйте. Бараны мы, что-ль?»

«Вон с трибуны. Долой. В морду дам. Довольно»...

Правая поднялась. Встали слева. Лицом к лицу две стены. Злоба на всех. Правых в трижды больше. Коковихин мнет шапку. Ушел. Как волк, оскалясь...

«Ну, брат, дело за тобой»... Молча жму руку...

Начальник штаба, начальник снабжения, старший врач и другие докладывают. Страшная картина слабости армии. Нет снарядов, патронов. Нет совсем фуража. Гнилые селедки. Цынга разредила ряды. В окопах недовольство. Только расстрелы зажали рты. Циничная откровенность. И каждая речь оканчивается... призывом умереть или победить. Цифры черные, но речи горячие. В голосе слезы, мольба и восторг перед Керенским... Справа аплодисменты дружные. Левая незаметно втягивается в настроение: наступать. Опутана туманом лжи патриотизма. Эх, все равно, скорей уж—победить, умереть, лишь бы закончить войну, уйти из этих ужасов...

А там, в окопах, я знаю, там этих речей не слышат. Там устали. Там в бой не пойдут...

Перерыв до завтра. Первая речь с утра моя...

Я не спал эту ночь. В мыслях сплел речь из звеньев того, что говорили начальники, что говорил каждый из черных ораторов. Я знал: моя речь будет жуткой. Но дадут ли говорить? Ведь я скажу правду, повторю их слова и желание этих, которые в окопах, которые не могут воевать.

Утром бледный, с воспаленными от бессоницы глазами, стою на трибуне... В первых рядах: два турецких барабана, несколько малых. В руках свистки, трещетки, палки для удара о скамьи. Глаза насмешливы. Левая меня любила, это я знал. Правая то ненавидела, то снисходила к моим новеньким погонам с двумя просветами. Холодно стало. Кошачий концерт. Не дадут говорить. Рассаживается президиум. Зал полон, против обычая, точно собираться с утра. Заигрываю с «музыкантами». Смеюсь с президиумом. Входят: командующий Балуев, князь и Филоненко. Правая встает. Сели. Подозрительная тишина. Беру кафедру и справа переставляю налево.

«Здесь большевик говорил, Коковихин,—я же сегодня выступаю от кадет»... Смеются...

Низко кланяюсь князю Долгорукову. Правая улыбается. Напяливаю фуражку по уши... Смех усиливается. Прошу дать барабан. Дают. Общий хохот. А к горлу слезы подступили. Взглянул: слева много новых лиц. Большевики за ночь прислали подкрепление. Меня сразу это поднимает.

«Вам пять минут на слово». «Всем пятнадцать». «Вам пять. Пол минуты прошло». Тишина.

Резким, звонким, как сталь, голосом говорю. Я взял их в руки и это почувствовал. И, пересыпая речь шутками, зову воевать до победного конца. Правая бурно аплодирует. Президиум молчит. Проходят десять, пятнадцать минут. Пересказываю все, что говорили до меня. Ссылаясь на них—нет патронов, нет снарядов, ни бинтов и лекарства для солдатских ран, ни еды, ни здоровых солдат. И в эти ужасы я вплетаю смех...

«Ваше время давно прошло». Улыбается. «Князь, он молодец». «Говори. Пусть говорит. Продолжай». Оглянулся назад. Коковихин уткнулся в стену и закрыл голову руками.

Нехаев сверкнул зубами. Грозит кулаком... Измена?.. «Знаю». Резко выхожу направо. Бросаю: «Вы слышали от них», указываю на начальствующих. «Ваша армия разложена. Она ничего не имеет. И вы хотите в бои? Да? А там, в окопах, что вы скажете? Забыли о них?»...

Председатель вскакивает. Дергает меня за рукава. Сбрасываю шинель. Она остается в его руках.

«Полковник, остановитесь: с ума сошли?»

Нехаев резким движением сажает председателя на стул. Князь Долгоруков пожал плечами. Ушел. Он вчера дал телеграмму Керенскому: «армия пойдет в бой».

Кто-то свистнул. Его сосед, солдат, ударом выбил свисток. Продолжаю. Развал армии проходит перед слушателями. Нет улыбок. Офицер вскочил, грозит кулаками. Удар в спину: падает на стул. Говорю час. Ни протеста. Кончаю: «вы пойдете в бой?»... Тишина... «Ни за что... Кончено»... Гул растет. Гром. Буря. Никто не сидит...

«Товарищи»!.. Встал высокий офицер. Сгорбился. Кривая улыбка. Капитан из окопа—Базилевич... Нюхал трупы. По тине шлепал, когда кругом торчат ноги, руки... Стоны в ушах не замерли. Громовый голос: «товарищи, я со Стохода. Десятки тысяч гибли бессмысленно. Тина брала. На проволоке, что осталось. Всякое терпение истощилось. Довольно дикого наступления. Агитаторов надо в окопы, тогда поймут, что надо делать»...

Снова тишина... Сели. «Граждане, осталось сорок ораторов»... Председатель растерян... «Довольно. Ясно». «Прекратить запись ораторов? Голосую»... «К чорту президиум. Сменить»... Снова встали... Волны в бурю. Налево переходят солдаты, потом подпрапорщики, десяток-другой офицеров. Кошачий концерт не удался...

«Сменить президиум». Командующий взволнован. Коковихин: «Кто за смену президиума?» Председатель: «Коковихин, это самоуправство». Слева и в средине лес рук.

«Кто против?... Никто...» В президиум, при разбежавшейся правой, единогласно выбраны большевики. В эти минуты наступление 18-го июня на нашем участке было проиграно...

Керенский читал: «армия пойдет в бой» и выехал на фронт.

IV. ПЕРВЫЙ БОЙ ПРОЛЕТАРИАТА

14. **Л. ТРОЦКИЙ**—Перед 3 июля
15. **Ф. РАСКОЛЬНИКОВ**—Июльские дни
16. **В. ВЛАДИМИРОВА**—Разгром
17. **Ф. РАСКОЛЬНИКОВ**—Море клеветы
18. **Н. ЛЕНИН**—О хлебе и классовой оценке июльских дней

Л. ТРОЦКИЙ

Перед 3 июля

(Из книги: „Октябрьская революция")

Военные события разыгрывались на основе все более наростающих затруднений во внутренней жизни страны. В области земельного вопроса, промышленности, национальных отношений коалиционное правительство не делало ни одного решительного шага вперед. Продовольствие и транспорт расстраивались все больше. Столкновения на местах учащались. «Социалистические» министры уговаривали массы подождать. Все решения и мероприятия откладывались, в том числе и Учредительное Собрание. Несостоятельность и неустойчивость режима были очевидны.

Возможных выходов открывалось два: отбросить буржуазию от власти и двинуть революцию вперед или перейти к «обузданию» народных масс при помощи суровых репрессий. Керенский и Церетели держались среднего пути и только запутывали положение.

Когда кадеты, наиболее умные и дальновидные представители коалиции, поняли, что неудавшееся наступление 18-го июня может тяжело ударить не только по революции, но и по правящим партиям, они поторопились отойти временно к стороне, взвалив всю тяжесть ответственности на своих союзников слева.

2-го июля произошел министерский кризис, формальным поводом к которому послужил украинский вопрос. Это был момент чрезвычайного политического напряжения во всех смыслах. С разных концов фронта являлись делегации и отдельные представители и рассказывали о том хаосе, который воцарился в армии в результате наступления. Так называемая государственная печать требовала суровых ре-

прессий. Подобные же голоса все чаще раздавались со страниц так называемой социалистической печати.

Керенский все больше или, вернее, все открытее переходил на сторону кадет и кадетских генералов, демонстративно обнаруживая не только свою ненависть к большевикам, но и свою неприязнь к революционным партиям вообще. Союзные посольства нажимали на правительство, требуя восстановления дисциплины и продолжения наступления. В правительственных кругах царила величайшая растерянность. В рабочих массах накопилось негодование, которое нетерпеливо просилось наружу.

«Воспользуйтесь выходом в отставку кадетских министров и возьмите всю власть в свои руки!»—таков был призыв рабочих Петрограда, обращенный к руководящим советским партиям, социалистам-революционерам и меньшевикам.

Я вспоминаю заседание Исполнительного Комитета, происходившее 2-го июля. Министры-социалисты явились туда для доклада о новом кризисе власти. Мы с напряженным интересом ожидали, какую позицию займут они теперь, после того как коалиция, которую они создавали и охраняли, так бесславно распалась при тяжком испытании, порожденном самой коалиционной политикой. Докладчиком был Церетели. Он пространно об'яснял Исполнительному Комитету, что те уступки, какие он вместе с Терещенко сделал Киевской раде, отнюдь не означали расчленения страны и потому не давали кадетам достаточных оснований для выхода из министерства.

— А вывод? После всех предшествовавших опытов коалиции казалось, что вывод может быть только один—разрыв с кадетами, создание Советской власти. Соотношение сил внутри Советов было тогда таково, что Советская власть в партийном смысле оказалась бы непосредственно в руках у социалистов-революционеров и меньшевиков.

Мы сознательно шли навстречу этому. Советский механизм обеспечивал, благодаря возможности постоянных перевыборов, достаточно точное отражение изменяющихся влево настроений рабочей и солдатской массы. К тому же после разрыва коалиции с буржуазией радикальные тенденции должны были, по нашему предвидению, получить перевес в составе Советов. При этих условиях борьба пролетариата за

власть остественно вошла бы в русло Советской организации и могла бы развернуться безболезненно.

Вот почему мы требовали от руководящих советских партий, к которым не питали политического доверия и не скрывали этого, чтоб они взяли в свои руки власть.

Но и после министерского кризиса 2-го июля Церетели и его единомышленники не отказались от своей коалиционной «идеи». Они раз'яснили в Исполнительном Комитете, что руководящие кадеты, правда, развращены доктринерством и даже контр-революционностью, но что в провинции имеется много буржуазных элементов, которые способны еще итти нога в ногу с революционной демократией, и что для обеспечения сотрудничества с ними необходимо привлечь в состав нового министерства представителей буржуазии.

Весть о том, что коалиция разбилась только затем, чтобы уступить место новой коалиции, быстро распространилась по Петрограду и вызвала бурю возмущения в рабочих и солдатских кварталах. Так выросли события 3—5-го июля.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

Июльские дни

(Из воспоминаний)

Мне сообщили, что на Якорной площади собирается митинг. Оказывается, инициаторами его были новоявленные анархисты.

Первым говорил один из вновь приехавших анархистов. Истерическим голосом он описывал преследование анархистов Временным Правительством. Но центральным местом его речи было сообщение о назначенном на сегодня выступлении пулеметного полка и других частей Петроградского гарнизона.

— Товарищи,—со слезливым под'емом говорил анархист,—сейчас в Петрограде, может быть уже льется братская кровь. Неужели же вы откажетесь поддержать своих товарищей, неужели вы не выступите в защиту революции?

На впечатлительную морскую аудиторию такие речи оказывали сильнейшее впечатление.

После приезжего попробовал выступить с успокоительной речью тов. Рошаль. Моему бедному другу пришлось сойти с трибуны, даже не закончив своей речи.

После него выступали какие-то неведомые товарищи, никогда прежде не бравшие слова. Они произносили зажигательные речи и предлагали немедленно отправиться в казармы, захватить оружие и затем итти на пристань, овладеть всеми наличными пароходами и двинуться в Питер «Время не терпит», настаивали они. Атмосфера Якорной площади, накаплялась все больше и больше.

Беспокойство за судьбу петроградских товарищей, быть может уже выступивших на улицу, проливающих кровь и нуждающихся в поддержке, оказывало магическое действие на толпу. Все горели желанием, как можно скорее оказать помощь. Цели были выяснены. Не было точного представления, во имя чего выступают в Питере. Достаточно было одного факта этого выступления: активное чувство товарищества сообщало кронштадтским массам импульс непосредственного действия, подсказывало, что в такой момент они должны быть вместе со своими кровными братьями—рабочими и солдатами Питера. При таком единодушном коллективном настроении было очень трудно итти против течения. Однако партийный долг принуждал меня бороться до последней крайности. Я отчетливо сознавал, что раз наша партия не поддерживает выступления, то мы, большевики, независимо от своих личных взглядов, обязаны высказываться против, всеми силами удерживая от него наших друзей-кронштадтцев.

Я предложил: 1) вместо шествия к пристани, выбрать организационную Комиссию и поручить ей выяснение петроградских событий, учет оружия и плавучих средств.

2) Обязать Комиссию в кратчайший срок телефонограммой сообщить ее решение по частям.

К моему удивлению, вся речь и практическое предложение, из нее вытекавшее, были выслушаны спокойно.

4-го июля, в назначенный накануне ранний час вся Якорная площадь была покрыта стройными колонами матросов, солдат и рабочих, с красными знаменами и оркестрами музыки, собравшихся на сборный пункт для организованного выступления в Петроград.

По поручению организ. комиссии я поднялся на трибуну и раз'яснил цели и задачи нашей сегодняшней поездки в Петроград. Возможность провокации была еще раз подчернута. Я специально предостерег против всякой попытки втянуть нас в неорганизованное вооруженное столкновение со сторонниками Временного Правительства и предложил тщательно воздерживаться от стрельбы.

Мною был оглашен список пароходов, предназначенных для этого похода с распределением их между воинскими частями и рабочими. После этого мы все организованно, под музыку, двинулись на пристань.

Группа активных руководителей, так сказать, штаб демонстрации, поместился на крепостном пароходе «Зарница». Для других были отведены иные буксирные и пассажирские пароходы. Ни одного военного судна не было в нашем эскорте: из состава Балтийского флота в Кронштадтском порту стояла только одна рухлядь, не способная отделиться от стенки или выйти из дока. Все мало-мальски пригодное к передвижению было сосредоточено в Гельсингфорсе и Ревеле. Наконец, посадка закончилась, и мы покинули гавань.

Управление пароходами находилось в руках штатских капитанов, не имевших понятия о походном порядке. Поэтому наша «флотилия» не соблюдала никакого строя и следовала вразброд, как попало.

Без всяких препятствий мы спокойно проплыли Морским каналом и, наконец, вошли в устье Невы. На обоих набережных жизнь текла обычным будничным темпом и ничто не обнаруживало происходящих в городе событий. Наши пароходы, не торопясь и не внося беспорядка, один за другим стали подходить к пристаням Васильевского острова.

За недостатком места, часть судов ошвартовалась у Английской набережной. Выгрузка, сбор и построение в колонны заняли около часу. Согласно церемониала, мы прежде всего, должны итти к дому Кшесинской, где сгруппированы все наши партийные учреждения.

Стройными рядами, в организованном порядке, под звуки военно-революционной музыки тысячи кронштадтцев двинулись по набережной Невы. Мирные обыватели, студенты, профессора, эти постоянные завсегдатаи чинной и академи-

чески-спокойной Университетской набережной, останавливались на месте и с удивлением оглядывали нашу необычную процессию. С Васильевского острова по Биржевому мосту мы перешли на Петербургскую сторону и пошли по главной аллее Александровского парка.

Приближаясь к Каменноостровскому, несколько человек, шедших в первых рядах, взялись под руки и запели Интернационал. Вся многотысячная толпа тотчас дружно его подхватила.

Босоногие мальчишки, подпрыгивая, бежали за нами. По мере нашего движения они нарастали, как снежный ком, со всех сторон облепляя демонстрацию.

Наконец, мы подошли к зданию Цека и Пека. Моряки выстроились перед двухэтажным домом Кшесинской. На балконе стояли Я. М. Свердлов, А. В. Луначарский и несколько других крупных работников. Тов. Свердлов громким и отчетливым басом отдавал сверху распоряжения: «Тов. Раскольников, нельзя ли голову демонстрации продвинуть вперед, стать немного плотнее, чтобы подтянуть сюда задние ряды». Когда все были удобно размещены, первым взял слово тов. Луначарский. Анатолия Васильевича кронштадтцы хорошо знали: он уже дважды навещал Кронштадт, с большим успехом выступая в Морском манеже и на Якорной площади. Сейчас с балкона он произнес короткую, но горячую речь, охарактеризовав в немногих словах сущность политического момента. Тов. Луначарский кончил, приветствуемый рукоплесканиями.

На балконе появился тов. Ленин, встреченный долго несмолкавшим громом аплодисментов. Овация еще не успела окончательно стихнуть, как Ильич уже начал говорить. Его речь была очень коротка. Владимир Ильич прежде всего извинился, что по болезни он вынужден ограничиться только несколькими словами и передал кронштадцам привет от имени петербургских рабочих, а по поводу политического положения выразил уверенность, что, несмотря на временные зигзаги, наш лозунг «Вся власть Советам» должен победить и, в конце-концов, победить, во имя чего от нас требуются колоссальная стойкость, выдержка и сугубая бдительность. Никаких конкретных призывов, которые потом пыталась приписать т. Ленину переверзевская прокуратура,

в его речи не сдержалось. Ильич закончил под аккомпанимент еще более горячей и дружной авации.

После этих приветствий, кронштадтцы, как и подобает организованным воинским частям и отрядам рабочих, снова выстроились в полном порядке и под звуки нескольких военных оркестров, непрерывно игравших революционные мотивы, вступили на Троицкий мост. Здесь уже мы стали предметом внимания со стороны кокетливых, нарядно-одетых офицериков, толстых, пышущих здоровьем и сытостью буржуев в новых котелках, дам и барышень в шляпках. Они проезжали на извозчиках, проходили мимо, взявшись под ручку, но на всех лицах, смотревших на нас широко открытыми глазами, отпечатлевался неподдельный ужас.

От самого дворца Кшесинской впереди процессии несколько товарищей несли огромный плакат Центрального Комитета нашей большевистской партии. Левые эс-эры заметили это только на Марсовском поле и стали требовать удаления плаката.

Наконец, пройдя Марсово поле и небольшую часть Садовой улицы, мы свернули на Невский проспект и оказались в царстве буржуазии.

Здесь уже фланировали не отдельные буржуа, а целые толпы нарядной буржуазии двигались в ту и другую сторону по обоим тротуарам Невского. С изумлением и испугом они взирали на вооруженных кронштадтцев, по описанию их же газет представлявшихся им исчадием ада, живым воплощением страшного большевизма.

Буржуазия, вообще инстиктивно боявшаяся всякого соприкосновения с массами, панически трепетавшая при виде «простонародья», не могла скрыть своего недоумения по поводу всего происходящего.

Несмотря на то, что обитатели и прохожие Невского проспекта были для кронштадтцев символом паразитической и эксплоатирующей буржуазии, несмотря на то, что при одном виде наших классовых врагов в душе многих матросов клокотала безумная ненависть, наш путь по Невскому от Садовой до Литейного прошел без всяких эксцессов. Только на углу Невского и Литейного (теперь улица Володарского) арьергард нашей демонстрации был обстрелян. В

результате этого первого нападения пострадало несколько человек.

Насколько большое пространство занимала в длину наша многочисленная процессия, можно видеть из того, что, когда хвост ее подвергался нападению, шедшие в голове не слышали никаких выстрелов. Наконец, жестокий обстрел нас ожидал на углу Литейного и Пантелеймоновской улицы.

Еще около Бассейной впереди нас появился какой-то неведомый грузовик. На нем сидела кучка солдат, а сзади был установлен пулемет Максима. Грузовой автомобиль, став во главе демонстрации, медленным ходом пошел по одному направлению с нами; люди, на нем находившиеся, были нам неизвестны, а потому мы предложили им отделиться от процессии. Они, весело смеясь, прибавили ходу, но как раз в это время авангард кронштадтцев поравнялся с Пантелеймоновской улицей. Вдруг, откуда ни возьмись, раздались первые выстрелы. Грузовик со своей стороны открыл частую пулеметную стрельбу не то по нас, не то по окнам домов. Нужно было видеть, какое возмущение, волнение с вместе с этим смятение охватило наши ряды. Эта провокация, к которой мы вообще готовились, а данный момент—после того как мы спокойно прошли по Васильевскому острову, Петербургской стороне и по центральным кварталам города—явилась до известной степени неожиданной и вызвала мгновенное замешательство.

Быстро израсходовав по первой обойме патронов и убедившись в безрезультатности пальбы в воздух, большинство по команде легло на мостовую, другая часть успела скрыться в первые попавшиеся под'езды и ворота; только некоторые, стоя среди улицы, еще продолжали ружейную стрельбу по невидимой цели. Вот понесли первого раненого солдата Кронштадтской крепости. Затем было убито и ранено еще несколько человек.

Наконец, пальба сама собою стала стихать.

Дешевой, я и другие стали успокаивать кронштадтцев и приглашать их следовать дальше к цели нашего назначения—к Петроградскому Совету, до которого оставалось уже сравнительно недалеко. Товарищи охотно откликнулись на этот призыв. Мы попросили оркестр заиграть что-нибудь бодрящее, веселое. Громко ударили барабаны, резко взвизг-

нули медные трубы и негостеприимно встреченные кронштадтцы тронулись в прерванный путь. Равновесие толпы было все-же нарушено. Всюду казался притаившийся враг. Одни продолжали итти по мостовой, другие перешли на тротуар. Винтовки уже не покоились мирно на левом плече, а были взяты на изготовку.

Когда у открытых окон или на балконах появлялись группы людей, то туда тотчас же наводилось несколько дул с недвусмысленным приказанием «закрыть окна».

Перед Таврическим дворцом для поддержания престижа красных кронштадцев даже построились, но строгого порядка, подобающего демонстрации организованных отрядов революции, добиться все же не удалось. Демонстрация кронштадтцев резко делится на две части: до провокационного обстрела и после него.

К Таврическому дворцу мы подошли, хотя и в строю, но довольно условном. Это обстоятельство дало повод буржуазным и меньшевистско-эс-эровским легендам изображать приход кронштадтцев к зданию Петроградского Совета в виде недисциплинированной банды, сколоченной из разного сброда. Это чудовищная, сознательно придуманная клевета.

Выйдя на Шпалерную, мы попали в густой поток демонстрирующих отрядов революции, так же как и мы несших красные знамена с золотыми и черными лозунгами: «Долой министров-капиталистов» и «Вся власть Советам».

Другой такой же поток устремлялся уже назад, нам навстречу. Когда первые ряды кронштадтцев вступили в небольшой сквер, разбитый перед фасадом Таврического дворца и подошли к тяжелым белоснежным колоннам, то Рошаль и другие товарищи остались вместе со всеми снаружи, а я вошел внутрь, чтобы сообщить о нашем приходе, попросить оратора и выяснить, дальнейший церемониал демонстрации. Встретив тов. Троцкого, я подошел к нему.

Но едва мы успели бегло обменяться впечатлениями, как кто-то из меньшевиков взволнованно подбежал к нам и сообщил: «кронштадтцы арестовали Чернова, посадили его в автомобиль и хотят куда-то увезти.

Троцкий и я немедленно отправились к месту происшествия. Выйдя на под'езд, мы прошли сквозь расступившуюся толпу кронштадтцев прямо к автомобилю, в котором

без шапки сидел арестованный Виктор Чернов. Вождь эсэровской партии не мог скрыть своего страха перед толпой: у него дрожали руки, смертельная бледность покрывала перекошенное лицо, седеющие волосы были растрепаны.

Троцкий и я вскочил в автомобиль и пытались жестами восстановить молчание, чтобы обратиться к товарищам-кронштадтцам со словом дружеского увещания. Несколько минут не удавалось водворить тишину. Толпа гудела, шумела, волновалась, подавала реплики, переговаривалась.

Чувствовалась огромная ненависть со стороны крестьян в матросских и солдатских шинелях к «министру статистики», который всяческими путями, под разными несостоятельными предлогами оттягивал и отсрочивал «до Учредительного Собрания» разрешение аграрного вопроса, понимавшегося тогда только в одном смысле,—как передача всей земли в руки крестьян.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы бурливое волнение массы, если бы делу не помог тов. Троцкий. Он сделал резкий прыжок на передний кузов, покрывающий моторный двигатель автомобиля, и широким, энергичным взмахом руки человека, которому надоело ждать, подал сигнал к молчанию.

В одно мгновение все стихло, и воцарилась мертвая тишина. Громким, отчетливым, металлическим голосом, с темпераментом, отчеканивая каждое слово и тщательно выговаривая каждый слог, Лев Давыдович произнес короткую речь приблизительно следующего содержания:

— Товарищи кронштадтцы,—начал он, краса и гордость русской революции! Я не допускаю мысли, чтобы решение об аресте министра-социалиста Чернова было вами сознательно принято. Я убежден, что не найдется ни одного человека, стоящего за арест, и не поднимется ни одной руки за омрачение нашей сегодняшней демонстрации, нашего сегодняшнего праздника, нашего торжественного смотра сил революции ненужными, ничем не вызываемыми арестами.— Товарищ Троцкий остановился и обвел взглядом всю толпу, словно бросая вызов своим оппонентам. Толпа, с напряженным вниманием прослушавшая речь тов. Троцкого, словно загипнотизированная, застыла в немом молчании.

Никто даже не приоткрыл рта, никто не вымолвил ни слова возражения.

— Гражданин Чернов, вы свободны,—торжественно произнес т. Троцкий, оборачиваясь всем корпусом к министру земледелия и жестом руки приглашая его выйти из автомобиля. Чернов был ни жив, ни мертв. Я помог ему сойти с автомобиля, и с вялым измученным видом, нетвердой, нерешительный походкой он поднялся по ступенькам и скрылся в вестибюле дворца.

Удовлетворенный победой, Лев Давыдович ушел вместе с ним.

Я со своей стороны произнес несколько слов, после меня выступил еще кто-то, и, таким образом, создался импровизированный митинг. Под влиянием речей наша публика заметно успокоилась.

Мы с Рошалем ушли внутрь дворца выяснить дальнейшее назначение кронштадтцев. Наверху, на хорах, опоясывающих заседаний, встретили Владимира Ильича, выходящего из комнаты, где только что окончилось совещание руководящей группы цекистов. Ильич в хорошем настроении. Видно, широкий размах демонстрации, развернувшийся под нашими лозунгами, несомненный успех нашей партии его глубоко радуют.

Мы с Семеном продолжаем разыскивать кого-нибудь из товарищей, кто мог бы дать указания относительно программы дальнейших действий. Наконец, внизу, в помещении фракции, мы находим тт. Троцкого и Зиновьева.

Мы с Рошалем подходим к Троцкому и Зиновьеву и спрашиваем их указаний. «Надо сейчас обсудить»,—отвечают они. Наскоро созывается совещание активных работников. Присутствует немного: около двадцати человек. Произносят речи: сперва Зиновьев, затем Троцкий, потом я и, наконец, Рошаль. Освещая вопрос с разных сторон, все приходят к одному выводу: демонстрацию следует считать законченной, участников пригласить вернуться в казармы. Кронштадтцев решено временно, на всякий случай, оставить в Петрограде. Всеми единодушно признаемся, что, несмотря на успех сегодняшней демонстрации, условия для вооруженного восстания и захвата власти в данный момент еще не созрели. Заседание продолжается недолго.

Я остаюсь в Таврическом дворце, чтобы присутствовать на заседании ВЦИК'а и быть в курсе политических решений и настроений.

Поднимаюсь на хоры для публики и занимаю место в первом ряду. Зал бывшей Государственной Думы ослепительно освещен. Заседание в полном разгаре; обсуждается вопрос о сегодняшней демонстрации. Правый сектор и центр амфитеатра полны эс-эрами и меньшевиками, левые скамьи наших товарищей сравнительно пустуют.

Один за другим поднимаются на трибуну столпы «социал-предателей», чтобы произнести слово осуждения по адресу нашей партии, якобы прорывающей единый «фронт демократии».

Но все же в этих выступлениях чувствуется большая растерянность и неуверенность в завтрашнем дне.

Пятого июля в беседке дома Кшесинской (выстроенной любовницей царя для роскоши и отдохновения) вместо привычного оратора стоял пулеметчик с пулеметом. Не поднимаясь наверх, я прямо прошел в помещение военной организации.

Товарищи сейчас же передали мне упорно циркулирующие слухи о готовящемся на нас нападении со стороны Вр. Правительства. Словно для иллюстрации момента Константин Степанович Еремеев, волнуясь, но не спеша и не упуская характерных деталей, рассказал нам о происшедшем накануне у него на глазах разгроме газеты «Правды». Выяснилось, что, в виду общей тревожной атмосферы и реальной возможности новых погромов и разгромов, Цека принял решение, предлагающее рабочим, солдатам и матросам 5-го июля оставаться в своих помещениях, но быть наготове по первому зову выйти на улицу. Перед военной организацией прежде всего стал на очередь вопрос о подготовке самообороны на случай нападения и связанный с этим выбор коменданта дома Кшесинской. На эту должность военная организация выбрала меня. Я тотчас же приступил к осмотру наших боевых сил и средств.

В виду того, что никаких агрессивных или наступательных намерений со своей стороны мы не имели, единственной задачей оставалась непосредственная оборона нашего здания, где хранились все документы и архивы партии.

Настроение кронштадтцев было отличное: они все горели желанием дать бой сторонникам Вр. Правительства. Однако ознакомление с положение дела и первоначальные приготовления убедили меня, что мы располагаем незначительными силами и к защите не подготовлены. Необходимо было наладить связь с соседними частями, условиться относительно их поддержки и недостаток живой силы возместить техническим усилением нашей примитивной крепости.

По возвращении тов. Еремеева было получено новое постановление Цека, об'являвшее демонстрацию законченной и призывавшее всех участников к ее прекращению. Напряженная атмосфера несколько разрядилась.

Тов. Подвойский предложил мне и Рошалю об'ехать кронштадтцев.

Как только наш автомобиль показывался в воротах, к нему со всех сторон сбегались кронштадтцы. Машина превращалась в трибуну, и мы делали краткие сообщения о политическом положении и о только что принятом решении партии. Настроение товарищей было прекраснсе: они готовы были начать вооруженную борьбу за власть советов, но авторитет партии большевиков обязывал их согласиться с нашими предложениями. Почти единодушно было решено возвратиться в Кронштадт.

Поэтому в доме Кшесинской нам пришлось встретиться не только с обычными и вполне естественными вопросами, но даже с прямой критикой нашей позиции и резкими возражениями. Наши оппоненты недоумевали: как это можно вернуться в Кронштадт, не утвердив в Петрограде советскую власть.

В. ВЛАДИМИРОВА

Разгром

(Из статьи об июльских днях)

5 июля Ц. К. большевиков опубликовал с утра воззвание о прекращении демонстрации (выдержки из воззвания): «Товарищи, в понедельник вы вышли на улицу. Во вторник вы решили продолжать демонстрацию. Мы звали вас вчера на м и р н у ю демонстрацию. Мы ставили ее целью показать всем массам трудящихся и эксплоатируемых силу наших

лозунгов, их вес, их значение, их необходимость для освобождения народов от войны, от голода, от гибели. Цель демонстрации достигнута»... «Мы постановили поэтому закончить демонстрацию. Пусть все и каждый мирно, организованно прекратят забастовку и демонстрацию»...

И действительно 5 июля демонстраций и выступлений уже не было, но зато уже в ночь под пятое число начали свои налеты на пролетарские организации контр-революционные банды.

«5 июля около 6 часов утра, когда выпускающий редактор «Правды» мирно спал»... «к помещению редакции газеты «Правды» под'ехал автомобиль, нагруженный сборной командой юнкеров и солдат с пулеметом, который немедленно был поставлен на окно редакции. Вслед за тем находящиеся на автомобиле солдаты ворвались в помещение и»... «начался обыск. Картина, которую представляла собою «редакция» через несколько часов после ухода непрошенных гостей, была потрясающая. Ящики столов были взломаны, вытащены и валялись в куче в углу, весь пол был завален рукописями и другой бумагой, стулья свалены, один стол поломан, пишущая машинка сломана и брошена на кипу каких-то рукописей, телефоны оборваны и прочее. Караульные и служащие редакции конторы были приехавшей бандой арестованы, некоторые избиты и только после долгих мытарств и допросов в штабе отпущены».

В эту же ночь была разгромлена и типография «Труд», которая была куплена на деньги рабочих.

Громили все: и контору, и наборную, и машинное отделение. В конторе все разбито и уничтожено. Не пощадили даже телефоны и пресс-бювары. Столы изломаны, бумаги либо утащены, либо изорваны в клочки. Действовали ломами и «фомками», как истинным разбойникам и подобает. Такую же картину представляет и наборная. Шрифт смешан и разбросан по полу. Масса шрифту просто украдена. Но самое тяжелое впечатление остается от машинного отделения. Гиганты-ратационки, чудеса типографской техники стоят сиротливо без ремней (ушли громилам на подошвы), с разбитыми механизмами. Исковерканы монотипы, которых сейчас совершенно немыслимо заменить. Разбиты клавиатурные машины».

На улицах 5 июля казаки и юнкера арестовывают матросов, солдат и рабочих, которые в одиночку и группами показываются здесь или там, и отправляют их в тюрьмы и гауптвахты.

Картина занятия дворца Кшесинской рисуется «Известиями П. С. Р. и С. Д.» следующим образом:

«В ночь на 6 июля, главнокомандующим петроградским военным округом был отдан приказ об очищении дворца Кшесинской и Петропавловской крепости от организаций и лиц, не желающих подчиниться постановлениям Временного Правительства.

«В 3 часа к крепости был двинут запасной батальон Петроградского полка. Батальону в помощь была придана пулеметная команда, 1 рота семеновцев, 1 рота преображенцев, учебная команда Волынского полка и 2 орудия.

«Кроме того, броневой отряд, состоявший из 8 машин, был разделен на две части, при чем одна, левый фланг, отправилась к Петропавловской крепости и дворцу Кшесинской, через Дворцовый мост по Кронверкскому пр. на Каменноостровский пр., а другая часть—через Троицкий мост.

В 7 часов утра пом. командующего Кузьмин потребовал очистить особняк Кшесинской. Находившиеся в особняке кронштадтцы, не желая отдать оружие Кузьмину, начали делать перебежку в Петропавловскую крепость.

(По «Известиям»). «В момент подхода броневиков к дворцу Кшесинской, из него началась усиленная перебежка матросов и солдат в Петропавловскую крепость, когда же автомобиль «Бойкий» двинулся наперерез перебегающим, оказалось, что перебежка была уже окончена».

Далее войска заняли особняк Кшесинской, но там никого, кроме нескольких служащих женщин и мужчин, не было.

6 июля в течение всего дня в Петроград прибывали различные войсковые части пятой армии.

Прибыла 14 кавалерийская дивизия, 14 Донской казачий полк, уланская дивизия, 177 Изборский полк, Малороссийский, драгунский полки и другие. На Знаменской площади с крыши одного дома неизвестно кем была открыта пулеметная стрельба в проходивший по улице только что

прибывший 117 Изборский пехотный полк. В это же время 3-й эшелон этого же полка был обстрелян из пулемета с чердака д. № 14 по Миргородской улице около Николаевского вокзала. Найдены в обоих случаях места установки пулеметов, но виновники не обнаружены. Такая же провокационная стельба из окон домов по прибывающим частям наблюдалась во многих других местах.

* * *

6 июля Вр. Пр. издало след. постановление:

«Всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему, арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных в измене родине и предательстве революции».

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

Море клеветы

(Из статьи „В тюрьме Керенского")

Матерые царские следователи, горевшие желанием отличиться и выслужиться при новом режиме, из кожи лезли вон, чтобы, при помощи хорошо знакомых им профессиональных приемов, сфабриковать подложный материал и в самом широком масштабе создать новое дело Бейлиса. Разница была лишь та, что нас обвиняли не в употреблении христианской крови, а в употреблении немецкого золота.

Как и нас всех, отождествление большевиков с германскими агентами, выводило из себя т. Троцкого. Эта клевета душила нас в каменном ящике, как волна удушливого газа. В потопе грязи, который буржуазия обрушила на наши головы, мы видели одну из тех блестящих кампаний, которые наши доморощенные либералы позаимствовали у своих «демократических» союзниц, особенно Франции, в течение десятилетий осуществляющей власть плутократии, при помощи продажной прессы, спускаемой с цепи, как свора гончих по свежим следам Дрейфуса, Жореса или коммунистов.

Наш процесс знаменовал, в деле массовой фальсифика-

ции общественного мнения, переход от мелкой, почти кустарной работы «Речи» или «Биржевки», к широкому производству ядовитой газетной лжи, к крупно-капиталистическим махинациям на началах широкой «свободы печати» и «гласности». Освобожденная февральской революцией от мелочной царской регламентации в области спекуляции и наживы, юная и победоносная российская буржуазия готовилась снять пенки с моря пролитой крови. Наша партия осмелилась помешать этому процессу, и на ее голову обрушился весь аппарат буржуазной печати, решившей впервые поработать в широком масштабе, с размахом и дерзостью, еще неслыханными в истории русской журналистики. Были отброшены в сторону все старые интеллигентские предрассудки, все хорошие слова и приемы, унаследованные нашими либералам от эпохи высокого интеллигентского «горения», от Лаврова и Михайловского и даже, о, романтическая старина!—от Герцена и Белинского. Совестливо-чувствительный тон так называемого «героического» периода русской публицистики показался бы неуместным в эти после-июльские недели, когда буржуазия готовилась защищать. от пролетариата свои войною нажитые миллиарды. Надо было писать так, чтобы без всяких последствий и в кратчайший срок отправить провозвестника Третьяго Интернационала на виселицу. С бубновым тузом государственной измены, со всех сторон облепленный комьями грязи, осыпанный дождем позорнейших обвинений, Ленин и его друзья под гром скандальных «разоблачений» должны были подвергнуться осуждению и быть раздавлены еще прежде чем пристрастное следствие разобрало бы их дело и успело бы проверить фальшивые показания о получении немецкого золота. Буржуазная пресса взяла на себя дело следствия и суда. Она сама вызывала мифических свидетелей, сама давала за них неслыханные, по своей лживости, ответы, сама изготовляла нужные для прокуратуры документы, и, признав их абсолютно убедительными, едва не требовала немедленной казни для государственных изменников, для немецких шпионов. Кампания была ведена с уменьем и энергией, с американской смелостью, и если она не удалась, то в этом меньше всего виноваты великолепные фальшивомонетчики, которым буржуазия поручила ведение и защиту своего дела, охрану

священной собственности, и буржуазной журналистике не в чем упрекнуть себя, она честно выполнила свой долг перед хозяином-капиталом, она рвала на куски и волочила по грязи имена и репутации тех, кто стоял на его дороге. Увы!—русский народ пренебрег утонченными формами политической борьбы. Русскому рабочему и крестьянину показались неубедительными мастерские приемы газетной травли. Господа либералы забыли, что классовое сознание инстинктивным путем находит своих вождей, вопреки самой разнузданной клевете, рассчитанной на политическое убийство.

Н. ЛЕНИН

О хлебе и классовой оценке июльских дней

(Из брошюры „Удержат ли большевики государственную власть")

После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместьи Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносить хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли-было и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения событий, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб явился для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. В основе всего, к классовой борьбе за хлеб мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямотой, с

той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплоататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят—щепки летят.

Какая мучительная вещь—эта «исключительно сложная обстановка» революции—так думает и чувствует буржуазный интеллигент.

Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще—сбросим совсем—так думает и чувствует рабочий.

II

НАКАНУНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

I. ДИКТАТУРА ИМПЕРИАЛИЗМА

1. **Н. БУХАРИН**—Империалистская буржуазия у власти
„ Российский Бонапарт
„ Корниловщина

Н. БУХАРИН

Диктатура империализма

(Из брошюры „От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата")

1. Империалистская буржуазия у власти

Империалистская буржуазия продолжала наступать по всей линии, идя на всех парах к военной диктатуре. Генерал Нилов ультимативно потребовал восстановления смертной казни. Комиссар Временного Правительства Савинков-Ропшин, тот самый, который в дни черной реакции свое регентство оправдывал богобоязненными рассуждениями на тему, можно или нельзя убить охранника, в телеграмме, написанной языком героев Достоевского, стал умолять о массовых расстрелах. Керенский, с театральными жестами и театральными слезами на глазах говоривший раньше об абсолютной отмене смертной казни, о том, что он не хочет быть «Маратом русской революции», захотел теперь, очевидно, быть ее Столыпиным. Ибо Марат рубил головы высокопоставленным контр-революционерам, а Керенский, ухаживая за бывшим царем, распорядился о массовых казнях для серых солдат. Началась дикая вакханалия расстрелов, каких не было даже при кровавом режиме царя, поход на солдатские организации, армейские комитеты, революционную литературу. Торжественно возвещенная свобода нагло топталась генеральским сапогом. Права солдата-гражданина были снова украдены. Ликующая буржуазия праздновала свой триумф. Отовсюду стали выползать притихшие на время Пуришкевичи. Об'явленная Советами трупом Государственная Дума воскресла и устами Масленникова об'явила в свою очередь Советы сборищем преступников и проходимцев. Зашевелились организации цензовиков, и параллельно тому, как в тюрьму попадали Луначарский, Троцкий, Коллантай, из тюрьмы выпускали Горемыкина,

Маркова II, наемного убийцу и «друга» Хвостова-Ржевского, крупнейших провокаторов Абросимова, Черномазова и прочих. Под флагом борьбы с анархией, под флагом «спасение революции» стали душить революцию и выпускать на свободу ее душителей.

Органы революционной демократии, ставшие на половину придатком к репрессивным органам буржуазии, смутно чувствуя тревогу, в то же самое время шаг за шагом отступали перед возрастающими требованиями, контр-революции. Ведь недаром в Центр. Испол. Комитете был выставлен в свое время «гуманным» Керенским без обиняков лозунг: «уничтожить большевиков». Это происходило в то самое время, когда по Питеру ходили слухи о прямых контр-революционных заговорах, идущих из штаба. Но дальше удаления пары лиц Керенский не пошел. Зато он вступил в переговоры с представителями контр-революции (к.-д.) о составлении кабинета.

Теперь для кадетов «психологический момент» настал. Большевики, наиболее опасные противники, разбиты. Остальные партии—приручены.

После некоторых ломаний и разыгранных Керенским обмороков соглашение состоялось на основе почти полной капитуляции Советов. Кадеты вошли в правительство, предварительно дав большой срок для упрашиванья. Их просили, молили, заклинали. Сперва именем революции. Потом именем родины. Наконец, кадеты «сдались» на условиях, означавших их полную победу. Новое министерство составилось, как министерство, независимое от Советов.

Этот факт окончательно передал в руки буржуазии государственную власть, которая оторвалась от Советов.

Контр-революция взяла власть в свои руки. После пяти месяцев революции, когда эта власть принадлежала одновременно и Советам, и Правительству, и демократии, и империализму, — утвердилась, наконец, власть империалистской буржуазии, власть финансового капитала. Под руку с союзным империализмом и реакционными верхами армии она пляшет теперь канкан на трупах ею растерзанных «свободных граждан».

---

2. Российский Бонапарт

Бонапартизм характеризуется тем, что отдельные личности получают значение, далеко непропорциональное их действительной роли. Они не имеют под собой самостоятельной социальной базы. Но, тем не менее, им принадлежит государственная власть. Суб'ективно бонапартист воображает, что он стоит между классами, используя для себя классовую борьбу, «лавируя» между классами. Об'ективно он лишь орудие владеющих классов, которые используют его. При таких условиях так называемая борьба на два фронта есть прикрытая борьба против фронта революции.

Обычно герой бонапартистской игры является ренегатом. Он должен пройти сперва известный демократический стаж, прежде чем быть принятым в политические салоны владык мира. Ему нужен ореол «народного героя», «спасителя отечества». Ему нужна популярность среди масс, маханье шапками и «народная любовь». Он может быть авантюристом с подозрительным прошлым, или честным революционером в прошлом, переходящим к подозрительному настоящему: он может быть штатским, который становится военным, стремящимся создать себе преторианскую гвардию, или военным, прибирающим к своим рукам штатские дела; он может быть человеком дела, который своими «подвигами» демонстрирует свое геройство; или героем фразы, шарлатаном языка, который тем быстрее приводится в движение, чем больше умственное убожество его владельца. Но он должен обязательно «спасать». Роль избавителя-мессии—профессиональный ярлык всякого Бонапарта.

Неудивительно, что когда финансовому капиталу потребовалось подставное лицо, этим лицом оказался Керенский. Он совмещал в себе все элементы, нужные для того, чтобы денежная аристократия благосклонно наложила на этого «демократа» штемпель одобрения и признательности. В прошлом—революционер, но не из твердых, герой весенней революции, с ее сантиментальными порывами и братаньем крестьян-солдат с помещиком Родзянкой; театрал и фразер до мозга костей, который умеет и плакать, и смеяться, и трагически рвать на себе волосы, и целовать землю—

когда того требуют обстоятельства; любимец широкой публики и подающий надежды авантюрист; специалист по проституированию революции, который красным знаменем умело прикрывает империалистский грабеж; трус, который мужественно ругает трусами своих политических противников; член социалистической партии, на каждом шагу обходящий ее постановления; ставленник «полномочных органов», в глубине души плюющий на эти органы; человек, спасший от смертной казни Николая, но введший, из «демократических» соображений, смертную казнь для солдат; сторонник революции, бьющий эту революцию по лицу; борец с германским империализмом, продающий под «революционным соусом» кровь русских солдат империализму английскому и за кулисами тайной дипломатии ползающей на коленях перед союзным капиталом; наконец, присяжный спаситель родины, с благоговейным хрипом произносящий ее имя, маг и чародой, аттрибутами царского великолепия тонко намекающий на стезю спасения,—разве это был не подходящий человечек для об'единенных заводчиков и горнопромышленных тузов, мародеров и спекулянтов, получателей казенных заказов и высоких дивидендов, крупных рантье и помещиков, домовладельцев и кокоток, биржевых шулеров и архиепископов православной церкви?

---

3. Корниловщина

26 августа Корнилов пред'явил свой ультиматум через кн. Львова, одного из министров первого «революционного» правительства. Керенский «арестовывает» Львова. Корнилов, в ставке которого засели «общественные деятели», выпускает торжественный манифест «к русскому народу», где об'являет, что правительство—в руках немцев и большевиков. «Военные действия» начинаются...

В то же время, кадетские министры взрывают правительство извнутри, чтобы обессилить своих глуповатых «социалистических» коллег. Кабинет с шумом и треском разлетается. Начинается невероятная суматоха среди «верхов». После уламываний, переговоров, угроз и просьб, среди сети грязнейших интриг, выплывает на свет божий правительство Керенского—Кишкина.

Биржа отвечает на выступление Корнилова всеобщим повышением ценностей. Международный капитал в своей прессе с редким единодушием аплодирует «спасителю России». Английское правительство предоставляет в распоряжение Корнилова свои броневики, чтобы помочь расправе с красным Петербургом. Оружие и финансы направляются против рабочих и крестьян.

Одновременно с движением корниловских войск на Петербург ультиматум контр-революции подкрепляется угрозой открыть фронт немцам. Правая рука Корнилова генерал Лукомский заявляет, что фронт будет открыт и будет заключено сепаратное перемирие для того, чтобы бросить войска на кровавую баню в столице.

Буйный ветер пронесся над страной. Пролетариат, который все время был на-стороже, который тщетно взывал и предостерегал мелкобуржуазную демократию о смертельной опасности, встрепенулся. Рабочие столиц и провинций взялись за оружие. Повсюду, где только была хоть малейшая возможность достать стальных защитников свободы, пролетарии вооружались. Петербург мигом создал красную гвардию. Рабочие пушечных заводов разом вдвое повысили производительность этих заводов и стали выбрасывать пулеметы, пушки и снаряды для обороны от классовых противников. Пролетарская партия, большевики, выкинула лозунг борьбы до последней капли крови, борьбы не за Керенского, а за революцию. И повсюду в этот критический момент на опасные посты ходом самой борьбы выдвинулся рабочий класс и его партия.

Советы и мелкобуржуазная демократия в смертельном ужасе бросились к пролетариям. Большевистские матросы Кронштадта, на которых столько клеветали, которых называли контр-революционерами и врагами свободы, были провозглашены ее лучшими защитниками и спешно вызваны в Петербург. Рабочие, против которых в июле призывались «надежные» кавалерийские полки и «ударники», были об'явлены оплотом революции. Партия пролетариата, которая раньше третировалась, как сброд преступников, провокаторов и шпионов, была реабилитирована в двадцать четыре часа и признана желанным союзником. Советские вожди мелкой буржуазии шарахнулись в сторону рабочего

класса: они отлично понимали, что контр-революция имеет свою логику; они знали, что победоносная корниловская шайка сметет не только большевиков, но и всех соглашателей; они видели, что реакция готова уничтожить все «советы и комитеты» по требованию Милюкова и Рябушинского. И, дрожа всеми конечностями, они стали жалобно визжать о «единстве революционного фронта».

Напор масс был силен чрезвычайно. Буквально все рабочие организации стали на ноги. В Советах, несмотря на соглашательское большинство, запульсировала новая боевая жизнь. Повсюду—в столицах и в глухих провинциальных городах—создавались революционные органы власти. В Петербурге и Москве снова появился на сцену вооруженный народ. И везде, где только шла речь о мобилизации сил, о влиянии на гарнизон, об ответственных боевых коллективах, партия пролетариата оказывалась самой подвижной, самой смелой, самой решительной и боеспособной организацией.

Корниловское восстание отцвело, не успевши расцвесть. Военные силы Корнилова, которые шли на Петербург, будучи обмануты своими генералами, разлагались при первом соприкосновении с войсками, которые высылались против них не столько игравшим комедию борьбы Керенским, сколько советскими организациями, к которым фактически перешло военное руководство.

Братанье было основным методом разложения корниловских войск. Даже полудикие текинцы, из которых лихой генерал сформировал отборные когорты для спасения буржуазной цивилизации, даже эти «дикари», которых вздумали приручить для расправы с гуннами «социализма, коммунизма и анархии», теряли свою раболепную преданность Корнилову. Военное наступление на внутреннем фронте, которое подготовлялось в изысканнейших салонах российских меценатов, о котором буржуазная печать малиновым звоном звонила во все колокола, это выступление вдруг сморщилось, как проткнутая спицей вербная колбаса, а суровый герой буржуазии предстал как упрямый тупица, который отличается всем, чем угодно, но только не гениальностью победоносца.

Корниловский мятеж сыграл роль, прямо противоположную той, которой добивалась буржуазная каморра: он раскрыл глаза не только отсталым рабочим, но и крестьянам, не только тылу, но и фронту; он вызвал крупнейшую перегруппировку сил и необычайно укрепил позицию партии революционного пролетариата.

II. СТИХИЙНЫЙ ПОДХОД МАСС К РЕВОЛЮЦИИ

2. **В. АНТОНОВ**—В Саратове
3. **А. ШЛИХТЕР**—За большевиков
4. **Я. ГРУНТ**—В Коломне
5. **А. МИТРИЕВИЧ**—Берут землю
6. **А. АРОСЕВ**—Мира, хлеба, власти
7. **Н. БУХАРИН**—Перед Октябрем

В. АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ

В Саратове

(Из воспоминаний)

Корниловский мятеж, в лице Каледина угрожавший Саратову ближайшей военной опасностью, снова взбудоражил всю организацию; на обсуждение был поставлен вопрос о временном правительстве. Организация нашла, что настал момент об'явить правительство контр-революционным и Саратовскую губернию неподчиняющейся его власти. Резолюция, составленная мною в этом духе, была принята единогласно, а потом проведена через Совет и гарнизон. Эта резолюция знаменовала собою восстание против правительства. К сожалению, я не могу привести полного текста этой резолюции, за неимением ее под руками. Наконец, последним крупнейшим вопросом был вопрос о вооруженном восстании. Но этот вопрос подвергался обсуждению не на широких конференциях, а в тесном кругу наиответственнейших партработников. Вспышки крестьянских «беспорядков»—по существу восстаний—в губернии, накаленная атмосфера в пролетарских и солдатских массам города, знаменитые статьи Ильича—«Кризис назрел», «Письма к товарищам» в «Рабочем Пути» убеждали нас в том, что настает момент итти на штурм. Особенно остро почувствовалось веяние подготовки восстания на беседе у приехавшего из Питера Милютина. Он рассказывал о письме Ильича с требованием «начинать», о колебаниях в Ц. К., первоначальном «провале» предложения т. Ленина, о его негодовании и, наконец, о том, что все же курс взят на восстание. Большинство

собравшихся было настроено за Ильича—и Лебедев и Плаксин, и М. Васильев. Последний обычным желчно-саркастическим тоном говорил о том, что в Саратове дело пройдет гладко,—куда этим дрянным людишкам, этой «мелочи» бороться с массой и нами? Обо мне и говорить нечего. Я уже давно готовил свой район к восстанию; железнодорожная масса была готова и давила на район, при чем это давление было настолько сильным, что районный комитет, видя, что общегородской комитет «топчется на одном месте», стал терять к нему уважение; отдельные, эмоциональные его члены, сделавшись подозрительными к комитету, начали держать себя анархично и недисциплинированно. Мой авторитет удерживал их от крупных столкновений с комитетом, но и я с беспокойством следил за настроением масс и видел, что вот-вот они пошлют нас к чорту и выступят самостоятельно.

Часто рядовые рабочие подходили ко мне и говорили шепотком: «как дела... скоро что ли вы пошлете всю эту мездру... надоело ждать этого!» Во всяком случае нам было обещано дать знать «о начале».

А. ШЛИХТЕР

„За большевиков"

(Из воспоминаний)

Я не могу без восхищения вспоминать в особенности одно собрание избирателей, больных и служащих военного лазарета в Лефортовском районе. Передо мною аудитория около тысячи человек. Огромное большинство в ней—крестьяне, самые доподлинные жители деревни, которых временно приковывает к городу этот лазарет и которые уйдут в деревню на другой же день по выздоровлении. Что общего, казалось бы, может быть у такого избирателя с задачами районной думы города Москвы? Что ему Гекуба и что он Гекубе? И с такой добродушной усмешечкой в углах рта и с веселой искоркой недоумения в глазах встретила меня аудитория Лефортовского лазарета.

— Ну, ну, мол, говори. Мало ли вас тут ходит! Послушаем и тебя.

Но вот углы рта все больше размыкаются, а смешливые

искорки в глазах постепенно разливаются в такую молодую, удивленную радость.

— Да ведь это наше, ведь это мы именно так думаем, да сказать не умеем,—говорят молча эти глаза из разных углов аудитории.

И когда вы, ступенька за ступенькой, подходите к обобщению конкретных нужд и говорите, что без борьбы за власть нельзя обеспечить осуществления этих нужд и что только большевики, как представители революционного пролетариата, могут и будут в районных думах искренно и решительно бороться за насущные требования трудящихся масс и города и деревни,—вы начинаете чувствовать и как-то осязать, какими многими и крепкими нитями духовного родства между вами и слушателями спаяна, скреплена вся аудитория. Вы кончили...

— Спасибо, товарищ, теперь все понятно, — слышится громкое заявление из двух-трех мест.

Почти нет аплодисментов: деловое настроение еще всецело владеет деловыми людьми. Но это «спасибо» нескольких слушателей стоит больше, чем иные густые и дружные аплодисменты, ибо такое «спасибо» вырывается только из груди, переполненной новыми откровениями.

— Поздравляю, товарищ,—говорят мне устроители предвыборного собрания: список номер 5 обеспечен (кандидаты большевиков в районные думы шли по избирательному списку № 5).

Выборы в районные думы принесли большую победу большевикам. Из 387.262 общего количества голосов было подано за наших кандидатов 199.337 голосов. Это была большая победа потому, что выборы в общегородскую Московскую думу, бывшие всего только за два месяца до этого, а именно в конце июня, дало около двух третей голосов эс-эрам и меньшевикам и создали прочную базу для эс-эровско-меньшевистского фронта против-революционного пролетариата в Москве. Так московские рабочие и городская беднота уже за месяц до Октябрьской революции (выборы в районные думы состоялись 24 сентября) ответили по важнейшей для тогдашнего момента задаче—борьбы за власть.

Я. ГРУНТ

В Коломне

(Из воспоминаний)

Окончательно вопрос был решен в нашу пользу в дни демократического совещания. Больно уж нагло демократы в кавычках присваивали себе звание народных представителей. Разные Каледины и тому подобные прохвосты распоясались и этим они разбудили критическое чувство в широких рабочих массах. Наша коломенская организация большевиков призвала рабочих к забастовке протеста. С контр-воззванием выступили меньшевики и социалисты-революционеры. Завязалась борьба, от исхода которой зависело будущее той или иной стороны. Наши противники всеми правдами и неправдами старались расстроить забастовку. Они не разрешили нам собрать обще-заводского собрания и уговорили рабочих успокоиться, обещая им немедленно обсудить этот вопрос на заседании Совета. Совет в то время был меньшевистский и эс-эровский, наших депутатов там было около двадцати, и ясно было, что мы склонить Совет на свою сторону не сможем. Тем не менее мы решили использовать все. Кроме того, на заседание Совета пришли представители цехов, при помощи которых можно было во всяком случае устроить крупный скандал меньшевикам и эс-эрам. На заседание Совета командировали меня. Депутаты выслушали мое требование об'явить забастовку протеста и большинством отклонили. Тогда я решился на последнее средство и заявил:

«Совет явно не выражает мнение рабочих масс. Рабочие, я уверен, недовольны вашим решением, и я требую перенесения этого вопроса на общее собрание рабочих».

— Правильно, правильно!..—вдруг раздался с галерки громкий и дружный крик около двухсот представителей разных цехов. Галерка была на нашей стороне, а это значило много. Меньшевики и эс-эры поняли опасность и предвидели возможность нашей поебды, если вопрос будет перенесен на общее собрание рабочих. И большинство опять вынесло отрицательного характера постановление.

Галерка возмутилась, галерка перекричала всех и вся: «Идем на завод! Долой меньшевистский Совет! Переизбрать этих подхалимов!»

Я не помню, как очутился среди представителей цехов и мы бросились к заводу. Поставленная у ворот стража, которой было предписано не пропускать ни одного большевика, нашим напором была оттеснена в сторону и мы прошли на завод.

Пока я воевал на заседании Совета с меньшевиками и эс-эрами, тем временем Левшин каким-то образом проник в завод и устроил общее собрание. Несколько часов он толковал с рабочими по поводу текущих событий. Он совершенно выбился из сил и, конечно, не напрасно. Двадцатитысячная масса рабочих была подготовлена и наэлектризирована. Заключительные слова моего доклада о том, что нынешний Совет не выражает физиономию рабочей массы и идет вразрез с желаниями рабочих, и что такой Совет необходимо немедленно переизбрать,—были покрыты гулом одобрения.

Представителям меньшевиков и социалистов-революционеров не давали вовсе говорить:

— Долой! Долой!

— Знаем мы их! Ну их к чорту!

— Опять надуть хотят!

— Вместе с Каледиными, Рябушинскими... Заседать хотите! Долой!

Шум стоял невероятный. Председательствующий большевик напрасно старался водворить порядок. Рабочие не захотели слушать никого, кроме представителя большевиков.

Пришлось приступить прямо к голосованию.

За наше предложение о перевыборах Совета и за забастовку протеста поднялись почти все двадцать тысяч рук; за предложение меньшевиков—несколько десятков.

С этого дня песенка меньшевиков и социалистов-революционеров была спета. При перевыборах в Совет прошли исключительно большевики, за небольшим исключением.

А. МИТРИЕВИЧ

Берут землю

(Из воспоминаний)

Как волостной комиссар, я получаю через Уездный Сов. Раб. Деп. инструкции правительства Керенского об организации волостных комитетов. Созываю общее собрание, чтобы посоветоваться, и докладываю об этом. Мне кричат:

— Что ты нам о комитете говоришь? Скажи-ка нам лучше о землице: можем ли мы забирать ее у помещиков (панов)? А на счет комитетов нам не надоть.

Я ответил всему сходу, что моя партия (большевиков) на это дело так смотрит: «Забирай под чистую и баста. Не дожидайся, когда дадут. Холопы Керенского только на словах говорят, а на деле ничего не дадут».

— И озеро можно взять?

Озеро раскинулось среди наших полей и числилось за католическим архиереем, в нем даже купаться нельзя было без аренды.

— Можно, говорю.

— Слышишь, дядя Михей, старшина говорит, что все можно сейчас взять.

— Пойди ты,—говорит старик.—Как бы не попало.

— Чаво ты, дядя, говоришь пустое. Небось старшина знает. Он—этот самый большак, по закону которого: забирай все.

Затем идет разговор: «У нашей волости панской земли нету, а есть архиерейское озеро. Так давай мы теперя прогоним Феоктиста Тараканова—арендатора озера, и начнем все рыбу ловить».

— Эй, ребята! кто хочет? все рыбу лови.

— И тем будет, кто живет за рекой, за 12 верст?— раздаются вопросы.

— Нам какое дело, пусть они рекой пользуются и, если хотят, пусть ловят у нас. Не жалко, народное добро—пусть весь народ пользуется.

И пошел слух по всем волостям Режицкого уезда, что Ружинская волость постановила отобрать у помещиков и монахов землю, воды и леса, и что ихний старшина раз'яснил, что есть такой закон. Широкой волной разлилось волнение по всей так называемой Латгалии, состоящей из трех уездов: Режицкого, Двинского и Людинского, заселенных на две трети латышами, а одну треть составляли старообрядцы. Местами доходило до вооруженного столкновения мужиков с органами власти Керенского.

А. АРОСЕВ

Мира, хлеба и власти

(Отрывки из повести „Председатель")

Был бурный митинг в Волынском полку. Прапорщики говорили, что если Сухомлинов предавал русских солдат, то генерал Алексеев этого не сделает. Прапорщики выходили на деревянные подмостки. Потели и убеждали.

А в офицерском собрании, где на неубранный портрет Николая кто-то булавкой приколол Керенского, на столах остывали вкусные офицерские пирожки к бульону. Около них облизывался, свободно гуляя, рыжий кот. А повар на общем собрании жался к сырой стене промозглого манежа.

Лиц солдатских нельзя было разобрать. Внизу у подмостков по всему огромному манежу была сплошная мозаика из бород, глаз, усов, ушей, ноздрей, пересекаемая в разных направлениях движениями рук. Одно необыкновенное животное: тысяча глаз, тысяча рук. Ноги солдатские, прочные, как столбы. Волынцы на толстых подметках стояли, как вкопанные в каменный пол манежа. А руки, плечи, головы—все это двигалось как нечто многообразное. Единое и вместе с тем миллионное. Едина была воля, миллионным был голос. Для солдат сейчас выходило так: Сухомлинов—это генерал с фамилией на букву С, Алексеев тоже генерал, но у него другая начальная буква.

Вот и все.

И от них, от всех генералов, солдаты отмахивались руками и головами. Кричали все одно и то же и чем больше кричали одно и то же, тем более убеждались в том, что все они, солдаты—это другое, чем те на подмостках—галифе. Жгли солдаты себе губы и пальцы окурками «козьих ножек». Жгли сердце свое махоркой и упорно стояли на своем. На своем против прапорщиков, против подмостков. Потели солдаты, дышали махоркой, вшу потихоньку за воротом давили, готовы были ноги свои в камень обратить лишь бы довести до конца единоборство с прапорщиками. Махали руками солдаты. Но знали, что сейчас не в руках их оружие. Что если бы все они всем манежем опрокинулись на подмостки, то не достигли бы победы. Сейчас победа в другом: из всех криков, рычаний, угроз, проклятий надо было

склеить одно, одно слово большое и сильное и видное, как знамя, чтобы его держа крепко нести впереди и тогда только ринуться на подмостки, дальше подмостков туда, где рыжий кот у офицерских бульонных пирожков гуляет, где Керенский на царе приколот булавкой, и дальше, дальше этого. Со знаменем путь не заказан!

Кричали солдаты. Упорно стояли в манеже. И из своих миллионов слов и из единой воли силились сплести одно, могучее, как набат. Впереди всех, у самых подмостков бледнолицый с провалившимися щеками и с лихорадочным взглядом стоял растрепанный солдатский кашевар. Волосы на голове его топорщились, как перья измученной мальчишками канарейки. По слабости своего голоса он мало кричал, но все время тянулся к подмосткам, тыкая в офицерское галифе замызганной запиской. На ней были выведены жидким карандашиком не слова, а тени слов:

Прашу слова товарищи кашивару нащот положения
и про товарищей солдат.
Товарищ Василий Е.

Когда эта записка дошла до председателя,—прапорщик из присяжных поверенных—он потер лоб, прикрякнул, записал кашевара в число ораторов. И тут же слово «кашевара» успело вызвать в нем одну практическую мысль: так как теперь все дорожает, то надо сказать жене, чтобы по крайней мере два раза в неделю на обед давалась бы всем—и детям—каша.

Кашевар Василий Енотов оказался небольшим щупленьким человеком. Тонкие ноги его, обтянутые экономно сшитыми солдатскими штанами, тонули в широких рыжих голенищах. Словно не сапоги, а куски водосточных труб были обуты на нем. А гимнастерка не скрывала, а выдавала его впалую грудь. Глаза показывали, что Енотов жил сознанием, и что сознание его, как блоха в душе, все время беспокоило. Может быть потому оно стало таким, что растревожено было грамотой, которую вкусил кашевар в начальной школе. Но за маленькой детской грамотой пошло заводское ученичество, потом навалилась, как тяжелый замок на грудь, работа железная, тяжелая в заводском сквозном грохоте. А детская грамота, словно стрелка на верстовом

столбе при дорожном повороте, показала было какой-то другой путь.

Так, 27-го февраля показалось Енотову, что пришла окончательная станция. Вышел он тогда с солдатами на улицу и с тех пор, мешая огромной, скользкой лопатой кашу, он думал вовсе не о каше. Думал много о многом. И вот только теперь решился все сказать.

Вышел он на подмостки. Заходил взад-вперед, замахал руками, закачал головой, заговорил неравномерно, то быстро, с'едая слова, то медленно, путаясь и кашляя. Но зато, когда стал он говорить, утихло солдатское море. Дым окурочный стал над головами вдвое больше прежнего. И прапорщики, затиснув руки в галифе, примолкли. Только председатель из присяжных поверенных наклонился к черненькому офицеру с разбойными глазами и шепнул ему, подмигнув в сторону Енотова:

— Мели, Емеля, твоя неделя.

Енотов, впрочем, говорил недолго. Солдаты его поняли. И слова его сделали своим знаменем. Прапорщики закрыли собрание. Ушли к пирожкам бульонным, к Керенскому, булавкой наколотому на царя. Повар тоже поспешил на кухню. Огрел два раза посудным полотенцем рыжего кота за блудничество.

А солдаты не расходились из манежа. Говорили со своими ораторами. А Василий Енотов сидел за председательским столом и коряво выводил резолюцию. Какой-то бородатый солдат предложил было расходиться, но Василий Енотов возражал:

— Как это вы можете расходиться без резолюции? Нешто это порядок!?

Солдаты неодобрительно замычали по адресу бородатого мужика. Кто-то еще говорил, а Енотов, окончив резолюцию, расписался под ней так:

«Ризалюция Волынского полка принятая единогласно».

— Товарищи, — сказал он, прочитав резолюцию, — я ставлю на голосование и прошу поднять руки тех...

Солдаты отвечали:

— Все согласны. Нечего тут еще подымать.

На том солдатский митинг и разошелся, и солдаты долго рассказывали друг другу про кашевара:

— Смотри, такой заморыш, а башковатый мужик.

— А про што он говорил-то?—спрашивали те, что не были на митинге.

— Много говорил, хорошо говорил, да как ударит себя в грудь, я сам, говорит, братцы, мастеровой. Ей-Богу!

— Ишь ты!—одобрительно удивлялись солдаты.

Василий же Енотов после ужина летел с резолюцией в кармане во дворец Кшесинской. Там он восторженно рассказывал всем, даже часовому при входе, что Волынский полк единогласно требует:

«Мира, хлеба и власти».

Н. БУХАРИН

Перед Октябрем

(Из речи на вечере воспоминаний)

У нас было такое настроение, что решительно все солдаты и рабочие были на нашей стороне. Стоило только на каком-нибудь рабочем собрании появиться, стоило только сказать несколько слов, что ты выступаешь от имени партии большевиков, стоило только произнести первый слог, первые 3—4 буквы от слова «большевик», как вам не давали говорить от грома рукоплесканий. Мы не могли говорить, настолько был высок авторитет нашей партии, и настолько об'единены были все с нами. У нас получалось везде большинство. Лишь Совет Солдатских Депутатов был со страшно малым количеством большевиков. Мы тогда выделили гарнизонное собрание. Произвели выборы так называемого гарнизонного собрания, куда прошли все большевики. И в этом гарнизоном собрании была представлена самая настоящая солдатня. В Московском Совете Рабочих Депутатов мы за это время уже приобрели подавляющее большинство. И так всюду и на фабриках, и на заводах. Можно было приходить и знать наверняка, что никто не осмелится против нас выступать. В Московском Совете мы проделали такой трюк, которым Москва может гордиться. А именно, Москва издала первый советский декрет еще до того, как осуществлена была в России советская власть. Тогда был конфликт между

рабочими и правительством на почве признания фабрично-заводских комитетов. Борьба шла упорная. Предприниматели в Москве тогда совершенно ясно говорили, что если они сдадут этот пункт, они сделают принципиальную уступку. Один из представителей кожевенных фабрикантов одной фабрики в Замокворечьи утопился в чану с водой только потому, что он не хотел делать принципиальной уступки рабочим и не хотел признавать фабрично-заводских комитетов в то время, когда было слишком ясно, что ему придется эти фабр. завкомы признать. Тогда было необычайно весело. Много веселее, по чести сказать, чем сейчас, потому что тогда мы все, большевики, росли, как на крыльях, неслись, как на волне. Куда не придешь, всюду бывала такая атмосефра сочувствия, что мы понеслись с бешеной быстротой. Вот когда случилось это самое событие, недели за две до начала военных действий, руководящая группа московских большевиков на одной частной квартире стала обдумывать лозунги. Мы просидели до утра на квартире у Ломова и в заключение почти что ничего не выдумали. На следующий день я пришел в исполком защищаться против меньшевиков, которые на нас повели атаку. И вот тут-то пришла в голову мысль о фабр. завкомах. Мы внесли в исполнительный комитет проект о том, что тех капиталистов, которые не признают фабрично-заводских комитетов, мы будем арестовывать. Меньшевики смущены. Это было все равно, что человека обезоружить. Они говорили что-то совершенно непонятное, но провалили нас в исполкоме, потому что они имели там большинство. Затем мы созвали собрание Московского Совета. Вы можете себе представить, там нас встретили рукоплесканиями и невероятнейшим энтузиазмом, когда мы выступили перед рабочими массами с этим проектом. Рукоплескания, как только приходилось произнести слово, что если капиталисты не пожелают признать фабрично-заводские комитеты, мы их будем арестовывать. Поднялось большое возбуждение со стороны рабочих, которые необычайно экспансивно приветствовали такое предложение. На следующий день все буржуазные газеты, «Русские Ведомости» и другие, делали невероятно большие глаза, но рабочие массы (несмотря на уговор всех меньшевиков, которые выставляли самые неожиданные аргументы, вроде

того: где же вы будете этих капиталистов держать? как же вы будете их арестовывать?) воодушевились этим проектом. Теперь это смеху подобно. На следующий день от имени Московского Совета появился декрет № 1. Таким образом, у нас была опора совершенно ясная. С нами были все солдаты и рабочие за исключением самой маленькой кучки очень квалифицированных рабочих, вроде наборщиков Сытинской типографии, которых, между прочим, приходилось уговаривать, уламывать. Они не хотели печатать наших прокламаций, а потом, с помощью наших же красногвардейцев, мы взяли эту типографию во время самого боя.

III. ПЕРЕД ВОССТАНИЕМ

8. **Л. ТРОЦКИЙ** Последние дни
9. Заседание ЦК 10 октября
10. Письмо Ленина

Л. ТРОЦКИЙ

Последние дни

(Из книги «Октябрьская революция»)

1. Затруднения в тылу и на фронте

Внутреннее положение осложнялось и ухудшалось. Война тянулась без цели, без смысла и без перспектив.

На фронте положение ухудшалось с каждым днем. Надвигалась холодная осень с дождями и грязью. Впереди вырисовывалась четвертая зимняя кампания. Продовольствие создавало все большие затруднения. В тылу забыли о фронте—ни смены, ни пополнений, ни необходимой теплой одежды. Дезертирство возрастало. Старые армейские комитеты, выбранные еще в первый период революции, оставались на своих местах и поддерживали политику Керенского. Перевыборы были запрещены. Между комитетами и солдатскими массами образовалась пропасть. В конце концов солдаты стали относиться к комитетам с ненавистью. Из окопов все чаще и чаще приходили в Петроград делегаты и на заседаниях Петроградского Совета ставили в упор вопрос: Что дальше делать? Кто и как кончит войну? Почему молчит Петроградский Совет?

В деревне положение запуталось и усложнилось до последней степени. Революция обещала крестьянину землю, но в то же время руководящие партии требовали, чтобы крестьянин не прикасался к этой земле до Учредительного Собрания. Крестьянин сперва терпеливо ждал, а когда начал терять терпение, коалиционное министерство обрушило на него репрессии. Учредительное Собрание тем временем отодвигалось вдаль. Буржуазия настаивала на том, чтобы Учредительное Собрание созвать после заключения мира. Крестьянские массы все больше и больше теряли терпение. То, что мы предсказывали в самом начале революции, начало осуществляться: крестьянин приступил к захвату земли

собственными средствами. Репрессии усилились, пошли аресты революционных земельных комитетов. В некоторых уездах Керенский ввел военное положение. Из деревень потекли ходоки в Петроградский Совет. Они жаловались на то, что их арестуют, когда они приступают к выполнению программы Петроградского Совета и забирают помещичью землю в руки крестьянских комитетов. Крестьяне требовали у нас защиты. Мы отвечали им, что защитить их мы могли бы только в том случае, если бы власть была у нас в руках. Отсюда, однако, следовал тот вывод, что Советы, если они не желают превратиться в говорильни, должны брать в свои руки власть.

2. Борьба за С'езд Советов

— Власть Советам!—требовала наша партия. В предшествовавшую эпоху это, в переводе на партийный язык, означало,—власть соц.-рев. и меньшевикам, в противовес коалиции с либеральной буржуазией.

Теперь, в октябре 1917 г., тот же лозунг означал передачу всей власти революционному пролетариату, во главе которого стояла в этот период партия большевиков. Дело шло о диктатуре рабочего класса, который вел за собою или, вернее, способен был повести за собою многомиллионные массы беднейшего крестьянства. В этом состоял исторический смысл октябрьского восстания.

Все вело партию на этот путь. Мы проповедывали с первых дней революции необходимость и неизбежность перехода власти к Советам. Большинство Советов, после большой внутренней борьбы, усвоило это требование, встав на нашу точку зрения. Мы подготовляли второй Всероссийский С'езд Советов, на котором ожидали полной победы нашей партии. Центральный Исполнительный Комитет под руководством Дана (осторожный Чхеидзе заблаговременно уехал на Кавказ) всячески противодействовал созыву С'езда Советов. После больших усилий, опираясь на советскую фракцию Демократического Совещания, мы, наконец, добились назначения срока с'езда—25-го октября. Это число вошло затем величайшей датой в историю России. Предварительно мы созвали в Петрограде С'езд Советов Северной области с привлечением Балтийского флота и Москвы. На этом с'езде

мы имели твердое большинство, заручились некоторым полуприкрытием справа в лице фракции левых социалистов-революционеров и заложили серьезные организационные предпосылки октябрьского восстания.

3. Конфликт по поводу петроградского гарнизона

Но еще раньше, до С'езда северных Советов, произошло событие, которому суждено было сыграть крупнейшую роль в дальнейшей политической борьбе. В начале октября на заседание Петроградского Исполнительного Комитета явился представитель Совета при штабе петроградского военного округа и сообщил, что из ставки требуют вывода на фронт двух третей петроградского гарнизона. Для чего? Для обороны Петрограда. Выводить будут не сейчас, но необходимо немедленно же подготовиться. Петроградскому Совету предлагалось штабом одобрить этот план. Мы насторожились. В конце августа также были выведены из Петрограда полностью или частями 5 революционных полков. Это было сделано по требованию тогдашнего верховного главнокомандующего Корнилова, который как раз в те дни готовился бросить на Петроград Кавказскую дивизию с намерением раз навсегда справиться с революционной столицей. Из штаба нас торопили: Керенскому не терпелось, почва слишком нагрелась под его ногами. Мы же медлили с ответом. Петрограду, несомненно, угрожала опасность, и вопрос об обороне столицы стоял перед нами во всем своем грозном значении. Но после опыта корниловщины, после слов Родзянко о спасительности немецкой оккупации,—откуда было взять доверчивости, что Петроград не будет злонамеренно сдан немцам в наказание за свой мятежный дух. Исполнительный Комитет отказался поставить вслепую свой штемпель, под приказом о выводе двух третей гарнизона. Необходимо проверить, заявили мы, действительно ли за этим приказом стоят военные соображения, и необходимо создать орган такой проверки. Так родилась мысль о создании наряду с солдатской секцией Совета, т.-е. политическим представительством гарнизона, чисто оперативного органа в виде Военно-Революционного Комитета, который получил впоследствии могущественную силу и стал фактическим орудием октябрьского переворота. Несомненно, уже в те часы, когда

мы выдвинули идею создания органа, в руках которого сосредоточивались бы нити чисто военного руководства петроградским гарнизоном, мы отдавали себе ясный отчет в том, что именно этот орган может стать незаменимым революционным орудием. В то время мы уже открыто шли навстречу восстанию и организационно готовились к нему.

Таким образом, конфликт в Петрограде развертывался на вопросе о судьбе гарнизона. В первую голову вопрос этот захватил за живое всех солдат. Но и рабочие относились к конфликту, с живейшим интересом, так как боялись, что с выводом гарнизона они будут задушены юнкерами и казаками. Конфликт приобретал, таким образом, в высшей степени острый характер и развертывался на почве, крайне неблагоприятной для правительства Керенского.

Параллельно шла охарактеризованная уже выше борьба за созыв Всероссийского С'езда Советов, при чем от имени Петроградского Совета и Северного Областного С'езда мы открыто провозглашали, что Второй С'езд Советов должен отстранить правительство Керенского и стать подлинным хозяином русской земли. Восстание фактически было уже налицо. Оно развертывалось совершенно открыто, на глазах всей страны.

Опять, как в июльские дни, печать и все другие органы так называемого общественного мнения были мобилизованы против нас. Из июльских арсеналов было извлечено наиболее отравленное оружие, которое было временно сдано туда после корниловских дней. Тщетные усилия! Масса приливала к нам неотразимо, и настроение ее повышалось с часу на час. Из окопов приходили делегаты. «До каких же пор,—говорили они на заседаниях Петроградского Совета,—будет тянуться это невыносимое положение? Солдаты приказали нам заявить вам; если до первого ноября не будет сделано решительных шагов к миру, окопы опустеют, вся армия бросится в тыл». Такое решение действительно широко распространялось на фронте. Солдаты передавали там из одной части в другую самодельные прокламации, в которых призывали не оставаться в окопах дольше, как до первого снега. «Вы забыли о нас!—восклицали окопные ходоки на заседаниях Совета.—Если вы не находите выхода из положения, мы сюда придем сами и штыками разгоним наших врагов.

но и вас вместе с ними». Петроградский Совет в течение нескольких недель стал центром притяжения для всей армии.

Тем временем конфликт по вопросу о выводе гарнизона развертывался далее. Почти ежедневно собиралось гарнизонное совещание из ротных, полковых и командных комитетов. Влияние нашей партии в гарнизоне утвердилось окончательно и безраздельно.

4. Комиссары Военно-Революционного Комитета

Первым делом Военно-Революционного Комитета было назначение комиссаров во все части петроградского гарнизона и во все важнейшие учреждения столицы и окрестностей. Мы получали с разных сторон сообщения о том, что правительство, или, вернее, правительственные партии деятельно организуют и вооружают свои силы. Из разных складов оружия, государственных и частных, извлекались винтовки, револьверы, пулеметы, патроны для вооружения юнкеров, студентов и вообще буржуазной молодежи. Необходимо было принять немедленные предупредительные меры. Во все склады и магазины оружия были назначены комиссары. Они почти без сопротивления овладели положением. Правда, комендантыи владельцы складов пытались не признавать их, но достаточно было обратиться к комитету солдат или служащих каждого учреждения, чтобы сопротивление оказывалось немедленно сломанным. Оружие выдавалось далее только по ордерам наших комиссаров.

Задача состояла в том, чтобы всюду провести комиссаров Петроградского Совета. Это было достигнуто при самом энергичном содействии солдатских масс. Полк за полком заявлял в заключение митингов, где выступали ораторы разных партий, что будет признавать только комиссаров Петроградского Совета и без его решения не сделает шагу.

В назначении этих комиссаров крупную роль играла военная организация большевиков.

5. Наростание прилива

На ряду с организационной работой шла бурная агитация. Это был период непрерывных митингов на заводах, в цирках «Модерн» и Чинизелли, в клубах, в казармах. Атмосфера всех митингов и собраний была насыщена элек-

тричеством. Каждое упоминание о восстании встречалось бурей аплодисментов и кликами восторга. Буржуазная печать усугубляла настроение всеобщей тревоги. Подписанный мною ордер Сестрорецкому оружейному заводу о выдаче 5 тысяч винтовок Красной гвардии вызвал неописуемую панику в буржуазных кругах. Повсюду говорили и писали о подготовляющейся всеобщей резне. Это, разумеется, нисколько не помешало рабочим Сестрорецкого оружейного завода выдать оружие красногвардейцам. Чем более неистово клеветала и травила нас буржуазная печать, тем горячее откликались на наш голос массы.

Солдаты даже наиболее отсталых полков восторженно приветствовали комиссаров Военно-Революционного Комитета. От казачьих частей и от социалистического меньшинства юнкеров к нам приходили делегаты. Они обещали в случае открытого столкновения обеспечить по крайней мере нейтралитет своих частей. Правительство Керенского явно повисало в воздухе.

Штаб Округа вступил с нами в сношения и предложил компромисс. Чтобы выяснить себе силу сопротивления врага, мы вступили в переговоры. Но штаб нервничал, то увещевал, то грозил и даже об'явил наших комиссаров недействительными, что, впрочем, нисколько не отразилось на их работе. Видные меньшевики и социалисты-революционеры приходили к нам в качестве посредников, убеждали, грозили и предрекали нашу гибель и гибель революции.

6. «День Петроградского Совета»

Здание Смольного находилось в этот период уже всецело в распоряжении Петроградского Совета и нашей партии.

Центральный Исполнительный Комитет, как уже упоминалось выше, держал в своих руках кассу Петроградского Совета и его издания. Попытка получить хотя бы одно из этих изданий не привела ни к чему. С конца сентября мы предпринимали ряд шагов к тому, чтобы создать самостоятельную газету Петроградского Совета. Но все типографии были заняты, а собственники их бойкотировали нас при поддержке Центрального Исполнительного Комитета. Решено было устроить «День Петроградского Совета» в целях развития широкой агитации и сбора денежных средств на поста-

новку газеты. Этот день недели за две был назначен на 22-ое октября и, стало-быть, попал в момент открыто развивавшегося восстания.

Враждебная пресса с полной уверенностью сообщала, что 22-го октября произойдет вооруженное восстание большевиков на улицах Петрограда. Что восстание произойдет, в этом не сомневался никто. Пытались только определить, когда именно,—гадали, предсказывали, стараясь таким путем вынудить с нашей стороны опровержение или признание. Но Совет спокойно и уверенно шел вперед, не откликаясь на вой буржуазного общественного мнения. День 22-го октября стал днем смотра сил пролетарской армии. Он во всех отношениях прошел прекрасно. Несмотря на шедшие справа предупреждения о том, что на улицах Петрограда будет литься рекою кровь, народные массы валом валили на митинги Петроградского Совета. Все ораторские силы были приведены в движение. Все общественные помещения были заполнены. Митинги шли непрерывно в течение ряда часов. Выступали ораторы нашей партии, с'езжавшиеся на Советский С'езд делегаты, представители с фронта, левые соц.-рев. и анархисты. Общественные здания были затоплены волнами рабочих, солдат и матросов. Таких собраний было немного в Петрограде даже за время революции. Всколыхнулась значительная масса мелкого мещанства, не столько запуганная, сколько взбудораженная криками, предостережениями и травлей буржуазной прессы. Десятки тысяч народа омывали волнами здание Народного Дома, перекатывались по коридаром, заполняли залы. На железных колоннах висели огромные гирлянды человеческих голов, ног, рук, как гроздья винограда. В воздухе царило то электрическое напряжение, которое знаменует наиболее критические моменты революции. «Долой правительство Керенского! Долой войну! Вся власть Советам!» Никто из среды прежних советских партий уже не решался выступать перед этими колоссальными толпами со словом возражения. Петроградский Совет господствовал безраздельно. Кампания была уже, в сущности, выиграна, оставалось нанести призрачной власти последний военный удар.

Заседание Ц. К. 10 октября 1917 года

Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов.

Председательствует Свердлов.

Порядок дня:

1. Румынский фронт.
2. Литовцы.
3. Минск и Северный фронт.
4. Текущий момент.
5. Областной с'езд.
6. Вывод войск.

Текущий момент:

Слово получает Ленин.

Констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь уже, повидимому, время значительно упущено. Тем не менее, вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок. Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами. То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей до Питера, еще больше вынуждает нас к решительным действиям. Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш под'ем идет гигантскими шагами. Абсентеизм и равнодушие масс можно об'яснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти.

Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян.

Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технич. стороне. В этом все дело. Между тем

мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха. Ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

Областным с'ездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий.

Принимается резолюция в след. виде:

Высказывается за 10, против 2.

Затем ставится вопрос о создании политического бюро Ц.К. Решено образовать бюро из 7 человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов.

Резолюция, принятая 10 октября 1917 г.

Ц. К. признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам),—так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах,—все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, ясное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.)—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (с'езда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.).

Письмо тов. Ленина

В Ц. К., в М. К., и в П. К. и членам Советов Питера и Москвы большевикам.

Дорогие товарищи, события так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением.

Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии, в войске симпатии к нам растут (99% голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрелов матросов. Выборы в Москве 47% большевиков—гигантская победа. С левыми эс-эрами явное большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с правительством. Либерданы вместо с'езда на 20-е говорят уже о с'езде в 20-х числах и т. д. и т. д.

При таких условиях «ждать»—преступление.

Большевики не в праве ждать с'езда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и против нас об'единяются), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотням тысяч людей на войне.

Медлить—преступление. Ждать с'езда Советов—ребячья игра, формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: напр., если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена, и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся. Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам тотчас, уступки железнодорожникам и почтовым служащим тотчас и т. д.

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска

идут на Питер. Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за Московское Советское правительство.

Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно. Ждать—преступление пред революцией.

III

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

I. В ПЕТРОГРАДЕ

1. **И. САДОФЬЕВ** – Восстание
2. **И ФЛЕРОВСКИЙ** – Красный Кронштадт
3. **Д. РИД** – Смольный в ту ночь
4. **А. СИНЕГУБ** – Зимний в ту ночь
5. **Л ТРОЦКИЙ** – Речь.
6. **Н ЛЕНИН** – Речь
7. **Д. РИД** – Великое торжество
8. **В. МАЯКОВСКИЙ** – Потрясающие факты

И. САДОФЬЕВ

Восстание

Крики... Тревога..., шаги... пулеметы... орудия... штыки...
Вышли, восстали красные заводы, окраины, кварталы.
Казармы, флот, гневно-мятежные команды, полки
Высоко взметнулись, зареяли полотна ярко-алы...
Растерянность вбежала в Зимний, оковала министров.
Дворцы, бель-этажи—во власти страха, свирепости.
Матросы с крейсера послали ультиматум—выстрел:
Свергнутая власть размещена в бастионах крепости.
Поползли, извиваясь, как змеи, слова полные яда,
Злобы и трусости, надежды и отчаяния, черные слова.
Покатились как громы, яркие, как солнечные взгляды.
Полные восторга, веры и силы, победные, красные слова.

——

Зазвенели возгласы: «Калифы на час... Авантюристы, Гунны».
Грянули крики: «Да здравствует власть пролетарская»...

И. ФЛЕРОВСКИЙ

Красный Кронштадт

(Из воспоминаний)

Ночь подготовки к выступлению в Питер была исключительной ночью. Вряд ли в эту ночь в Кронштадте кто-нибудь сомкнул глаза. «Морское Собрание» переполнено матросами, солдатами и рабочими. У всех боевой вид, готовых к походу. Приходят за распоряжениями, выносят приказы. Революционный штаб точно намечает план операций, опре-

деляет части и команды к выступлению, подсчитывает запасы, шлет назначения. Ночь проходит в напряженной работе. К выступлению намечены суда: минный заградитель «Амур», только что прибывший в Кронштадт из действующего флота, старый броненосец «Заря свободы» (б. «Александр III»), посыльное судно «Ястреб» и ряд других. «Амур» и «Ястреб» с дессантом матросов и солдат в Петербург, «Заря Свообды», по высадке дессанта в Ораниенбауме, встанет у входа в морской канал, чтобы в случае надобности взять под обстрел Балтийскую жел. дор.

Когда план выступления был готов, и важнейшие приказы отданы, мы с Каллисом вышли на улицу. Здесь большое, но молчаливое движение. К военной гавани движутся отряды моряков и солдат, при свете факелов видишь только первые ряды серьезных, решительных лиц. Ни смеха, ни говора,—четкий шаг, редкие слова команды. Тишину ночи нарушает лишь громыхание грузовиков, перебрасывающих из интендантских складов крепости запасы на суда. В гавани идет тоже молчаливая, напряженная и спешная работа погрузки. Отряды притулились к набережной и терпеливо ждут посадки.

Невольно думалось,—неужели это последние минуты перед величайшим в мире революционным переворотом? Все так просто и четко, как перед любым военно боевым выступлением, так непохоже на все известные в истории картины революции. «Эта революция пройдет по настоящему»,—говорит мой спутник. Оборачиваюсь к нему. При блеклом свете фонаря ни лицо, а будто мертвенная, загадочная маска. Только в серых спокойных глазах поблескивают искорки.

Брезжило пасмурное осеннее утро, когда началась посадка. В черных бушлатах, с винтовкой за плечами и патронными сумками у пояса, с морской быстротой и ловкостью взлетали по веревочным лестницам на корабль. Неуклюже карабкались непривычные солдаты гарнизона и красногвардейцы. Часам к 8 посадка закончена. Революционный штаб поместился на «Амуре» в каюте судового комитета. «Амур» шел головным. Руководить операцией «Зари Свободы» назначили тов. Колбина, молодого большевика-матроса, потом погибшего при взрыве собрания Московского комитета в Леонтьевском переулке.

Рожок проиграл сбор, и матросы крепко сгрудились на верхней и средней палубе. Мне и Ярчуку надо было сказать слова революционного напутствия. Не знаю, что сказал Ярчук. Но когда передо мной стали тысячи сосредоточенных лиц, когда я увидел эту массу глаз, на меня устремленных, я почувствовал небывалый восторженный трепет. Он пронизал насквозь все тело, первые секунды сжал горло. Я, как никогда, реально осязал нити, связующие меня с этой массой лиц и глаз. Хотелось не говорить, а броситься и обнять эту многоликую силу пролетарской революции, великой мечты, готовой вот-вот стать действительностью. С большим трудом я мог вымолвить несколько слов: «Товарищи, наступают исключительные события в истории нашей и всего мира. Мы идем творить социальную революцию. Мы идем оружием сбросить власть капитала. Это нам на долю выпало величайшее, неизбывное счастье осуществить страстные мечты угнетенных»...

Прошло пять лет, а картина этого митинга последних минут перед выступлением, как живая, стоит перед глазами и едва ли кто из участников его забудет. Ни рукоплесканий, ни криков и возгласов,—сжимают в крепких об'ятиях, целуют, тискают руки, на энергичных обветренных лицах слезы и сиянье глаз...

Медленно тронулся «Амур» с матросами, сплошь покрывшими палубу. Было их свыше двух тысяч, жались, громоздились, где могли и не двигались,—ходить не было места. В каюте судового комитета, где разместился штаб, тоже теснота и давка. В уголке прикурнул Блейхман, растерянный, забытый и никому не нужный с его анархизмом. Он сам чувствовал свою ненужность, и вся фигура его говорила о какой-то робости, словно просила, чтобы его «пожалуйста» не трогали. Через несколько дней он будет снова «призывать», а теперь... теперь Блейхман немножко жалок, как и его призывы. Не символ ли это анархизма, с бурливой словесностью и никчемностью в революции.

Идем по узкому каналу, в кильватере «Ястреб» и другие суда. Невольно думаешь,—а что, если правительство предусмотрительно заложило пару мин, а почему оно, глупое, не расставило десятков пулеметов за прикрытиями на берегу,—так это просто и так легко разгромить наше пред-

приятие. Но правительству не до того. Вот и Нева. Фабричные трубы, суда,—все спокойно, без признаков грядущей, социальной и боевой грозы.

Мы решаем вопрос, где встать для высадки десанта. Вдруг слышим ликующее могучее ура. Выскакиваем на палубу. Посередь Невы развернулся наш крейсер—«Аврора». Гремит оркестр, приветственные клики, радость, оживление ключем забило на палубе. «Какая жалость, что мы забыли оркестр».—Ничего, скоро будет другая музыка!

«Амур» стал невдалеке от «Авроры». Через несколько минут на палубу вабирался Антонов-Овсеенко. Наскоро сообщает новости и передает распоряжение Военно-Революционного Комитета. Зимний дворец окружается. Часть наших отрядов займет место в цепи окружения, часть высадить на Васильевский остров. К «Амуру» подходят мелкие суда, чтобы переправить десант к берегу. Высадка идет споро и быстро, палуба пустеет, на корабле остается только боевая вахта. Устанавливаем связь с «Авророй» и Петропавловской крепостью.

Д. РИД

Смольный в ту ночь

(Из книги «10 дней, которые потрясли весь мир»)

Массивный фасад Смольного горел огнями, когда мы подходили к нему, и туда с каждой улицы плыл поток еле различимых в сумраке людей.

Автомобили и мотоциклеты двигались взад и вперед. Огромный серый броневик с двумя красными флагами на башенке выполз оттуда, непрерывно завывая сиреной.

Было холодно, и красногвардейцы у ворот зажгли костер. У второй пары ворот также горел костер, при свете которого часовые медленно разбирали наши пропуска и разглядывали нас с головы до пят.

Брезентовые покрышки были сняты с четырех пулеметов, находившихся у каждого входа. Змееобразно висели полосы с патронами. Много броневиков стояло под деревьями сада, наполняя воздух шумом работающих моторов. Длинные, оголенные, тускло освещенные залы гремели от тысячи шумов, от призывов, от возгласов толпы, спускавшейся бы-

стро по лестницам—рабочие в длинных блузах и круглых меховых шапках, многие с ружьями, повешенными за плечем; солдаты в грубых, грязного цвета, пальто и серых меховых шапках, несколько вождей... Луначарский, Каменев—сбегали вниз в центре какой-то группы. Все говорили зараз, с взволнованными лицами и огромными портфелями под мышками.

Это закончилось чрезвычайное заседание Петроградского Совета.

Это было чрезвычайно важное заседание. От имени Военно-Революционного Комитета Троцкий заявил, что Временное Правительство более не существует.

— Характерной особенностью буржуазных правительств, —сказал он,—является введение народа в обман. Мы, Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, собираемся произвести эксперимент, единственный в истории человечества: мы собираемся образовать власть, которая не будет иметь иной цели, кроме удовлетворения нужд солдат, рабочих и крестьян.

Мы вошли в большой зал заседаний, проталкиваясь через шумную толпу у дверей. На рядах мест, под белыми канделябрами, набившись в притворы, в боковые проходы, усевшись на каждый подоконник и даже на край трибуны представители рабочих и солдат всей России ожидали, в напряженном молчании и в состоянии чрезвычайной экзальтации, звонка председателя.

Зал не отапливался, но воздух был удушливо горяч от огромной массы находившихся. Неприятный сизый дым от папирос висел в сгущенной атмосфере.

На трибуне сидели вожаки старого Ц. И. К., в последний раз руководя еще бурным Советом, которым они руководили с первых дней революции, и который теперь восстал против них.

Это был конец первого периода революции,—того периода, в течение которого эти люди хотели руководить ею с осторожностью.

Трое самых крупных вождей не присутствовали: не было Керенского, в этот момент ехавшего на автомобиле на фронт через провинциальные города, уже начинавшие волноваться. Не было Чхеидзе, старого орла, который с презрением вернулся в свои родные горы, чтобы здесь умереть от туber-

кулеза. Не было также великодушного Церетелли, который, тем не менее, еще вернулся и вновь и вновь красноречиво выступал в защиту потерянного дела.

Сидели здесь: Гоц, Дан, Либер, Богданов, Бройдо, Филипповский, бледные, с впавшими глазами, с негодованием, написанным на лице.

Перед ними находился бурлящий и кипящий второй Всероссийский С'езд Советов, а через их головы—Военно-Революционный Комитет ковал горячее железо, держа в своих руках нити восстания и метко ударяя там, где нужно. Было сорок минут одинадцатого ночи.

Дан, человек с необычайно мрачным выражением лица, лысоватая фигура в нелепой форме военного врача, зазвонил в колокольчик.

Неожиданно наступило молчание, напряженное и нарушаемое лишь бранью и спорами людей в дверях.

— Власть в наших руках,—сказал он печально. Остановился на момент и затем продолжал тихо:—Товарищи, С'езд Советов открывается при необычайных обстоятельствах и в такой исключительный момент, что вы поймете, почему Ц. И. К. считает необходимым обратиться к вам с политической речью. Это станет ясно для вас, если вы вспомните, что я—член Ц. И. К., если вы вспомните, что в этот самый момент наши товарищи находятся в Зимнем дворце под бомбардировкой, жертвуя собою во исполнение долга, возложенного на них Ц. И. К. (Неопределенный шум).

— Я об'являю заседание первого С'езда Совета Рабочих и Солдатских Депутатов открытым.

Затем имело место избрание президиума среди шума и всеобщего движения. Аванесов заявил, что, по соглашению между большевиками, левыми эс-эрами и меньшевиками-интернационалистами, решено составить президиум на основе пропорционального представительства. Многие меньшевики вскочили с протестом. Бородатый солдат прокричал им: «вспомните, что вы делали с нами, большевиками, когда мы были в меньшинстве». Результаты выборов: 14 большевиков, 7 социалистов-революционеров, 3 меньшевика и 1 интернационалист из группы Горького. Гендельман от имени правых и центра социалистов-революционеров заявил, что они отказываются принять участие в работе президиума.

То же самое заявил и Хинчук от имени меньшевиков, а меньшевики-интернационалисты ответили, что до выяснения некоторых обстоятельств они также не могут войти в президиум. Раздались отдельные всплески рукоплесканий и шум.

— Ренегаты, вы называете себя социалистами,—прогремел один голос.

Представители Украины потребовали и получили один голос в президиуме. Затем старый Ц. И. К. сошел с трибуны и место его заняли: Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Ногин... Весь зал поднялся, гремя аплодисментами. Как высоко поднялись эти большевики, превратившиеся из презираемой и преследуемой секты, какой они были всего 4 месяца тому назад, в руководителей великой России, переживающей прилив революционного восстания.

— В порядке дня,—сказал Каменев: 1) организация власти, 2) война и мир, 3) созыв учредительного собрания.

Лозовский, поднявшись, заявляет, что, по соглашению бюро всех фракций, предложено выслушать и обсудить доклад Петроградского Совета, затем дать слово Ц. И. К. и различным партиям, и, наконец, перейти к порядку дня.

Но внезапно послышался новый шум, более глубокий, чем шум толпы, настойчивый, беспокоющий—глухие взрывы пушечных выстрелов. Публика взволнованно глянула по направлению к окнам, и в собрании установилась лихорадочная атмосфера. Мартов, потребовав слова, прохрипел: «Гражданская война начинается, товарищи. Первым вопросом должен быть вопрос о мирном разрешении кризиса. Если Съезд желает быть голосом революционной демократии, он не должен сидеть сложа руки перед фактом развития гражданской войны, результатом которой может быть опасный взрыв контр-революции... Возможность мирного разрешения заключается в образовании единой демократической власти... Мы должны избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и социалистами»...

А все время методически звучал заглушенный шум пушек, и делегаты перекидывались палящими словами.

Так, с треском артиллерийских выстрелов, в темноте, в атмосфере ненависти и страха,—в атмосфере безумной смелости, рождалась новая Россия.

Левые социалисты-революционеры и об'единенные со-

циал-демократы поддержали предложение Мартова. Оно было принято.

Хараш, с капитанскими эполетами на плечах, горячо требует слова.

— Политические лицемеры, которые руководят С'ездом,—прокричал он,—сказали нам, что мы будем решать вопрос о власти, а он решается за нашими спинами раньше, чем С'езд начал свою работу. По Зимнему дворцу наносятся удары, и этими ударами вколачивают гвозди в гроб политической партии, которая пошла на подобную авантюру...— Его речь встречается страшным шумом.

За ним выступает Гарра.

— В то время, как мы здесь обсуждаем условия мира, бой идет на улицах. Социалисты-революционеры и меньшевики отказываются быть связанными с тем, что имеет место, и призывают все общественные силы сопротивляться попытке захвата власти.

Кучин, делегат 12 армии и представитель трудовиков, говорит:

— Я послан сюда только для информации. Я возвращаюсь назад, где все армейские комитеты считают, что захват власти социалистами за три недели до учредительного собрания—это удар ножем в спину армии, это преступление против народа.

Крики: «Ложь. Вы лжете...»

Затем едва слышатся его слова:

— Покончим с этой авантюрой в Петрограде. Я призываю всех делегатов оставить зал для того, чтобы спасти страну и революцию.

Когда он сходил с трибуны, среди оглушающего шума, публика набросилась на него с угрозами.

Затем Хинчук, офицер с длинной козлиной бородкой, говорит мерно и убедительно:

— Я говорю от имени делегатов-фронтовиков. Армия плохо представлена в этом С'езде и, более того, армия считает созыв С'езда Советов неправильным в это время—только за три недели до открытия учредительного собрания.

Шум и топот ног становится все больше и больше.

— Армия не считает, что С'езд Советов имеет необходимый авторитет.

Солдаты начинают вставать по всему залу.

— От имени кого вы говорите? Кого вы представляете?— раздаются возгласы.

— Я представляю Центральный Исполнительный Комитот солдат 5-й армии, 2-й «Ф» полк, 1-й «Н» полк, 3-й «С» стрелковый полк..

— Когда вы были избраны? Вы представляете офицеров, а не солдат. Что говорят об этом солдаты?

По его адресу раздаются насмешки и возгласы негодования.

— Мы, фронтовая группа, снимаем с себя всякую ответственность за то, что случилось и происходит, и мы считаем необходимым созвать все сознательные и революционные силы для спасения революции. Фронтовая группа покидает С'езд. Место для боя—на улицах.

Немедленно поднимается страшный шум.

— Вы говорите от имени штаба, а не армии.

— Я призываю всех, не утративших разум, покинуть этот С'езд.

— Корниловец! Контр-революционер! Провокатор!

От имени меньшевиков Хинчук этим заявляет, что единственная возможность мирного разрешения—это начать переговоры с Временным Правительством с целью образования нового кабинета, который будет опираться на все слои общества.

В течение многих минут не может говорить из-за шума.

Возвысив свой голос до крика, он читает заявление меньшевиков:

— Потому, что большевики вступили в заговор с помощью Петроградского Совета, не посоветовавшись с другими фракциями и партиями, мы считаем невозможным оставаться на С'езде. Мы удаляемся и приглашаем другие группы последовать за нами и устроить совещание для освещения положения.

— Дезертир!

В одном, почти сплошном, шуме можно слышать, как Гендельман, представитель социалистов-революционеров, протестует против бомбардировки Зимнего дворца.

— Мы протестуем против этого рода анархии!..

Когда он сходит вниз, молодой худощавый солдат с го-

рящими глазами вскакивает на трибуну и поднимает драматически руки.

— Товарищи! моя фамилия Петерсон. Я говорю от имени 2-го стрелкового латышского полка. Вы выслушали двух представителей армейских комитетов. Эти заявления имели бы некоторую ценность, если бы сделавшие их были представителями армии (гром аплодисментов), но они не представляют здесь солдатскую массу. Я говорю вам теперь—латышские солдаты много раз подтверждали—пусть не будет больше резолюций и болтовни. Нам нужно дело. Власть должна быть в наших руках. Пусть эти самозванцы-делегаты оставляют С'езд: армия не с ними.

Зал загремел рукоплесканиями.

В первые моменты заседания, подавленные быстротой событий, пораженные шумом пушечных выстрелов, делегаты колебались. В течение часа один удар за ударом падали на них с этой трибуны, сплачивая их вместе и, вместе с тем, их подавляя. Разве не одиночками были они тогда? Разве Россия не поднималась против них? Верно ли было, что армия двигается на Петроград?

В этот момент ясноглазый молодой солдат сказал свое слово и, как светом молнии, озарил перед ними истину.

Это был голос солдат, бушующих миллионов, одетых в форму рабочих и крестьян, которые были такими же людьми, как они сами, и чьи мысли и чувства были их же собственными.

Выступали еще несколько солдат.

Отлив настроения сменялся приливом.

Затем выступил представитель Бунда, Абрамович, быстро мигающий глазами за толстыми очками, дрожащий от гнева.

— То, что происходит теперь в Петрограде, является чудовищным несчастьем. Группа Бунда присоединяется к заявлению меньшевиков и социалистов-революционеров и покидает С'езд.

Остальная часть его речи заглушена была бурей негодующих возгласов, угроз и ругательств, превратившихся в невероятный шум, когда 50 делегатов встали и проталкивались к выходу...

Каменев звонил в колокольчик, восклицая: «Оставайтесь на ваших местах, мы будем продолжать нашу работу».

А Троцкий, встав, весь бледный, с жестким выражением лица, сказал с холодным презрением, подчеркнутым его прекрасно модулирующим голосом:

— Все эти, так называемые, социалисты-соглашатели-меньшевики, социалисты-революционеры, Бунд, пускай идут—они все лишь только отбросы, которые будут сметены в сорную кучу истории.

Рязанов от имени большевиков заявил, что по требованию Думы Военно-Революционный Комитет отправил делегацию для того, чтобы предложить переговоры Зимнему дворцу.

— Таким образом,—сказал он,—мы сделали все возможное для уменьшения кровопролития.

* * *

Окна Смольного все еще горели огнями. Автомобили непрерывно приезжали, и вокруг все еще горящих ярким пламенем костров часовые сидели, сжавшись в кучу, и с громадным интересом спрашивали каждого о последних новостях. Коридоры были переполнены спешащими куда-то людьми с глубоко впавшими глазами. В некоторых комитетских комнатах люди лежали и спали на полу с ружьями возле них. Несмотря на уход части делегатов, зал заседания был переполнен народом, шумевшим, как море. Когда мы вошли, Каменев читал список арестованных министров. Имя Терещенко было встречено громом аплодисментов, криками удовлетворения и смехом; Рутенберг получил меньше, а при упоминании имени Пальчинского вновь прорвалась целая буря иронических возгласов, рукоплесканий... Было сообщено, что Чудновский назначен комиссаром Зимнего дворца.

В этот момент случился драматический эпизод. Огромного роста крестьянин, с перекошенным гневом бородатым лицом, взобрался на платформу и, ударив кулаком по столу президиума, прокричал:

— Мы, социалисты-революционеры, настаиваем на немедленном освобождении министров-социалистов, арестованных в Зимнем дворце. Товарищи!

— Знаете ли вы, что четверо товарищей, которые рисковали своей жизнью и своей свободой в борьбе с тиранией царя, брошены в Петропавловскую тюрьму, в эту историческую могилу свободы?

При страшном шуме он все еще бил кулаком и кричал в толпу.

Троцкий жестом требовал молчания.

— Эти товарищи захвачены в момент составления заговора для разгрома Советов вместе с авантюристом Керенским. Разве есть какое-нибудь основание обращаться с ними с перчатками в руках? После 16 и 18 июля они не очень церемонились с нами.

Затем, с нотой торжества в голосе, он воскликнул:

— Теперь, когда оборонцы и трусы ушли, и вся задача защиты и спасения революции покоится на наших плечах, особенно необходимо работать, работать и работать. Мы решились скорее умереть, чем отступить.

За ними выступал комиссар из Царского Села, весь запыхавшийся и покрытый грязью после своей поездки.

— Гарнизон Царского Села стоит у ворот Петрограда, готовый защищать Совет и Военно-Революционный Комитет.

Его выступление встречено было диким взрывом рукоплесканий.

— Корпус самокатчиков, посланный с фронта, прибыл в Царское, и солдаты теперь—с нами. Они признали необходимым теперь немедленно передать землю крестьянам и установить рабочий контроль над промышленностью. 5-й батальон самокатчиков, находящихся в Царском Селе, наш...

Затем выступил делегат 3-го батальона самокатчиков. Среди проявлений лихорадочного энтуазма он рассказал, как корпус самокатчиков за три дня до того получил приказ выехать с юго-западного фронта на защиту Петрограда. Они однако заподозрили смысл приказа, и на станции Передольной были встречены представителями 5-го батальона из Царского Села. С последними они устроили совещание, причем было выяснено, что среди самокатчиков нет ни одного, который готов был проливать кровь своих братьев или поддерживать правительство буржуазии и помещиков.

Капелинский, от имени меньшевиков-интернационали-

стов, предложил избрать специальную комиссию для изыскания выхода из сложившегося положения.

— Нет никакого мирного выхода—прогремела толпа.—Победа—единственное решение вопроса...

Подавляющим большинством голосов предложение было провалено, и меньшевики-интернационалисты оставили С'езд в буре насмешек. В заседании не чувствовалось более никакого даже намека на панику...

Каменев с платформы прокричал им вслед:

— Меньшевики и социалисты потребовали слова для постановки вопроса о мирном разрешении, но они всегда вотировали изменение порядка дня в пользу заявления фракции, которая желала покинуть С'езд. Очевидно,—кончил Каменев,—уход всех ренегатов был решен заранее...

Собрание решило оставить без внимания уход фракции и приступило к обсуждению воззвания к рабочим, солдатам и крестьянам всей России.

«К рабочим, солдатам и крестьянам».

«Второй Всероссийский С'езд Рабочих и Солдатских Депутатов открылся. На нем представлено подавляющее большинство Советов, в работах его принимает также участие и некоторое число крестьянских депутатов. Опираясь на волю подавляющего большинства рабочих, солдат и крестьян, основываясь на победном восстании петроградских рабочих и солдат, С'езд берет в свои руки власть.

«Временное Правительство об'является низложенным. Большинство членов Временного Правительства уже арестовано. Советская власть немедленно предложит демократический мир всем нациям и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, государственных и монастырских земель земельным комитетам, защитит права солдат, настоит на полной демократизации армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит созыв учредительного собрания в надлежащее время, примет меры к снабжению хлебом городов и предметами первой необходимости деревень, и обеспечит всем нациям, живущим в России, действительное право на независимое существование.

«С'езд решает: вся местная власть переходит к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые должны провести в жизнь революционный порядок.

«С'езд призывает всех солдат в окопах быть на-чеку и стойкими. С'езд Советов уверен, что революционная армия знает, как защитить революцию от всех нападений империализма до тех пор, пока новое правительство не доведет до конца дело заключения демократического мира, который оно немедленно предложит всем нациям.

«Новое правительство предпримет все необходимые шаги для обеспечения всех потребностей революционной армии путем политики реквизиции и обложения владеющих классов, а также улучшить положение солдатских семей.

«Корниловец—Керенский, Каледин и другие пытаются вести войска на Петроград, но полки, обманутые Керенским, уже перешли на сторону восставшего народа.

«Солдаты, оказывайте энергичное сопротивление корниловцу—Керенскому. Будьте на страже!

«Железнодорожники, останавливайте все военные маршруты, направленные Керенским против Петрограда!

«Солдаты, рабочие и служащие. Судьба революции и демократического мира в ваших руках!

«Да здравствует революция!

«Всероссийский С'езд
Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.
Делегаты Крестьянских Советов».

Было ровно 5 часов 17 минут утра, когда Крыленко, шатаясь от усталости, взобрался на трибуну с телеграммой в руках:

— Товарищи. С северного фронта 12 армия посылает приветствия С'езду Советов, извещая об образовании Военно-Революционного Комитета, который принял на себя командование северным фронтом.

Наступило нечто невообразимое. Люди плакали, обнимая друг друга.

Зимний в ту ночь

(Из воспоминаний белогвардейского офицера)

За артиллерией уходили казаки. Я бросился в комендантскую. По дороге попались какие-то юнкера, а затем группа безобразно пьяных офицеров, среди которых один высокий офицер, размахивая шашкой на-голо, что-то дико вопил. Влетев в комендантскую, я наскочил на поручика Лохвицкого, что-то заикаясь докладывавшего капитану Галиевскому, обезкуражено сидящему на стуле.

— Господин капитан—начал я докладывать об уходе казаков через выход на Зимнюю Канавку.—Так, так, только твердил он, и когда я кончил доклад, вдруг сразил меня новостью:—Паршиво. Но еще хуже растерянность правительства. Сейчас получен ультиматум с крейсера «Аврора», ставшего на Неве против дворца. Матросы требуют сдачи дворца, иначе откроют огонь по нем из орудий, что докладывают юнкера. Положение дрянь. Пехотные школы снова волнуются. Правительство хочет об'явить для желающих свободный выход из дворца. Само же остается здесь и от сдачи отказывается.

— Да чорт с ними, капитан,—заволновался я.—Чем меньше дряни во дворце останется, тем легче будет обороняться. Ведь до утра досидеть, а там в городе опомнятся и придут на выручку.

Мы вышли и подошли под арку. Несколько близких выстрелов густым эхом отозвалось под нею.

— Откуда стреляют? Ни черта не видно—неслось по баррикаде. Спокойствие,—отдавал распоряжение капитан.—Огонь открывать только по моему приказу.

Вдруг загорелся свет в высоких электрических фонарях, стоящих по бокам ворот. И снова стало светло как днем. И снова раздались выстрелы и щелканье пуль о стены дворца.

— Свет потушить,—кричал капитан. Свет потушить,—бегая вокруг фонарей и ища выключателя, кипятился капитан, наблюдая, как звуки пуль, ударявшихся о стены, постепенно снижались с верха к земле.

— Александр Петрович!—бегите во дворец и найдите собаку монтера,—приказал он мне.

— Куда бежать? Где искать? Дворец огромен, чорт, до утра проплутаешь в нем. Ага... в столовую,—случайно сообразил я.

Через несколько минут я с монтером был в монтерской. Доска оказалась выключенной, и он позвонил на станцию.

— Станция занята матросами—об'явил он, опуская слуховую трубку.—Теперь весь свет в их руках. Ваше высокородие, — молил он, пока я проверял его заявление, — отпустите меня, у меня жена, дети. Я ни при чем здесь.

— Хорошо, убирайся к чорту и куда хочешь, но попадешься среди них,—застрелю.

В коридоре 1-го этажа гудело от выползших откуда-то юнкеров пехотных школ. Кто стоял, кто шел. Но вот дверь. Выскакиваю. Противоположная дверь открыта, и в освещенном коридоре толпятся какие-то юнкера.

— Что-то неладное,—пронизывает мозги мысли, и я там. На ящике стоит какая-то фигура в солдатской шинели и орет отрывистые слова. Окружающие волнуются и гудят. «Что такое, что за митинг»,—проталкиваюсь вперед, в стремлении среди всеобщего гама уловить смысл бросаемых слов, говоримых с ящика, на котором часа два тому назад стоял хорунжий. Наконец, удается вслушаться. «Через пять минут «Аврора» вновь откроет огонь. Через пять минут. И еще раз повторяю: кто сложит оружие и выйдет из дворца, тому будет пощада. Вас обманывают»—вырвалось из груди говорившего.

— «Агитатор»,—понял я и холодок пробежал у меня по спине.

Я поплелся с чувством побитой собаченки в комендантскую.

В тот же момент отворилась дверь и в комендантскую вошел Комендант Обороны в сопровождении каких-то офицеров и нескольких штатских.

— Поручик — обратился ко мне комендант — отправьтесь к временному правительству и доложите, что вылазка, произведенная ударницами, привела их к гибели, что главный штаб занят восставшими, обезоружившими офицерский отряд, а также доложите, что положение усложняется, и что дворец кишит агитаторами. Временное правительство вы найдете,—подойдя вплотную ко мне и понизив голос, продол-

жал комендант,—за белым залом, да вот возьмите связь—он вам укажет»,—показал комендант на маленького, в штатском костюме, очень изящного юношу.

— Здесь. Стучитесь,—остановился мой провожатый у двери, на карауле которой стоял юнкер нашей школы.

— Что вам угодно?—спросил меня в адмиральском сюртуке старичок, сидевший налево от двери, в кресле.

Во время моего ответа, разгуливавшие по комнате двое министров, членов временного правительства, остановились, и затем они и один, поднявшийся из-за стола, подошли ко мне.

В одном я узнал Терещенко, а во вставшем из-за стола—Коновалова.

— Я к вашим услугам: что сообщите?—приятным тембром голоса задал он мне вопрос.—Говорите, говорите, скорее,—живо заторопил меня Терещенко.

В кратких словах я изложил порученное мне комендантом обороны, упомянув о стойкости юнкеров нашей школы, продолжающих лежать на баррикадах.

— Поблагодарите их от нашего имени,—пожимая мне руку говорил председатель совета министров, когда я кончил доклад и спросил разрешения итти.—И передайте нашу твердую веру в то, что они додержатся до утра,—закончил министр.

— А утром подойдут войска—вставил Терещенко.

Во время этих приказаний я приблизился к двери и открыл ее, и в тот же момент в нее проскользнул поручик Лохвицкий и, поймав за пуговицу жилета А. И. Коновалова, начал доказывать ему бесполезность дальнейшей борьбы.

Изумленные министры пододвинулись и начали вслушиваться в развиваемую Лохвицким тему.

Меня это задело, и я об'явил, что поручик контужен в голову на фронте,—что соответствовало истине,—и поэтому прошу разрешения его увести. Но мне ответили, что в том, что он говорит, есть интересные данные, и поэтому я могу без стеснения его оставить.

Под аркой нам попалось двое юнкеров и какой-то дворцовый служитель, стоявший прислонившись к стенке и беззаботно куривший махорку, напомнившую мне, что я давно не курил. Я остановился и попросил у него папироску. Он

охотно исполнил мою просьбу, но от денег отказался. Я закурил и пошел дальше, за поворот.

— Господин поручик!—вдруг остановил меня один из двух юнкеров, попавшихся навстречу до поворота.—Господин поручик,—этот человек, у которого вы брали папиросу, кажется, большевик. У него под тулупом болтаются гранаты. Мы давно за ним следим. Он кого-то здесь ждет, доложил юнкер свои соображения о здоровеннейшего роста суб'екте, принятом мною за дворцового служителя.

— Так, отлично. Будьте внимательны. Я сейчас проверю,—поворачиваясь обратно, приказал я юнкерам.

— Послушайте, скажите, что вы здесь делаете?—подходя почти вплотную задал я вопрос человеку в тулупе и валенках. И, не давая возможности произнести что-либо в ответ, я быстро оборвал крючок воротника и задернул его на плечи, связав, таким образом, свободу действия рук.

Эффект был ошеломляющий, как для него, так и для меня: на раскрытых плечах лежали погоны Семеновского полка, а за поясом торчало два револьвера и висело несколько гранат.

Мгновение—и мой револьвер у его носа, а штыки винтовок юнкеров прижались к животу и груди. И он стоял, не шелохнувшись, выпуча глаза и сдерживая дыхание. Прапорщик вмиг снял с него его украшение и вытащил из карманов кучу обойм и кошелек, в котором оказалась расписка в получении от товарища Сидора Евдокимова пакета за № 17 от 25-го октября из Зимнего дворца, от товарища N. Печати не было. Подпись была, но неразборчива.

Я приказал юнкерам отвести его наверх и сдать внутреннему караулу 2-го этажа.

Я вошел в комнату. В ней я застал лишь несколько юнкеров.

— Где комендант обороны?—упрямо задал я вопрос.

— Комендант только что отправился к временному правительству—ответил один из юнкеров.

— Догнать!—заорал я.

И от этого внезапно вырвавшегося крика, мне стало отчетливо ясна вся окружающая обстановка. Двое юнкеров, как-то подпрыгнув от неожиданности окрика, бросились в

коридор исполнять приказание, но сейчас же вскочили обратно.

— Там дерутся,—срывая из-за спин винтовки, говорили они.

— Ворвались, — мелькнула мысль, обдавая жаром все тело, и я в момент бросился к коридору, вытаскивая револьвер из кобуры. Но взглянув в коридор, сейчас же вложил его обратно. Дравшиеся на шашках, мелькавших в воздухе, оказались двое пьяных офицеров, быстро отделявшихся от группы, замеченной мною при входе в комендантскую.

— Что скажу юнкерам. Какой стыд, — смущенно решал я. Офицеры подрались, своих не узнали, что ли? Видно, большевики для вас, что пугало для ворон,—крикнул я уже из коридора, бросаясь между приблизившимися драчунами.

В Портретной Галлерее, куда я вошел с юнкерами и нечаянным пленником,—стоял в воздухе Содом и Гоморра. Строились какие-то юнкера, то вбегая в строй, то выскакивая из него. От шума и света и предшествующего волнения я остановился, чтобы разобраться во впечатлениях. Прямо передо мной стоял комендант обороны, правее—Пальчинский, кричащий негодующе на поручика Лохвицкого, с совершенно искаженной физиономией, что-то в свою очередь кричащего Пальчинскому.

— Господин полковник, я приказываю арестовать этого большевика,—указывая на Лохвицкого коменданту обороны, горячился министр.

— Чорт знает что. Второй офицер оказывается большевиком,—кончил приходя в себя Пальчинский и, отвернувшись от поручика к строющимся юнкерам, стал торопить построение.

— А, вы пришли, это превосходно. Вот, господин министр, офицер, за которого я вам ручаюсь,—указывая на меня Пальчинскому, продолжал комендант обороны.

— Принимайте командование взводом и отправьтесь очистить от большевиков ту часть Дворца, что примыкает к Эрмитажу, откуда они все больше и больше наполняют Дворец — отдал мне приказание комендант обороны, указывая на строющихся юнкеров.

— Приведите их скорее в порядок—обратился ко мне министр.

Гулко неслись шаги взвода по длиным коридорам и лестницам, взбудораживая отдельные группы и фигуры юнкеров, большей частью бесцельно слоняющихся по Дворцу.

Но вот и коридор 1-го этажа. Опомнившиеся ориенбаумцы держали некоторый порядок. Стояли кое-где парные часовые, а перед выходом под арку к воротам стояла застава. При нашем появлении они заметно оживились.

Взвод же, ведомый министром Пальчинским, тоже подтянулся и взял тверже ногу.

— На месте!—скомандовал я перед выходом, выжидая пока министр наведет справку о положении на баррикадах.

— Баррикады в наших руках, там же почти все в руках большевиков.—Прямо—закончил министр.

Эхо ружейной и пулементной трескотни смешивалось с писклявым жужжанием пулек, пронизывающих арку вдоль от ворот ко двору.

— По одному, прямо, бегом!—скомандовал я, бросаясь через арку к противоположным дверям 1-го этажа второй части Дворца.

— Чорт его знает, там много этих дверей. Ну, ладно, идемте. Вы останетесь тут охранять гранаты и в качестве резерва,—приказал я ориенбаумцу,—а мы—коридор. Отыщем выход. Забаррикадируем столами и все будет великолепно. Пока задача выполнена.

Уже несколько дверей нами освидетельствовано. Все заперты. Но вот прапорщик открыл дверь и вскрикнул. Просунувшийся матрос схватил его за ногу. Он упал и сразу оба исчезли за порогом. Крик испуга и ругань сразу родили во мне представление, что там, в темноте лестница, и на ней засада. Моя стрельба подняла еще больший шум и топот. «Удирают»!—«Вперед»! И я с юнкером бросились в темноту.

Вот площадка. Руки ощупывают холодные гранитные стены. «Дверь!»—вскрикиваю я и толкаю. «Заперта»... мелькает сознание от ощущения бесплодности надавливания на нее. Ищу ручку. Таковой не оказывается. Я понесся бегом к 1-му этажу.

Вот и вестибюль. В вестибюле—группа юнкеров и еще каких-то людей. Я бросился к юнкерам.

— Сейчас наверх. Налево, через один зал, а затем через другой в коридор. Немедленно отправляйтесь туда... Но почему вы без винтовки? Что это за люди?—озадаченно-недоуменно, ничего не понимая, спрашивал я.

— Мы... Дворец сдался... наконец мрачно ответил один юнкер.

— Сдался. Вранье, не может быть—и я бросился в дверь под арку. Под аркой шумело, гудело, двигалось. И я, рванувшись в поток, напирающий в те же двери, что и мне нужны, проталкивался, дрался и снова проталкивался, пока не очутился, совсем сдавленный водоворотом человеческих тел, перед лестницей в комендантскую, тоже всю занятую людьми.

От этой невольной остановки я начал уяснять, что действительно что-то случилось, но что, я не отдавал себе отчета.

— А вот где ты?—Стой!—оглушил меня крик, и перед лицом, над плечами, отделившими меня от кричавшего матроса, показалась с трудом тянущаяся ко мне мозолистая, с короткими корявыми пальцами рука.

— Он схватил меня за лицо—мелькнула мысль и ужас овладел мной. И от этого ощущения я рванулся в сторону и вступил на ступеньку лестницы; и только тут я заметил, что еще немного выше стоит комендант обороны, а рядом высокий, с красивым лицом, вольноопределяющийся лейб-гвардии Павловского полка. Увидев коменданта, я сделал еще усилие и снова протиснувшись, поднялся еще на несколько ступенек.

Он заметил меня. И нагнулся ко мне.—Саня, я вынужден был сдать Дворец. Да ты слушай,—увидя, что я отпрыгнул от него, продолжал он.

— Сдан Дворец,—горело в мозгу.

— Не кипятись! Поздно—это парламентеры. Беги скорее к Временному Правительству и предупреди... скажи: юнкерам обещана жизнь. Это все, что пока я выговорил. Оно еще не знает. Надо его спасать. Для него я ничего не могу сделать. О нем отказываются говорить...

— Да, да, спасать!—овладело моей душой новое горение.

Я выскочил из толпы и побежал. «Скорее за поворот. Нет, не сюда. За второй»...—и я продолжал бежать. Вот и поворот.

Вошел в кабинет. А. И. Коновалов выслушал доклад, затем я вышел из маленького кабинета и пошел в галлерею. И здесь я сел на маленький диванчик.

Сидеть было приятно. Мягко. И я с удовольствием сидел. В голове было так тихо, спокойно.

Вышел Пальчинский, за ним Терещенко.

— Нет, это неприемлемо, я категорически утверждаю...—доносится до меня голос Пальчинского—Надо вернуть юнкеров. Послушайте, бегите верните юнкеров,—продолжал он.

Я пытался подняться. Но ничего не вышло.

— Я здесь умереть могу, но бегать, бегать, больше не в силах...—проговорил я и отвернулся.—Мне было больно, стыдно за свой отказ.

— Я сам пойду,—отнесся Пальчинский к Терещенко,—а вы вернитесь.

— Ну хорошо,—согласился тот.

Минуты бежали. Вот, откуда-то, начал расти гул. Еще кануло в вечность несколько времени. Гул становился явственнее, ближе.

Вот в дверях Пальчинский. Затем маленькая фигурка с острым лицом в темной пиджачной паре и с широкой, как у художников, старой пляпчонке на голове.

Масса, топтавшаяся на месте и подпираемая новыми волнами все прибывших снизу товарищей, увидев ее загудела, завопила и размахивая кто винтовками, кто гранатами, ринулась к нему.

— Спокойствие, товарищи, спокойствие, — распластав руки в стороны кричала, поднимаясь на носки, шляпенка.—Товарищи,—диким голосом вдруг завопила шляпенка.—Товарищи. Да здравствует пролетариат и его Революционный Совет! Власть капиталистическая, власть буржуазная, у ваших ног. Товарищи, у ног пролетариата. И теперь, товарищи, пролетарии, вы обязаны проявить всю стойкость революционной дисциплины пролетариата Красного Петрограда,

чтобы этим показать пример пролетарию всех стран. Я требую, товарищи, полного спокойствия и повиновения товарищам из Революционного Комитета Совета.

Л. ТРОЦКИЙ

Речь на заседании Петросовета днем 25-го октября 1917 года

От имени Военно-Революционного Комитета об'являю, что Временного Правительства больше не существует. Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-Революционного Комитета, распустил собрание предпарламента. Нам говорили, что восстание гарнизона в настоящую минуту вызовет погром и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы, и которое прошло бы так бескровно. Власть Временного Правительства, возглавлявшегося Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести. Мы должны отметить героизм и самоотверженность петроградских солдат и рабочих. Мы здесь бодрствовали всю ночь и, находясь у телефенной проволоки, следили, как отряды революционных солдат и рабочей гвардии бесшумно исполняли свое дело. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой. Вокзалы, почта, телеграф, Петроградское Телеграфное Агентство, Государственный банк—заняты. Зимний дворец еще не взят, но судьба его решится в течение ближайших минут. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов вправе гордиться теми солдатами и рабочими, на которых он опирается, которых он повел в бой и привел к славной победе. Свойство буржуазных и мелкобуржуазных правительств состоит в том, чтобы обманывать массы. Нам в настоящее время, — нам Советам Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов — предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме потребностей солдат, рабочих и крестьян. Государство должно быть орудием масс

в борьбе за освобождение их от всякого рабства. Работа не может итти вне влияния Советов. Лучшие силы буржуазной науки поймут, что условия, созданные Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—есть лучшие условия для их работы. Необходимо установить контроль над производством. Крестьяне, рабочие и солдаты должны почувствовать, что народное хозяйство есть их хозяйство, это основной принцип, построения власти. Введение всеобщей трудовой повинности—одна из ближайших задач подлинно революционной власти.

Н. ЛЕНИН

Речь на заседании Петросовета днем 25 октября 1917 года

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Д. РИД

Великое торжество

(Из книги «10 дней»)

Вечером 29 ноября с'езд собрался на чрезвычайное заседание. Атмосфера была праздничная. На каждом лице — улыбка... Остальная часть порядка дня проведена была быстро. Затем старик Натансон, белобородый старшина левого крыла социалистов-революционеров, дрожащим голосом, со слезами на глазах прочитал сообщение о соглашении крестьянских советов с советами рабочих и солдат. Каждый раз, когда произносилось слово «союз», оно приветствовалось неизменными аплодисментами... Под конец Устинов сообщил, что прибыла делегация Смольного в сопровождении представителей Красной армии и с'езд их приветствовал долго несмолкавшей овацией. Один за другим рабочий, солдат и моряк выступили, приветствуя с'езд.

Затем слово получил Борис Рейнштейн—представитель американской социалистической рабочей партии.

— День заседания крестьянского с'езда и советов рабочих и солдатских депутатов—это один из величайших дней революции — сказал он. — Отзвуки его отдадутся громовым эхом по всему миру, в Париже, в Лондоне и по ту сторону океана, в Нью-Йорке. Этот союз наполнит счастьем сердца всех трудящихся. Великая идея победила. Запад и Америка ожидали от русского пролетариата исключительных

дел... Пролетариат всего мира ждет русской революции, ждет того великого дела, которое она совершает.

Президент ЦИК Свердлов также приветствовал с'езд, и с криками: «Да здравствует конец гражданской войны», «Да здравствует об'единенная демократия», крестьяне вышли из с'езда.

Было уже темно, и на покрытом ледяной коркой снегу отражался бледный лунный и звездный свет. Вдоль камней выстроились в полном походном порядке солдаты Павловского полка с оркестром музыки, который заиграл «Марсельезу». Среди громовых раскатов приветственных восклицаний солдат, крестьяне выстроились, развернули огромное красное знамя Исполнительного Комитета Всероссийского Крестьянского Совета, расшитое золотыми буквами: «Да здравствует союз революционных трудящихся масс». За ним были еще знамена районных советов Путиловского завода, на котором золотыми буквами горели слова:

«Мы преклоняемся перед этим знаменем для того, чтобы создать братство всех народов».

Откуда-то появились факелы, заливая оранжевым светом ночную темень и тысячами искр отражаясь на льдинках, и дым от них разносился над толпой, когда она двинулась с пением по Фонтанке, проходя между толпами, стоявшими в полном изумления молчании на тротуарах.

— Да здравствует революционная армия!

— Да здравствует Красная гвардия!

— Да здравствует крестьянство!

Так шла огромная процессия по городу, все разрастаясь и развертывая все новые и новые красные знамена, расшитые золотыми буквами. Два старых крестьянина, согбенных трудом, шли рука об руку, и на их лицах было написано прямо-таки детское блаженство.

— Ну,—сказал один,—хотел бы я посмотреть, как они отнимут у нас землю!

Возле Смольного Красная Гвардия выстроилась по обе стороны улицы. В диком настроении восторга другой старик крестьянин сказал своим товарищам:

— Я не устал, я всю дорогу как по воздуху прошел...

На ступеньках Смольного собралось около сотни рабочих и солдатских депутатов со своими знаменами, темневшими

на фоне лившегося из-за них через арку света. Подобно волнам, быстро двинулись они вниз по ступенькам, обнимали крестьян, целуя их, потом вошли в огромную дверь, поднялись шумными толпами по лестнице...

В огромном белом зале для заседаний ждал ЦИК вместе с Петроградским Советом и тысячью зрителей. В этом зале царила торжественность, которая всегда вызывается великими моментами истории.

Зиновьев сообщил о достигнутом соглашении с крестьянским с'ездом, что вызвало шум, превратившийся в целую бурю. Когда звуки музыки послышались в коридоре, и голова процессии появилась в дверях, президиум встал со своего места и потеснился для того, чтобы президиум крестьянского с'езда мог рассесться, при чем та и другая сторона обнялись. За ними на белой стене над пустой рамой, из которой был вырван портрет царя, скрестились два знамени...

Затем началось торжественное заседание. После нескольких слов приветствия Свердлова, Мария Спиридонова, бледная, с приглаженными волосами, по виду школьная учительница из Новой Англии, взяла слово:

— Перед рабочими России открываются теперь горизонты, неведомые до того истории. Все рабочие движения в прошлом кончались поражениями. Но нынешнее движение—международное движение и потому оно непобедимо. Нет в мире силы, которая потушила бы пламя революции. Старый мир рушится,—новый мир зарождается...

Затем поднялся полный огня Троцкий.

— Я приветствую вас, товарищи крестьяне! Вы пришли сюда не как гости, как хозяева этого дома, в котором бьется сердце революции. Воля миллионов рабочих теперь сосредоточена в этом зале. Отныне одного лишь хозяина знает земля русская—союз рабочих, солдат и крестьян...

С едким сарказмом заговорил он о союзных дипломатах, до этого момента с презрением относившихся к приглашению заключить перемирие, с которым к ним обратилась Россия, и которое было принято центральными державами.

— В этот день родится новое человечество. В этом зале мы клянемся рабочим всех стран оставаться стойкими на нашей революционной позиции. Если мы погибнем, то это будет только при защите нашего знамени...

Вслед за ним выступил Крыленко, рассказавший о положении на фронте, где Духонин готовился к борьбе с Советом Народных Комиссаров.

— Пусть Духонин и те кто с ним, поймут, что мы не будем милосердны к тем, кто стоит на дороге к миру...

Дыбенко приветствовал собрание от имени флота, а Крушинский, член Викжеля, сказал:

— С этого момента, когда союз настоящих социалистов стал фактом, вся армия железнодорожников передает себя безоговорочно в распоряжение революционной демократии.

Затем выступали: Луначарский, почти прослезившийся во время своей речи, и Прошьян от имени левых социалистов-революционеров, а Сахарашвилли от имени об'единенной группы интернационалистов, составившейся из членов мартовской и горьковской групп, заявил:

— Мы покинули ЦИК в виду бескомпроиссной политики большевиков и для того, чтобы принудить их пойти на уступки в смысле об'единения всей революционной демократии. Теперь, когда данное об'единение стало свершившимся фактом, мы считаем священным своим долгом еще раз занять наши места в ЦИК. Мы заявляем, что все те, кто ушел из ЦИК, должны ныне вернуться.

Сташков, почтенный старик-крестьянин, член президиума крестьянского с'езда, поклонился во все четыре угла комнаты:

— Поздравляю вас с крещением русской новой жизни и свободы!

Гронский от имени польских социал-демократов, Скрыпник от фабрично-заводских комитетов, Тифонов от имени русских солдат в Салониках и другие в бесконечном числе выступавшие ораторы говорили от полного сердца с счастливым красноречием сбывшихся надежд.

Была уже поздняя ночь, когда следующая резолюция была предложена и принята единогласно:

«ЦИК, об'единенный в чрезвычайном заседании с Петроградским Советом и крестьянским с'ездом, подтверждает декреты о земле и мире, принятые вторым С'ездом Советов рабочих и солдатских депутатов, а также декрет о рабочем контроле над производством, принятым ЦИК.

Об'единенное заседание ЦИК и Крестьянского С'езда вы-

ражает свою полную уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян, этот братский союз всех трудящихся и эксплоатируемых, укрепит власть, завоеванную ими, примет все революционные меры для ускорения перехода власти в руки рабочего класса в других странах и обеспечит, таким образом, действительный справедливый мир и победу социализма»...

В. МАЯКОВСКИЙ

Потрясающие факты

Небывалей не было у истории в аннале
факта:
вчера,
сквозь иней,
звеня в Интернационале,
Смольный
ринулся
к рабочим в Берлине.
И вдруг,
увидели
деятели сыска,
все эти завсегдатаи баров и опер
триэтажный
призрак
со стороны Российской.
Поднялся.
Шагает по Европе.
Обедающие не успели окончить обед,
в место это
грохнулся,
и над Аллеей Побед –
знамя
«Власть Советов».
Напрасно пухлые руки взмолены,
не остановить в его неслышном карьере.
Раздавил
и дальше ринулся Смольный,
республик и царств беря барьеры.

И уже
из лоска
тротуарного глянца
Брюсселя,
натягивая нерв,
росла легенда
про «Летучего Голландца»—
«Голландца» революционеров.
А он—
по полям Бельгии,
по рыжим от крови полям,
туда,
где гудит союзное ржанье,
метнулся.
Красный встал над Парижем.
Смолкли парижане.
Стоишь и сладостным маршем манишь.
И вот,
восстанию в лапы отдана,
рухнула республика,
а он за Ламанш.
На площадь выводит подвалы Лондона.
А после
пароходы
низко-низко
над океаном Атлантическим видели—
пронесся.
К шахтерам Калифорнийским.
Говорят—
огонь из зева выделил.
Сих фактов оценки различна мерка.
Не верили многие.
Изловчались в спорах.
А в пятницу
утром
вспыхнула Америка,
землей казавшаяся, оказалось порох.
И если
скулит
обывательская моль нам:

не увлекайтесь Россией, восторженные дети,—
я,
указываю
на эту историю со Смольным.
А этому
я,
Маяковский,
свидетель.

II. ОРГАНИЗАТОР ПОБЕДЫ

9. **Л. ТРОЦКИЙ**—Вождь революции
10. **Н. ПОДВОЙСКИЙ**—Организатор победы
11. **В. КАРИНСКИЙ**—Октябрь

Л. ТРОЦКИЙ

Вождь революции

(Из книги «Ленин»)

Свидание мое с Лениным произошло в самый день 25 октября, в Смольном. В котором часу? Совершенно не представляю себе; должно быть, к вечеру уже. Помню хорошо, что Владимир Ильич начал с тревожного вопроса по поводу тех переговоров, которые мы вели со штабом петроградского округа относительно дальнейшей судьбы гарнизона. В газетах сообщалось, что переговоры близятся к благополучному концу. «Идете на компромисс?»—спрашивал Ленин, всверливаясь глазами. Я отвечал, что мы пустили в газеты успокоительное сообщение нарочно, что это лишь военная хитрость в момент открытия генерального боя.—«Вот это хо-ро-о-шо-о-о»,—нараспев, весело, с под'емом проговорил Ленин и стал шагать по комнате, возбужденно потирая руки.—«Это оч-чень хорошо!»—Военную хитрость Ильич любил вообще. Обмануть врага, оставить его в дураках—разве это не самое разлюбезное дело! Но в данном случае хитрость имела совсем особое значение: она означала, что мы уже непосредственно вступили в полосу решающих действий. Я стал рассказывать, что военные операции зашли уже достаточно далеко и что мы владеем сейчас в городе целым рядом важных пунктов. Владимир Ильич увидел, или может быть я показал ему, отпечатанный накануне плакат, угрожавший громилам, если бы они попытались воспользоваться моментом переворота, истреблением на месте. В первый момент Ленин как бы задумался, мне показалось,—даже усомнился. Но затем ска-

зал: «Пр-р-ра-вильно». Он с жадностью набрасывался на эти частички восстания. Они были для него бесспорным доказательством того, что на этот раз дело уже в полном ходу, что Рубикон перейден, что возврата и отступления нет. Помню, огромное впечатление произвело на Ленина сообщение о том, как я вызвал письменным приказом роту Павловского полка, чтобы обеспечить выход нашей партийной и советской газеты.

— И что ж, рота вышла?

— Вышла.

— Газеты набираются?

— Набираются.

Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть». Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора. Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь, вечером 25 октября, он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события. Я сказал: «успокоился»,—но только для того, чтобы тут же притти в беспокойство по поводу целого ряда конкретных и конкретнейших вопросов и вопросиков, связанных с дальнейшим ходом восстания. «А послушайте, не сделаете ли так-то? а не предпринять ли то-то? а не вызвать ли таких-то?» Эти бесконечные вопросы и предложения внешним образом не были связаны друг с другом, но все вырастали из одной и той же напряженной внутренней работы, охватывающей сразу весь круг восстания.

В Смольном шло первое заседание второго С'езда Советов. Ленин не появлялся на нем. Он оставался в одной из комнат Смольного, в которой, как помню, не было почему-то никакой или почти никакой мебели. Потом уже кто-то постлал на полу одеяла и положил на них две подушки. Мы с Владимиром Ильичем отдыхали, лежа рядом. Но уже через несколько минут меня позвали: «Дан говорит, нужно отвечать». Вернувшись после своей реплики, я опять лег рядом с Владимиром Ильичем, который, конечно, и не думал засыпать. До того ли было? Каждые пять-десять минут кто-

нибудь прибегал из зала заседаний сообщить о том, что там происходит. А кроме того, приходили вестники из города, где, под руководством Антонова-Овсеенки, шла осада Зимнего, закончившаяся штурмом.

Должно быть, это было на другое утро, отделенное бессонной ночью от предшествовавшего дня. У Владимира Ильича вид был усталый. Улыбаясь, он сказал: «Слишком резкий переход от подполья и переверзевщины—к власти. Кружится голова»,—прибавил он почему-то по-немецки и сделал вращательное движение рукой возле головы. После этого единственного более или менее личного замечания, которое я слышал от него по поводу завоевания власти, последовал простой переход к очередным делам.

Н. ПОДВОЙСКИЙ

Организатор победы

Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только что организовавшейся рабоче крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования и разрозненность в деле руководства операциями сводили на-нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности и на плечах наших отступающих войск ворваться в столицу. Командующий, тов. Антонов, утомленный и подавленный, еле давал себе отчет в событиях.

В этот тяжелый момент на сцену выступил тов. Ленин.

26-го октября 1917 года мы приступили к сборке и отправке на фронт солдатских и красногвардейских полков. Смольный был буквально превращен в лагерь, где наспех формировались из присланных рабочих части. Тут же обмундировывались и вооружались, правильнее сказать: облачались в шинели, снабжались патронташами, сумками, патронами. Многие из рабочих впервые становились в строй и брали ружье.

С фронта мы получали скудные вести. Было известно, что головной отряд тов. Чудновского не смог выполнить данную ему задачу.

Тов. Антонов отправился на фронт и возвратился подавленный беспорядком и неразберихой. Было собрано несколько наших большевистских офицеров и солдат, и мы принялись обсуждать наше весьма критическое положение. Для врага ничего не стоило при нашей разобщенности и неналаженности командования раздавить нас самыми незначительными силами и среди паники, которая была бы принесена отступавшими отрядами, произвести в Петербурге контрреволюционный перерворот.

Тов. Ленин, с исключительным напряжением следивший за наступлением Керенского и за ходом восстания белогвардейцев, очевидно, самым реальным образом учел наше критическое положение на позициях. Неожиданно для нас он явился в штаб округа с т.т. Сталиным и Троцким. Он вызвал меня, Антонова и Мехоношина и потребовал, чтобы мы сделали ему подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

На мой вопрос, что означает этот приезд—недоверие к нам или что другое, тов. Ленин просто, но твердо ответил:

— Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти.

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас сильная, твердая рабочая власть. Тут я понял, что я—ответственный перед рабочими и крестьянами агент власти, а не просто работник; что я сам, составляя частицу аппарата диктатуры, подчинен власти пролетариата в каждом шаге своем и несу величайшую ответственность перед общей диктатурой пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров.

Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Тов. Ленин впился в карту. С остротой самого глубокого и внимательного оператора-стратега и полководца он затребовал об'яснений, почему этот пункт не охраняется, почему тот пункт не охраняется, почему пред-

полагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не разработана такая-то позиция, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий анализ показал нам, что мы, действительно, допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовал момент. Мы шли за массами, но ничего не сделали, чтобы быть их вождями и полководцами. Оставалось два выхода: или сказать тов. Ленину, что мы все никуда негодны, не можем нести ответственность за операции, или кому-либо другому взять командование.

После краткого перерыва и обмена мнениями с товарищами по штабу, я направился к тов. Ленину и заявил, что берусь устранить тяжелое положение на фронте и надеюсь, что мне удастся собрать силы Красного Петербурга. Часов в 12 следующего дня тов. Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий.

Сев на организационного конька, тов. Ленин через каждые пять десять минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давал непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела. Но тов. Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, неэнергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций и заводов и информировался у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах, о том, что можно, вообще, получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен. Тут появились приказы путиловцам: бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, вести на позиции блиндажи. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе 40 готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

Я несколько раз в течение 3—5 часов сцеплялся с

тов. Лениным, протестуя против его «рваческой» работы. Протесты мои как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности создалось 2 штаба: в кабинете Ленина и моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как тов. Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще тов. Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации «всех и вся» для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец, я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы тов. Ленин освободил меня от работы по командованию.

Тов. Ленин вскипел, как никогда: «Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать».

Только на следующий день оценил я все значение параллельной работы Ленина. Я особенно понял ценность ее после того, как проанализировал результаты созванного им совещания из представителей рабочих организаций, районных советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей. На этом совещании он приказал быть и мне.

Здесь я понял в чем заключается сила тов. Ленина: в чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил и средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы случайно, не планомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий, а отсюда—расплывчатость в настроении масс и отсутствие активности, инициативы и решимости.

Октябрь

Из книги: „Недорисованный портрет"

(Сценарий)

Действующие лица:

Комиссар Ревкома.
1-й мальчишка-подросток.
2-й мальчишка-подросток.
3-й мальчишка-подросток.
Старуха с узелком.
Женщина в наколке.

Матросы, красногвардейцы, военные курьеры.

Штаб революционной группы близ Петрограда. Комиссар—у стола полевой телефон. Здесь же мальчишки—рваные, поджарые. Красногвардейцы заняты переноской оружия—винтовки, ящики с патронами, пулеметные ленты; проносят через сцену, складывают в соседней комнате. Занавес поднимается на возглас комиссара: «Тише, черти, заткните ваши морские глотки!»

Группа матросов (на уходе).—Боженят и всех святых, что б он грома не боялся... Керенского, что б ему... (Следует морское ругательство).

(Уходят с шумом).

Комиссар (к подросткам).—Ничего не понимаю, какой отряд?..

1-й мальчишка.—Я говорю, товарищ, что мы отстали от нашего отряда. Вы должны нас послать.

Комиссар.—Ну, куда я вас к чорту пошлю? Ведь вам винтовки не поднять.

2-й мальчишка (запальчиво)—Товарищ...

Комиссар.—Ничего не могут сделать, товарищ, обратитесь к товарищу Сергееву.

1-й и 2-й мальчишки (в один голос)—Товарищ, вы не имеете права... Что мы росту маленького...

(Входит курьер из Смольного).

Комиссар (курьеру).—Вы что, товарищ?

Курьер.—Я из Смольного. Мне товарища Троцкого.

Комиссар.—Только что выехал на передовую линию. Часа через два будет.

Курьер.—Мне необходимо.

Комиссар.—Сейчас, товарищ. (К красноармейцу). Эй, товарищ Макаренко, скоро вы тронетесь?

Красногвардеец.—Сейчас уходим.

Комиссар.—Проводите, вот, товарища. (К курьеру) Вот, товарищ, сговаривайтесь.

1-й мальчишка (к комиссару). — Товарищ, разрешите...

2-й мальчишка.—Вы должны сочувствовать!

(За сценой крики:—«Стой, не убежишь, провокатор!»—«Ребята шпионов Керенского поймали!»).

Комиссар.—Вы еще здесь! (Умоляюще). Ну, товарищи, ну, что я могу поделать. Обратитесь к товарищу Сергееву.

Красногвардейцы (на сцене).—Что? Где?—Давай его сюда! Где шпион?

(Группа солдат вводит парикмахера в халате и недобритого интеллигента с салфеткой).

Комиссар.—Тише, товарищи! В чем дело?

1-й солдат.—Вот он! На месте схватили. Чуть не убёг!

2-й солдат.—Попался, сволочь!

3-й солдат.—Провокатор чортов!

Комиссар.—Да тише, товарищи, в чем дело? Говорите кто-нибудь один. Который шпион?

1-й солдат (указывая на интеллигента).—Вот этот. Мы его в парикмахерской схватили.

2-й солдат.—Проходим мимо—мальчонка выбежал. Сидит, говорит, вот этот самый, бреется, и все за Керенского. Ну, мы вошли. И впрямь сидит. Закарчук тут сразу догадался... Ну, мы его окружили и давай сюда.

Интеллигент.—Вот... По вольте! Это чорт знает, что такое. Я буду жаловаться. Помилуйте, еле еле нашел парикмахерскую, все закрыты... Нет, помилуйте, вы войдите в положение... Вы, кажется, интеллигентный человек—порядочному человеку нельзя побриться—в какой это стране видано. (Указывая на парикмахера). Вот он только начал, как эти разбойники ворвались и без об'яснений привели сюда. Чорт знает, что за безобразие, ни в одной стране...

Комиссар (строго).—Кто вы такой?

Интеллигент.—Я Соскин... Меня здесь все знают. Я служу в банке. Я здесь—на даче. Вы сами посудите...

Комиссар.—Что вы говорили в парикмахерской?

Интеллигент.—Ничего особенного... Я сказал, что авантюра Смольного ни к чему не приведет. И наконец свобода слова, ведь, согласитесь сами, что это действительно провокационная попытка... сорвать Учредительное Собрание...

Комиссар (к парикмахеру). Вы знаете этого гражданина?

Парикмахер.—Как же с! Очень прекрасно. Постоянный клиент-с!

Комиссар.—Что этот гражданин говорил?

Парикмахер (разглядывая обстановку).—Что прикажете-с?

Комиссар.—Что говорил этот гражданин?

Парикмахер.—Они выражались в том смысле, что вообще беспорядок большой-с. И что вообще в дачной местности устраивать сражения существительно неудобно-с.

Комиссар.—А ну вас к чорту! Товарищи, отпустите этих дураков. Пусть бреются.

Интеллигент (уходя).—Нет, обязательно приеду в Петроград... буду жаловаться! Это чорт знает...

Парикмахер.—Не порядок-с!

(Входят два казака).

1-й казак.—Кто здесь начальник?

Комиссар.—В чем дело, товарищ?

1-й казак.—Мы от 3-ей Особой сотни.

Комиссар.—В чем дело?

1-й казак (торжественно).—Мы пришли заявить, что несогласны итти против рабочих и поддерживать Керенского. Мы за революцию. Наша сотня в вашем распоряжении.

Комиссар (протягивая руку).—От имени рабочих приветствую вас. (К вошедшему матросу). Вот здесь, товарищ Никитин, представители казаков, они отказываются итти за Керенского.

Матрос.—Добре, товарищи! Правильно. Наша берет.

2-й казак.—Сотня просится в дело.

Комиссар (указывая на матроса).—Вот с товарищем столкуетесь.

Матрос (к казакам).—Идем, товарищи, покалякаем. (К комиссару). Да как у вас с телефоном? Смольный можно?

Комиссар.—С перебоями. Сейчас, кажется, наладился.

Матрос.—Ну, ладно, я приду.

(Уходят. Входит красногвардеец с винтовкой).

Комиссар.—Откуда, товарищ?

Красногвардеец.—С фронта.

Комиссар (живо).—Ну что, как?

Красногвардеец. — Нажимают. Необходима поддержка.

Комиссар.—Сейчас, товарищ, направили два сборных отряда. (К одному из находящихся в комнате красногвардейцев). Товарищ Биркис, как броневик?

Биркис.—Сейчас пустим.

Красногвардеец (качается).

Комиссар.—Что с вами, товарищ?

Красногвардеец.—Я... мне... немного...

(Падает, его окружают).

Комиссар.—Да он ранен!..

Красногвардейцы.—Осторожно, товарищи!

—Бери за ноги!

—Да куда тянешь? Тише!

—Под голову бери.

(Несут).

—Легонько!

—Эй, кто там! Фельдшера!

—Как дошел-то? В двух местах.

—Никак навылет.

(Все хлопочут около раненого. Входит пожилая женщина в наколке. Быстро семенит, растерянно).

Женщина в наколке.—Боже, что здесь такое? Но все равно. Мой сын... Мой сын... (Истерически). Что вы сделали с моим сыном!

Комиссар.—Успокойтесь, гражданка, кто ваш сын?

Женщина в наколке.—Он там, с Керенским... Он защищает революцию... Я ничего о нем не знаю. Вот уже три дня. Скажите мне... где он?.. что с ним сделали? Я—мать... вы понимаете, мать!

Комиссар (слегка оторопев).—Ну да, я понимаю—вы мать. Но, видите ли, мы вам ничего не можем сообщить. Ваш сын не с нами. Он контр-революционер.

Женщина в наколке.—Ах, мне все равно! Я ничего не знаю. Может быть, что-нибудь можно узнать... Ну, ради христа... помогите мне!

Комиссар.—Право, гражданка, я с удовольствием бы. Но я решительно ничего не могу сказать.

Женщина в наколке.—Ну, успокойте меня!.. Ну, скажите, прямо скажите—он убит?.. Да?..

Комиссар.—Я не знаю.

Женщина в наколке (историческое движение).

Комиссар.—Да нет, что вы. Успокойтесь. Ничего подобного. Наверно жив. И потом борьба кончится не сегодня—завтра, и он преспокойно к вам вернется.

Женщина в наколке (радостно).—Так, значит, он жив?!. Ну спасибо, спасибо вам. Вы меня так успокоили. Ведь я мать... Спасибо! (Легкая пауза—умоляюще). А мне нельзя с ним повидаться, ну хотя только взглянуть. Одну минутку?

Комиссар.—Этого никак нельзя. Он сейчас, вероятно, очень занят. Вот что... Идите, гражданка домой, успокойтесь. Я надеюсь, что все уладится.

Женщина в наколке.—Ну, спасибо вам, спасибо. Знаете, я так измучилась... не сплю... Ну, так, значит, все уладится... Ну, спасибо вам. Я уж и за вас помолюсь. (Уходит).

1-й красногвардеец (вслед).—Ишь ты—жалеет...

2-й красногвардеец.—Известное дело!

(Входит красногвардеец).

Вошедший красногвардеец (к комиссару).—Товарищ Михайлов, броневик пошел.

Комиссар.—Вот и хорошо. Пулемет поставили?

Красногвардеец.—Приладили. Лент маловато. Ну, там достанут.

(Вкатывается старушка с маленьким узелком).

Старушка.—Батюшки, отцы родные, да кто у вас здесь Ленин-то?

Комиссар.—Что, бабушка, скажешь? Зачем тебе Ленин?

Старушка.—Да как же это можно! Да где же это видано!.. Крышу прострелили пушкой. Как уж жива-то, не знаю. Да уж бог с ними—за гуся-то кто заплатит?

Комиссар.—Какого гуся?

Старушка.—Да как же, гуся, говорит, режь... Ну, я, дура, и послушала. Вижу: начальники. Прапоры эти, окаянные... Одеты чисто! Я-то дура и зарезала его, голубчика. (Плачет). Один он у меня! А ночью всколыхнулась... Гляжу, они уж на лошадь лезут... За гуся-то, говорю, с кого,— а они зубы скалят. Один, видно, хороший человек, дай бог ему здоровья. (Крестится). Завтра, говорит, другие здесь будут, иди к Ленину—он заплатит! (Вертит головой). Где он, Ленин-то, у вас? (Подозрительно на комиссара) Уж не ты ли, батюшка? (Кланяется в пояс). Уж не обидь меня сироту! Четыре рублика всего. Мне ведь они на помин души...

Комиссар (смеется).—Вот сволочи!.. (К старушке) Выходит, обманули тебя, бабушка. Это тебе с Керенского надо получить... Его шайка... Но с него теперь взятки гладки.

Старушка (причитает).—Кормилец, ведь как же быть-то теперь? Ведь гусь-то он один у меня и был, сиротинушка. Пропала моя головушка. Как же теперь быть-то мне, одна я осталась на всем божьем свете.

Комиссар.—Уж не знаю, старая, как нам с тобой и быть. (Ищет по карманам). У меня-то (считает) всего рубль двадцать копеек. (К красногвардейцам) Ребята, у кого деньги есть? Вот Керенский у бабки гуся сожрал. Надо уж за него заплатить.

(Все смеются).

1-й красногвардеец.—Целого гуся?

2-й красногвардеец.—Вот удружил-то!

3-й красногвардеец.—Как же ты ему поверила?

Старушка.—Да уж и сама не знаю, право. Обвел он меня вокруг пальца.

(Все дают ей деньги—у кого что есть. Она кланяется).

Комиссар (у телефона).—Что, действует?.. Питер? Как? А?.. Смольный? Пока без перемен... Что?.. на передовой... Задержка маленькая вышла... корбюратор, кажется... Отправили?.. Хорошо. (Кладет трубку).

Старушка (считает).—Миленькие мои... да тут всего два цельковеньких, да марки... Не поймешь их тут! (Начинает причитать). На кого ты меня покинул-то...

1-й красногвардеец.—Нету, бабушка, все отдали.

2-й красногвардеец.—Ей-богу нет!

3-й красногвардеец.—Подожди, вот приедут Керенского—заплатит.

Старушка.—Ладно уж. Вам-то поверю. Посижу уж! (Чинно садится).

(Входит матрос Никитин).

Матрос.—Ну и сотня—красота! Прямо в бой. Офицерам погоны срезали; хочешь, говорят, с нами, а не хочешь—проваливай.

Комиссар.—Ну?

Матрос.—Один остался. Остальные побрели, кто куда.

(Доносится стрельба).

Матрос.—Наши зажаривают. Что-то будет? Мои черти все туда сбежали. Не удержишь. Мало-мало бока не намяли. Никакой, дьяволы, дисциплины. (Подходит к телефону). Ну, как телефон?

Комиссар.—Сейчас Смольный звонил.

Матрос.—Ну-ка, дай-ка! (Берет трубку).

(Входят два подростка, с ними еще третий).

3-й мальчишка (к комиссару решительно). Товарищ, мы требуем, чтобы нас отправили. Мы не маленькие!

Комиссар.—Ну вот... опять. Ну, не могу же я, товарищи, устраивать избиение младенцев.

3-й мальчишка (гордо).—Товарищ, вы не имеете права.

Матрос (у телефона).—Чорт, опять не действует!

Комиссар (к матросу).—Да ведь недавно только от юнкеров отбили. Барышнешки все разбежались. Наши там управляются.

Матрос.—В Москве тоже ничего.

Комиссар.—Дело идет. Здесь бы наладить.

Матрос (прислушиваясь).—Что-то стрельбы не слышно.

(Входит красногвардеец).

Красногвардеец (к матросу).—Товарищ Никитин, там из Питера отряд наших.

Матрос.—Сей минут. (Быстро уходит).

1-й мальчишка (к комиссару настойчиво).—Ну как же, товарищ?

Комиссар.—Я же вам говорил—к Сергееву.

2-й мальчишка.—Он говорит, чтобы вы записку дали.

Комиссар (не соглашаясь).—Ну, ребята... (Подумав). Ну, ладно, вваливайте! Бумаги только нет.

3-й мальчишка (радостно).—Вот у меня есть!

Комиссар (берет).—А, приказ Керенского. Здорово. На нем и напишем.

(Красногвардейцы проносят ящики с патронами).

1-й красногвардеец.—Куда тащишь? складывай здесь.

2-й красногвардеец (опуская ящик).—Ну, упарился. Отдохну малость и в линию пойду. Ну, вас здесь совсем! Никакого интересу.

3-й красногвардеец.—Ладно, везде надо. Покурим.

(Отходя, закуривают).

2- красногвардеец.—А нашьем Керенскому! Не удержаться им. Что-то стрельбы не слышно.

4- красногвардеец.—Кто его знает! Либо мы его, либо он нас.

1-й красногвардеец.—Да уж тут выбирать не приходится. (С иронией). До победного конца.

2-й красногвардеец (смеясь).—По его же, значит, резолюции.

1-й красногвардеец.—По Ленинскому приказу.

3-й красногвардеец (прислушиваясь).—Должно, наши одолевают.

Старушка.—Ну, кормильцы, скоро Керенского-то сюды приведут? Печку мне надо затоплять.

2-й красногвардеец.—Потерпи маленько, скоро будет.

Старушка.—То-то. А то не истоплена-то—худо.

3-й красногвардеец (с беспокойством).—А что-то стрельбы совсем не слышно.

4-й красногвардеец.—Что-то не так... Неужели...

(Вбегает матрос с винтовкой).

Матрос.—Товарищи, победа! Неприятель разбит. Казаки сдают оружие. Керенский убежал.

Красногвардейцы.—Ну?!

—Вот!

—Братцы, да как же это?!

—Победили!

—Как же Керенского-то упустили?

—Далеко не убежит.

—Да ищи его теперь!

—Ну, да теперь плевать. Наша взяла!

Старушка.—(суетливо).—Это про кого вы,—что сбежал-то?

2-й красногвардеец (радостно).—Керенский, бабка, сбежал!

3-й красногвардеец.—Конец буржуям теперь. Наша взяла. Наш Нитер!

Старушка (мечется).—Ах он, окаянный! Да как же теперь-то? Да куды сбежал-то? Толком скажи... За гуся-то с кого?..

Комиссар (у телефона).—Чорт, не действует. Что они там, черти, делают... Что?.. А?.. Да что вы там?! Не привыкли. Привыкать надо... Да! да!—Смольный?.. Скорее... Что?.. А?.. (Присутствующим в комнате) Тише, товарищи, не слышно!.. Революционный комитет?.. Что?.. Как...—Кто?.. Кто?!.. Товарищи, тише, у телефона товарищ Ленин!

(Мгновенная тишина. Пауза).

Занавес.

III. В МОСКВЕ

12. **Н. МУРАЛОВ**—Боевые дни

13. **А. АРОСЕВ**—В Московском Совете

14. **А. ШЛИХТЕР**—Об «эгоизме» пролетарских масс

Н. МУРАЛОВ

Боевые дни

Жара революционной, повстанческой борьбы началась с момента получения благоприятных известий из Петрограда. В этой жаркой работе мы не всегда и не во всем были тверды и решительны. Поставлены были на карту судьбы революции, всей массы участников и лично нас, руководетелей, боев, операций. Либо пан, либо пропал. Наиболее жаркие, интенсивные действия у нас продолжались 6 суток.

За эти 6 суток в борьбу втянут весь гарнизон. Не было полков как московских, так и ближайших к Москве (Серпухов Клязьма. Павловская слобода и пр.), которые не дали бы нам роты или батальона. В этой борьбе сказалась наша техническая неподготовленность, наше умение владеть массами политически и неумение и неподготовленность управлять войсками в уличном бою. Имея подавляющее численное превосходство (раз в 10), мы затянули бои на целую неделю. Спора нет, что некоторую долю вины в этой затяжко должен взять на себя Военно-Революционный Комитет, вследствие упомянутого выше колебания, склонности к компромиссам, переговорам и пр. Но ведь комитет почти совершенно не вмешивался в оперативную часть, в работу так называемого штаба. Штабные операционные планы всегда без проволочек и задержки получали санкцию к-та. Лишь один раз, в вопросе о применении артиллерии, получилась затяжка в виду разногласия на сей предмет среди членов комитета (оперштаб в этом вопросе был единодушен), который вместо того, чтобы быстро решить вопрос в положительном смысле, прел и дебатировал часами.

К нашей пехоте прибавилась артиллерия, и мы воспрянули духом. Численность артиллерии я не могу привести точно. Вероятно, помнит это наш начальник артиллерии октябрьских дней, ныне здравствующий, Владимир Михайлович Смирнов. Полагаю, что легкой артиллерии у нас было в действиях не менее 9 батарей и одна тяжелая.

Применение артиллерии подняло настроение у всех красных бойцов и деморализовало белых.

Обладая численным превосходством, мы затянули бой вследствие малого умения управлять боевыми массами, недисциплинированности последних и полного незнания тактики уличного боя как со стороны начальников, так и со стороны солдат.

К счастью, поскольку пришлось познакомиться как во время боев, так и по окончании их, противники наши, несмотря на высокую квалификацию их, тоже слабовато знали приемы уличной борьбы, а главное, в их среде появлялась некоторая растерянность и многоначалие.

Вместо того, чтобы предоставить полную свободу действий начальнику вооруженных сил, в данном случае полковнику Рябцеву, человеку несомненно талантливому и решительному, эс-эр Руднев, все его присные и тыловые генералы, стесняли волю Рябцева, подрывали его авторитет среди юнкеров и офицеров и вмешивались в его оперативные распоряжения. Впрочем, оставим белым самим написать свою историю Октября.

Обладая превосходством сил и начальной инициативой, мы скоро потеряли инициативу в действиях, и мы, наступающие, уступили инициативу обороняющимся после потери Кремля.

Мы правильно решили, что ключом первых наших побед является Кремль с его громадными запасами винтовок и пулеметов, которые нам необходимы были для вооружения московских и подмосковных рабочих.

Падение Кремля, а вслед затем гибель части нашего лучшего авангарда двинцев и самокатчиков, во время первой бесплодной атаки Кремля, окрылило белых, а в наши ряды внесло некоторое замешательство. Мы стали нащупы-

вать опорные пункты вокруг главных опорных пунктов противника: Кремль, дума, Арбатская площадь. Но нам бояться было нечего; все эти опорные пункты суть ловушки для белых, ибо мы фактически охватили их рядом колец—Окружная дорога, все вокзалы, все районы и все казармы. Единственное спасение белых заключалось в том, чтобы, приняв активную оборону, ждать подкрепления извне, а именно со стороны Смоленска, Калуги и Виндавы,—в этих видах, т.-е. для оттяжки времени, они и предложили нам вступить в мирные переговоры. Знаменитый «Викжель» пес ветку мира в обе стороны, но втайне, очевидно, надеялся помочь белым, находящимся в осажденной крепости, со дня на день ожидавшей помощи.

Вести переговоры уполномочили П. Г. Смидовича, Кушнера и меня. При выходе из здания Совета я получил разведочные данные, гласящие о том, что по Киево-Воронежской дороге прибывают разведчики белых, обходящие Брянский вокзал и переправляющиеся через Москва реку на лодках. Данные достоверные, от захваченного «языка».

Мирные переговоры были назначены в «царском павильоне» Курского вокзала. Белая сторона представлена была Рудневым, Шером В. В., полковником Кобезским (помощник Рябцева) и еще 2—3 лица, имена которых забыл.

«Нейтральные», или посредники-миротворцы «викжельцы», в количестве около дюжины, фамилий их тоже не помню.

Обстановка торжественная, но очень нервная, ибо, несмотря на перемирие, довольно часто слышались ружейные выстрелы.

«Видите, как ваши красногвардейцы соблюдают условия перемирия—все время стреляют», упрекнул Руднев. «Почему это наши выстрелы, а не ваши, разве у вас такой тонкий слух, что различаете белогвардейские выстрелы». «Господа,—плачущим голосом вмешался «викжелец»,—очень прошу вас не вступать в перебранку, а давайте скорее приступим к делу, чтобы перестала литься человеческая кровь»... Приступили. Окрылись прения. Мы торопились, а Руднев и Шер явно затягивали спор, вступая в философские рассуждения, доказывая неосуществимость наших требований. И Руднев и Шер держались вызывающе. Наглость дошла до того,

что Шер пред'явил в числе прочих требований роспуск Красной Гвардии, арест Военно-Революционного Комитета и организацию совета офицерских депутатов.

Чаша терпения переполнилась. Мы с негодованием отвергли предложение. Я громко об'явил данные разведки. Бой—так бой до конца, а там увидим. Все встали. Послышались громкие рыдания, истерика. Мы стали расходиться к нашим автомобилям. Сзади нас шли депутаты к-та спасения. Усевшись в автомобиль, мы собирались уже от'езжать. Но тут взмолился Кобезский за себя и за своих друзей. Их автомобиль исчез. Им не на чем ехать. Стрельба продолжается, а так как весь путь их лежит через наши заставы и баррикады, то им не проехать, их убьют наши солдаты. Посоветовавшись между собой, мы решили их взять с собой до здания Совета. Мы медленно пробирались через заставы и баррикады. Начальники застав и патрулей узнавали нас в лицо и пропускали беспрепятственно. У Сухаревки задержали. Старший не верит в пропуск, заметив полковничьи погоны Кобезского и поручичьи—Шера. Вскоре один из солдат и красногвардейцев, узнав меня, назвал по имени, но выразил удивление совместной поедке с белыми. Об'яснив, в чем дело, мы двинулись дальше. Под'езжая к Советской площади, где стояла наша батарея и резервы, я предложил белым делегатам повязать глаза. Повязать было нечем, они закрыли глаза руками. Вот и ярко освещенный под'езд Совета. Руднев заволновался—как быть дальше. Вытребовали санитарную карету и отправили наших пленников в белогвардейский штаб в думу.

Мы доложили комитету о результатах. Я ушел в штаб (соседняя комната) к тов. Аросеву для обсуждения дальнейших планов.

Вскоре возобновился бой, затрещали пулеметы, загремела артиллерия.

В Московском Совете

(Из книги «Как это произошло»)

События развивались так, будто их кто подхлестывал. Кремль был окружен юнкерами Александровского училища.

Тщетно мы ночью в казармах Кремля среди бушующей солдатской толпы уговаривали Рябцева увести юнкеров от ворот Кремля.

Сутки спустя, в здании Совета, внизу в большой комнате заседал Военно-Революционный Комитет. В виду важности момента сюда же собрались и меньшевики и некоторые эсеры, с растерянным видом.

Наверху, на третьем этаже, заседал президиум Совета Солдатских Депутатов и стряпал прокламацию к московскому гарнизону, в которой уговаривал солдат никуда не выходить, большевиков не слушать и поддерживать Керенского. Эта прокламация так и осталась писанным позорищем эсеров и меньшевиков.

Время от времени то т. Ногин, то т. Муралов подходили к телефону и беседовали с Рябцевым. Не налаживалось соглашение.

В эту ночь т. Тихомиров и я отправились на автомобиле стягивать части московского гарнизона к Совету.

Поехали в казармы 197 полка.

Оттуда в самокатный батальон.

Всюду: заспаные лица, русская лень и русское скрипучее многословие. Ночью все же части московского гарнизона были подняты с нар. На другой день весь дом Совдепа буквально превратился в какой-то солдатский муравейник.

Вечером этого дня происходил последний раз разговор по телефону между тов. Ногиным и Рябцевым, который пообещал через десять минут двинуть свои отряды на нас.

А через два часа после этого пролилась первая сол-

датская кровь на Красной площади. Это была кровь наших товарищей двинцев *), которых окружили юнкера.

За несколько минут до этого мы, сидя в Военно-Революционном Комитете, испытывали большие колебания. Никогда мое сердце так не трепетало, как в тот раз, когда приходилось решительно голосовать: отвергнуть ультиматум Рябцева или нет.

В комнате, где мы сидели, было светло, светло, а вся Москва, казалось, тихо притаилась и стиснула зубы против нас, против солдатского муравейника в стенах Совета. Каждое шарканье стула об пол царапало нервы. К большим темным окнам, смотревшим в эту загадочную Москву, страшно было подходить. Чудилось, вдруг кто-то страшный подойдет, возьмет за плечи и спросит: что ты хочешь делать?

Товарищ председатель сосчитал голоса—за то, чтобы отвергнуть ультиматум Рябцева, большинство. Трезвые, твердые цифры голосов за и против убили колебания.

Почти в то же самое время затрещали отдаленные выстрелы на Красной площади. То, что мы решали здесь поднятием рук, там наши товарищи разрешили свинцом и своею жизнью.

Так началось то великое московское сражение, которое тянулось семь дней и дало полную победу восставшим московским рабочим и крестьянам.

Солдаты в эти дни действовали не столько по нашим распоряжениям, сколько по массовой своей мудрости.

— Куда вы идете?—спросил я однажды солдат, увидав, как они строятся на Скобелевской площади в ряды.

— А вон там, в Брюсовском переулке нашим немного худо, так мы им на подмогу.

— Кто же вам приказал?

— Не знаю.

И буквально никто из них не знал, кто же именно приказал выступать,—так сами и выступали.

Не могу теперь в точности вспомнить, как прошел первый день, второй, третий. События этой боевой недели, да-

*) Это группа т. т. солдат с фронта из Двинска, привезенных в Москву и посаженных в Бутырки за «большевизм». Перед нашим восстанием под давлением московских большевиков «двинцы» были освобождены.

же лица, почти совершенно изгладились из памяти от непомерного напряжения, от нечеловеческих усилий, от сплошного отсутствия сна.

Впрочем, не могу забыть т. Реутова, погибшего у Никитских Ворот, тов. Павлова, раненого выстрелом из подворотни, а впоследствии застрелившегося. Левого эсера Саблина, с двадцатью пятью солдатами отвоевавшего дом градоначальства и взявшего в плен около трехсот белогвардейцев.

Однажды днем из Столешникова переулка подкатил юнкерский броневик к Совету и ударил снарядом в угол здания. В одной из комнат стоял солдат и держал бомбу, просто рассматривая ее из любопытства. От неожиданности и грома, с которым ударил снаряд, руки солдата дрогнули, он выронил бомбу, которая разорвалась, легко ранив солдата и выхлестнув все окна в комнате Совета. Все сбежались в эту комнату. Переполох.

— Как же так подпустили броневик к самому Совету?— кричало много голосов.

Я вышел на улицу к товарищам-артиллеристам и узнал, что дело об'яснялось очень просто. Наши артиллеристы, измученные и переживавшие чувство тупого безразличия, просто в буквальном смысле слова вздремнули у пушек; в это время броневик-то и подскочил. Конечно, в следующий момент наша артиллерия открыла огонь и броневик скрылся.

Подрыву энергии наших борцов способствовало то злосчастное перемирие, которое было заключено нами с Рябцевым. Оно увеличило кровопролитие, ибо для той и другой стороны оно было намеком на слабость.

В стане юнкеров озлобление против Рябцева за перемирие дошло до того, что в здании думы один из офицеров застрелился, а во всех пунктах их позиций юнкера не переставали обстреливать наших. Не молчали и наши. Нам, штабу, удалось лишь ненадолго остановить орудийный огонь. Ненадолго, потому что часа в три загремели пушки у Александровского училища, где руководил неукротимый и неудержимый т. Демидов.

Помню, как т. Яковлева, Варвара Николаевна, подошла

ко мне и, разводя руками, с искорками гнева в глазах спросила:

— Что же это вы делаете? Ведь ваши пушки продолжают разносить Москву.

— Нет сил удержать солдат,—ответил я,—попробуйте поговорить с ними.

Чтоб подтвердить свои слова, я подошел к нашему полевому телефону, соединился с Лефортовским районом, вызвал Демидова.

В трубку было слышно, как ахнул снаряд:

— ...Буххх!

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение Комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

Но Демидов при всей своей неукротимости не лишен был хитрости.

— Не слы-шу!—отвечает протяжно.

Снаряд опять: бух!

— Именем Военно-Революционного Комитета приказываю тебе прекратить огонь!

...Бух!

— Ни чорта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменно.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

И опять снаряд: бух!

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади и в коляске.

— Как же ты теперь-то слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот присылай, брат, распоряжение, мне некогда.

И трубку Демидов бросил.

Снаряды безудержно ухали. Мое распоряжение о прекращении огня, посланное верховым, достигло до Демидова тогда, когда суточное «перемирие» уже кончилось.

Помню также, как пошли укрощать наших и юнкеров на позицию у Никитских Ворот представители Викжеля и наш т. Савва-Степняк.

Переговорив с нашей стороной, эта «примирительная» комиссия направилась к юнкерам. Юнкера пропустили к себе представителей Викжеля, а когда узнали, что Савва-Степняк наш, какой-то юнкер взял и выстрелил в него. Раненый

в голову, весь обвязанный, т. Савва-Степняк возвратился к нам, а юнкера открыли огонь по нашим позициям, несмотря на «бикжельские» усилия примирить непримиримых.

Бои еще продолжались два дня. Победа наша была полной.

Когда наши мирные делегаты поехали в думу подписывать мир, мы, грязные, неумытые, с воспаленными от бессонницы глазами, сидели в комнате Военно-Революционного Комитета.

Рядом со мной на диване т. Розенгольц, наклонившись к моему плечу, тихо, устало и по-дружески сказал:

— Надо будет заготовить приказ, что Муралов назначается командиром... или нет, комиссаром округа, а Рябцев должен ему сдать должность.

— Комиссаром или командующим?—спросил я.

— Комиссаром округа, но это и значит командующим.

«Командующим», «комиссаром», думал я и ничего не понимал, потому что большое дело делалось так просто. Напишу я своими каракулями: «сдать», «назначается», будет это голосоваться—и вот вам новая власть. Не верилось. Скорее я склонен был думать, что т. Розенгольц немного переутомился и как бы в полусне начинает заговариваться. Ну, пусть его заговаривается. Возьму и напишу. Написал. Барышня на машинке отхлопала этот приказ. Потом его голосовали, и тов. Муралов стал не просто Муралов, а командующий округом.

Через час т. Муралов стоял уже во дворе Совета около автомобилей. Вокруг него стояли тт. Коган, Саблин, Лопашев, я и еще несколько товарищей. Все мы толкались в ожидании автомобилей.

Т. Муралов, будто от нечего делать, ткнув пальцем в сторону Лопашева, спросил:

— Ну, вы какую должность будете нести?

— А там, кажется, есть должность «дежурный генерал»,—сказал кто-то.

— Ха-ха-ха, «дежурный генерал»,—весело хохотали все.

— Ну, ладно,—заключил т. Муралов,—вы будете дежурным генералом.

— А я у тебя буду генералом для поручений, хочешь?—спросил т. Коган Муралова.

— Вали!—ответил Муралов.

И поехали мы на двух автомобилях в Александровское училище, а оттуда в Штаб. Подходя к Штабу с Всеволжского переулка, мы натолкнулись на генерала, служившего при Рябцеве. Генерал знал Муралова.

— Здравствуйте, т. Муралов!—сказал он, а где бы, не знаете ли, я хотел бы попросить вас, где я могу увидать ко... ко... это, как его, комиссара округа.

— Я—комиссар округа,—ответил Муралов.

— Вы?.. Очень, очень приятно. Простите, а командующий?

— Я—комиссар,—еще раз подтвердил недоумевающий Муралов.

— Да это то же самое, что командующий. Это—командующий,—вмешался я.

— Ах, вот как!—генерал совсем растаял. Очень приятно, весьма приятно!—говорил он и козырял.

Мы толпой проследовали в Штаб через двор.

В Штабе все комнаты были пусты и забаррикадированы грудами пыльных бумаг и синих папок с унылыми надписями казенного образца: «Дело». Окна разбиты, мебель в беспорядке расшвыряна. Два, три сонных писаря и какой-то седоватый полковник.

Вот все, что досталось нам от Рябцева.

На другой день были готовы приказы о назначении всех руководителей Штаба сообразно тому «распределению», которое делалось очень незатейливо во дворе Совета.

Так была создана новая военная власть. Создана была просто, естественно, даже не создана, а рождена движением, и, как всякое естественное рождение, омыта кровью.

А. ШЛИХТЕР

Об „эгоизме“ пролетарских масс

Озлобленные и изолгавшиеся враги Рабоче-Крестьянской Советской России вот уже пять лет, изо дня в день, чуть не в каждой строчке своей зловонной печати, твердят на все лады, что русский пролетариат показал себя в Октябрь-

ской революции, как победивший «вчерашний хам», «жестокий», «беспощадный» по отношению к своему «вчерашнему господину» и не знающий в великой революции никаких других интересов, кроме личной корысти, личных материальных благ. К счастью, мне удалось получить весьма характерный документ, который я приведу здесь целиком, имея в виду сохранение его в качестве материала для будущего историка первой пролетарской революции. Вот этот документ:

От Московского Военно-Революционного Комитета.

Приказ.

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приказал:

1) Со 2 ноября отпускать хлебный паек по 1/2 ф. в день на едока, о чем сделано распоряжение в Районные Управы.

2) С этого же числа в рестораны 1 и 2 разряда ни хлеба, ни муки для пользования посетителей означенных ресторанов не отпускать.

Военно-Революционный Комитет.

1 ноября 1917 года.

От комиссара по продовольствию г. Москвы и окрестностей.

Товарищи и граждане!

В раз'яснение приказа Военно-Революционного Комитета сообщаю следующее:

1) По самоличному почину целого ряда фабрично-заводских комитетов рабочие в нескольких районах отказались в пользу всего населения от права получать хлебный паек по дополнительной карточке с тем условием, чтобы всем жителям выдавалось не 1/4 ф., а 1/2 ф. на карточку в день. Эта мера дала возможность в понедельник и вторник отпускать в этих районах каждому 1/2 ф. в день *).

*) Общегражданское население получало в это время паек в ¼ фун. хлеба в день, а рабочие ½ фун. по нормальной карточке и еще ½ фун. по дополнительной.

Обращаюсь ко всем товарищам-рабочим последовать этому примеру во всех районах. Товарищи! на вас смотрит весь пролетарский мир. Нет той жертвы, перед которой остановился бы пролетарий в борьбе за победу пролетарско-крестьянской революции. Сдайте свои дополнительные карточки фабрично-заводским комитетам на время революционной борьбы. Пусть фабрично-заводские комитеты оставят дополнительные карточки только тем рабочим, которые выполняют особенно тяжелые работы.

2) Прекращение отпуска хлеба и муки ресторанам 1 и 2 разрядов сделано с той целью, чтобы никто из граждан не получал в революционные дни добавочного хлебного пайка в ресторанах. Исключение сделано только для городской бедноты, обедающей в ресторанах 3 разряда.

И. о. комиссара по продовольствию
Москвы и окрестностей А. Г. Шлихтер.

Москва, 1 ноября 1917 года.

Так начинал Московский пролетариат свою борьбу за освобождение труда. В часы тяжелых испытаний, под угрозой весьма вероятного, в связи с военной обстановкой, ухудшения продовольственного положения, московские рабочие заботятся не о том, чтобы припрятать свой добавочный паек про черный день, а спешат поделиться им со всем населением Москвы. В числе этого населения была не малая часть и тех, которые потом, в течение трех лет гражданской войны, так щедро удобряли советскую, рабоче-крестьянскую, землю костями пролетариата и крестьян. Пройдут года, исчезнут классы, отомрут за ненадобностью партии, и многое, многое будет забыто из того, чем жили, страдали и радовались мы, современники великой революции. Но этот факт общечеловеческой—в лучшем, идеальном смысле этого слова—заботы «о своем ближнем»—не будет забыт никогда.

IV. ПО СТАРОЙ РОССИИ

15. **М. МАЙОРОВ** – В Киеве
16. **Д. ФУРМАНОВ**—В Иваново-Вознесенске
17. **О ИОГАНСОН**—В Иркутске
18. **А. НЕВЕРОВ**—Мужицкая беднота
19. **С. ЧУЙКОВ**—У подножий Тянь-Шаня
20. **Я. ГРУНТ**—Работники Октября
21. **В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ** –О незабываемом

М. МАЙОРОВ

В Киеве

26-го октября стало известно, что большевики захватили власть в Петрограде. Комитет большевиков решил, что надо действовать и созвать заседание Исполкомов обоих Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Тогда для выяснения вопросов большевистской фракцией было созвано Совещание по вопросу—захватывать ли Совету власть в свои руки. В заседании был решен этот вопрос в положительном смысле. Там же был избран Революционный Комитет из трех большевиков, трех меньшевиков и одного украинского эсэра. Это было какое-то недоразумение. Такой Ревком, в котором находились меньшевики, не мог быть жизненным. Большевики стояли за немедленные действия. Большинство членов Революционного Комитета было против этого, они нарочно отсрочивали, так как положение могло измениться в другую сторону. Тогда большевики потребовали созыва пленума Совета для захвата власти. Большинство отвергло это предложение, зная, что Совет будет следовать за большевиками. Тогда был организован новый Ревком. Во главе Ревкома стоял тов. Пятаков. Решено было начать восстание с общей забастовки. Был избран Забастовочный Комитет. 27-го октября было назначено заседание вновь избранного Ревкома. Не успело заседание окончиться, как дворец был окружен казаками и юнкерами. Ревком принужден был сдаться. Городская Дума послала Дреллинга для переговоров

о сдаче без боя—тогда будет сохранена жизнь членов Ревкома. Ревком был арестован и отправлен в Штаб Округа. Юнкера-молодцы, любимчики меньшевиков, заодно громили и Совет Рабочих Депутатов, ибо им Совет был так же противен, как и вся революция. С большой яростью они бросились на арестованных. Арестованные только каким-то чудом не были растерзаны и уцелели от озверелых банд. После ареста Ревкома начались аресты среди рабочих. Были арестованы некоторые члены Союзов. Нашим Комитетом было созвано совещание передовых рабочих Киева для обсуждения создавшегося положения. Участниками совещания были, главным образом, руководители Профсоюзов. Было решено действовать, ибо были известия, что Штаб Округа отправляет полки для подавления восстания в Петрограде. Для того, чтобы помешать переброске войск, нам нужно было поднять восстание, надо было отвлечь внимание Штаба. 30-го октября началась забастовка. Заводы стали; рабочие вышли на улицу. Юнкера были принуждены строить баррикады. Решительнее всего действовал Авиационный парк. В момент ареста Ревкома происходило заседание Совета Солдатских Депутатов в помещении Шато. Юнкера окружили здание и хотели арестовать Совет Солд. Депут. Это переполнило чашу терпения солдатских масс. С нашей стороны действовали парковцы и арсенальцы. Решено было начать выступление 31-го октября в 5 часов вечера. Арсенальцев должен был известить гудок, всех остальных—летящий аппарат. Большевистский аэроплан поднялся во-время с красным знаменем и долго кружился над городом. Подвел арсенальцев гудок—у него не было пара. На завтра 1-го ноября бой шел по всем улицам Печерска. В понедельник наши повстанцы занимают все важные стратегические пункты Печерска и идет перестрелка с отрядом чехо-словаков, стоявшим на стороне Штаба. Бой продолжался три дня. В понедельник вечером у нас было много пленных юнкеров. Арсенальцы хотели разрушить здание Штаба, да жалко было наших ребят, сидевших пленниками в Штабе. Ну, что же, говорили они, если нужно в интересах революции, чтобы погибли наши товарищи, то пусть будет так,—давайте, хлопцы, наведем. В это время приходит делегация для переговоров об обмене пленными. Они были готовы освобо-

дить наших плённых. Сделка состоялась: арестованных привели в арсенал в обмен на арестованных юнкеров. Чехи ушли из города. Штаб после этого сдался. Юнкерам здорово набили морды, особенно константиновцам. Из воинских сил к нам перешел Богданский полк, состоявший из украинцев, стоявший за Центральную Раду. Сама Рада была в недоумении, узнавши, что богдановцы принимали участие в восстании и на стороне большевиков. Рада думала совсем о другом и мечтала о том, как бы слопать большевиков и остаться единственной властью на Украине. Рада осудила Петроградское восстание. Таким образом в момент боя со Штабом Рада была на стороне Временного Правительства. Колоссальную ошибку совершили киевские большевики, не ударив во время боя со Штабом и по Центральной Раде. Тогда, быть может, Украина избегла бы лишних трехлетних страданий, которые пережил рабочий класс. Киевский Комитет победил; в этой борьбе за пролетариатом шли солдаты, главным образом, крестьяне украинской национальности.

Д. ФУРМАНОВ

В Иваново-Вознесенске

(Из воспоминаний)

25-го на 6 часов вечера назначено было заседание Совета. Что за вопросы разбирались—не помню, только настроение в тот вечер было исключительное. Ведь сегодня 25-ое... Может-быть, утром... может-быть, в ночь придет... А может-быть, и теперь, вот в эти самые минуты—гремят там орудия, дробят пулеметы, колоннами идут рабочие и льется, льется, льется братская кровь... Эх, скорей бы узнать. Уж разом бы узнать—все станет легче...

Три раза я пытался связываться с Москвою телефоном—не выходило. Наконец, дали редакцию «Известий» и оттуда сообщили незабываемой силы слова:

«Временное правительство свергнуто!»

Чуть помню себя: ворвался в зал, оборвал говоривших, встала мертвая тишина и, четко скандируя слова, бросил в толпу делегатов:

«Товарищи, временное правительство свергнуто!..»

Через мгновение зал стонал. Кричали, кому что вздумается: кто проклятия, кто приветствия, жали руки, вскакивали на лавки, а иные зачем-то аплодировали, топали ногами, били палками о скамьи и стены, зычно ревели: «Товарищи!.. товарищи!.. товарищи!» Один горячий слесарь ухватил массивный стул и с размаху едва не метнул его в толпу... Уханье, выкрики, зачатки песен,—все сгрудилось в густой бессвязный гул...

Первые минуты бешеной радости прошли, но еще долго не могли улечься суетливость, нервность, торопливость. Вспоминалось, как два месяца тому назад в «корниловские дни»—вот так же, как теперь, сидели мы на этих самых лавках и торопились решить: что делать?

— Да—так что же делать, с чего начать? Мы ведь пока узнали лишь о том, что «Александра IV» нет—так Керенского в шутку звали у нас солдаты. Но дальше? Идет ли сражение или окончилось, да и было ли оно вообще? Разговор по телефону оборвался в самом начале, его, быть-может, оборвали сознательно, чтобы не дать нам знать про все, что совершилось. Мы еще не знали тогда предательской, подлой роли, которую разыграли в великие дни наши почтово-телеграфники, но предчувствие недоброго было уже у многих. Посыпались градом предложенья—страстные, энергичные, но все больше какие-то фантастические, для дела совершенно негодные:

— Выслать немедленно в Москву на помощь наш полк, а во главу дать членов Советского Исполкома...

— Итти по фабрикам теперь же, сию минуту, оставив рассуждения; фабричными свистками собрать рабочих, об'яснить положение, организовать на месте батальоны и слать их в Москву.

— Прекратить временно всю гражданскую работу, всем влиться в полк: одним организаторами и политработниками, другим—стрелками...

Как это бывает всегда в подобных случаях—пока горячие головы фантазировали, другие за них думали, соображали, взвешивали обстоятельства, прикидывали разные возможности.

Было постановлено коротко:

Так как с Москвой и Питером подробности не ясны—будем их добиваться, а пока, вслепую, ничего не предпринимать. Это во-первых. Во-вторых, заняться организацией обороны у себя и помнить, что Иваново-Вознесенск, хотя и неофициально, является признанным центром огромного промышленного района, который надо обслужить, организовать, спаять, приготовить ко всем неожиданностям серьезного момента.

В-третьих, создать особый боевой орган, которому вверить на самый горячий период все дело борьбы. Орган создали, назвали «Революционным Штабом», выбрали нас пятерых, дали общую директиву: «Держитесь крепко, смотрите зорко».

Штаб ушел для выработки срочных мер.

Советское заседание продолжалось, но, видимо, путалось, не клеилось, да и не могло в такие минуты оно продолжаться, попросту делегатам не хотелось уходить.

Через короткое время мы воротились и сообщили, что ставим сейчас же по городу караулы, ставим в нужные места специальную охрану: на жел.-дор. станцию, на телеграф, на телефонную станцию—всюду посылаем рабочий контроль; принимаем к оповещению города и окрестностей о событиях; связываемся тесно со всем районом; берем кого надо под надзор, намечаем заложников и т. д. и т. д., словом, те самые меры, которые применяли мы постоянно в решающие минуты. Совет одобрил — работа закипела. Делегаты разошлись. На утро весь город знал о происшедшем. На железной дороге создали свой специальный орган; в полку уже сам собой организовался из 5 человек Военно-Революционный Штаб.

Непрерывно работал телефон, это нас тревожили каждую минуту Родники, Тейково, Шуя, Вичуга, Кинешма—все крупные рабочие центры: они не давали нам покоя, точно так же, как мы Москве, что мы узнавали—сейчас же передавали дальше, и в результате весь обширный район

почти в одно время узнавал самые свежие новости... На телефонах буквально висели, устанавливались очереди, каждому отдельному рабочему центру назначили свои часы.

Наши рабочие восторженно встретили весть о перевороте: они собирались огромными массами по фабрикам, слушали советских депутатов, жадно ловили новости, присылали за ними своих посланцев; то и дело с песнями, с флагами кружили около Совета.

Железнодорожники посылали свои делегации с клятвами дружно работать, с заявлениями о готовности умереть за Советскую власть.

Полк в боевом вооружении, блестя щетиною штыков, уже не раз демонстрировал перед нашими окнами и громко заявил, что по первому зову расстреляет любую толпу, которая попыталась бы с недобрыми мыслями тронуть наш Совет.

Первые ночи не спали сплошь. Из здания Совета почти не выходили: разве только на час-другой с'ездишь по вызову куда-нибудь на фабрику.

Многие среди бела дня, не выдержав усталости, бросались на голые просторные столы и так засыпали под общий гвалт, под визг и хлопанье дверей, телефонные звонки, хрипы автомобилей, трескотню мотоциклеток.

Здание Совета представляло собою настоящий вооруженный лагерь: кругом с винтовками рабочие, на окнах пулеметы, у нас у всех торчат за поясом револьверы, многие увешаны бомбами, иные хватили лишку: протянули через плечо пулеметные ленты.

О. ИОГАНСОН

В Иркутске

(Из воспоминаний)

В Иркутске переворот произошел только в декабре месяце. Все это время Ревком надеялся «ликвидировать» мирным путем 2 школы прапорщиков и юнкерское училище,

оплот эс-эровского областного комитета рабочих, крестьянск., солдатск. и к. д., который продолжал «существовать», несмотря на роспуск его Ревкомом.

Но вот 8 и 9 декабря юнкера выступили, из бомбомета ими был обстрелян так называемый «Белый дом», дом бывшего ген.-губернатора, где помещался Ревком со всеми почти отделами. Хотя этого выступления все ждали, но оно застало врасплох как войсковые части, так и Ревком (услыша перестрелку, каждый выяснял, как обстоит дело, и только на другой день удалось штабу наладить связь). Члены Ревкома частью бежали из «Белого дома», часть же—М. Трилиссер, Павел Постышев—остались с небольшим количеством солдат (около 50). Не державшие раньше винтовки в руках служащие, случайно бывшие там члены РКП, всего человек 100, также остались защищать Ревком (здание его).

Центральная часть города была захвачена юнкерами и «Белый дом» оказался в окружении. Меня события захватили дома, и я скорей побежала в «Белый дом» узнать, что делать. По дороге юнкерские патрули задержали, и только на другой день удалось попасть в наш штаб. Там уже начался организовываться «санитарный отряд» из партийных и сочувствующих РКП, так как выяснено, что Красный крест не поднимает раненых солдат, а только юнкеров. На паре лошадей мы выехали, крича: «Красный крест, не стреляйте». Со мной были: тов. Изаксон (потом убитый в бою под Мурино), тов. Сухорослова, Тоня Бабич, тов. Лена и др. Нам страшно хочется узнать, что делается в «Белом доме», и мы, квартал за кварталом, подбираемся в царство белых. Виднеется серое каменное здание, там засели юнкера и оттуда уже их зона. Тут перестрелка не прекращается. Наши крики: «Красный крест» действуют и перестрелка смолкает. Подбираем раненых, отвозим в ближайшую больницу и так добрались до «Белого дома». В'езжаем во двор, часть из нас кричит: «Красный крест», часть же проникает в дом, радость бурная—там наши! Информируем штаб «Белого дома» (тт. Трилиссер, Блюменфельд Сергей, Зотов) и получаем задание: во что бы то ни стало привезти патроны и бомбы, а то все на исходе. Продукты тоже на исходе, воды нет, каждое ведро достается из Ангары с большим риском и даже жертвами. Забрав раненых, а также забинтовав тщательно

под видом раненого и тов. Постышева, мы увезли их в штаб. Встал вопрос в штабе, как доставить в «Белый дом» все необходимое. Мы предложили свои услуги. Наше предложение было принято, хотя тов. Янсон, Я. Д., протестовал. Патроны зашили в пальто, навязали под платье, в валенки понаклали, несколько ящиков в сани на дно положили, сверху хлеба, сахару, чаю и др. продуктов, прикрыли все сеном, а сверху забинтованную т. Сахьянову в качестве раненой. Благополучно добрались и сдали «подкрепление» «Белому дому». Несколько раз проделали свой рейс и, благодаря этому, «Белый дом» держался 8 дней, несмотря на бешеные атаки юнкеров по несколько раз в день. Эта горсточка «белодомцев» вызывала восхищение даже у юнкеров своею геройской отвагой, 8 дней почти напролет без сна, в холоде (все время 30° мороза), полуголодные,—только один подвал отапливается при помощи очага на полу: тут была «кухня» и «околоток».

А. НЕВЕРОВ

Мужицкая беднота

(Из повести „Гуси-Лебеди")

Около волостной земской управы собрались фронтовые солдаты, двое гласных, сам председатель управы Николай Горюнов и новый милицейский Никишка Панкратов. Горюнов, обращаясь к фронтовым солдатам, начал говорить речь об Учредительном Собрании, о тайном и равном голосовании всего русского народа, ибо большевики подкуплены немцами и надеяться на них никак невозможно.

— Граждане, если мы не возьмемся за оружие и не поддержим земельную программу социалистов-революционеров, то может получиться большое разорение.

Жизнь, крепко налаженная, с каждым часом разваливалась на мелкие кусочки и склеить ее не было силы. Бешено прискакал курносый Милок верхом на своей кобыленке, молодецки спрыгнул у крыльца, испуганно крикнул:

— В Ливенках чехов разбили!.. Все село поднялось!.. От Уральска казаки двигаются...

Большевики, гонимые чехами, вдруг преобразились в сознании бедноты, как люди, несущие новую правду, и говорили о них с теплыми вздохами:

— Шибко орудуют ребята!..

— Эти не поддадутся, на ножи полезут.

— Им нельзя поддаваться, если такая программа у них...

В серой городской рубашке, высоко подпоясанной черной лентой, выступил Алексей Перекатов—умница, «золотая голова», строго и веско сказал мужикам, толпившимся около волостной земской управы.

— Что мы теперь думаем делать? У нас имеется приказ членов Самарского Учредительного Собрания о мобилизации в народную армию для борьбы с преступными элементами, нарушающими свободу и порядок в стране, а мобилизованные наши, подлежащие отправке, спокойно сидят по домам. Хотим или не хотим мы поддерживать Учредительное Собрание?

Задние крикнули:

— К чорту! Не хотим воевать.

— Значит, погибнуть должна наша Россия?

— Ну, и чорт с ней, пускай погибает, своя башка дороже...

— Кто это там произносит?

Наступила тишина.

Уже никто ничего не произносил, но глаза у всех горели враждебным огнем, мрачно двигались скулы, потаенно сжимались кулаки. Новая бойня на родных полях, со своими мужиками, которых знали в лицо, казалось невозможной, ошеломляющей...

После Перекатова вылез на крыльцо управы Суров отец, подкрепив себя кружечкой самогонки и весело, дружелюбно заговорил, бросая в толпу мягкие, тревогой налитые слова:

— Слушайте мою речь! Я, к примеру, скажу вам немного. Ежели мы не будем подчиняться властям—нас расстреляют. А ежели будем жить недружно—останемся без лошадей. Почему в нашем селе такой порядок? Все идут на подмогу, а мы не хотим. Вот поэтому, к примеру сказать,

и глядим мы в разные стороны и нет промежду нами согласья, как у прочих сел. Правильно я говорю?

Но и ему крикнули в ответ:

— Иди, воюй!

— А вы не будете?

— Не за что!

— Значит, и вы теперь приходитесь большевиками.

Спорили каждая улица, каждая изба, у всех болели головы от долгого крика и никто не мог понять, какая сила двигается на них и кто посылает ее. Бранили большевиков, злобной матерщиной накаливали чехов, самарских комитетчиков, купцов, помещиков, кадетов и все эти люди, посылающие мужиков на войну, свертывались в огромный многоголовый клубок, и страшный уродливый клубок не давал покою. Каждая голова высматривала своими глазами, нащупывала своими руками, и негде было спрятаться, негде было скрыться от надвигающегося ужаса. Каждая пядь родной земли казалось разгороженной на тысячи клеток, друг другу враждебных, и в каждой клетке таилась мужицкая западня, мужицкая смерть. Страшно было ходить по этим клеткам и никто не знал, куда наступить, какой стороны держаться. Никому не хотелось воевать, позывало к миру, отдыху, к тихой спокойной жизни после многолетнего германского фронта, но Самарский комитет Учредительного Собрания от имени «всего народа», от имени попранных большевиками прав призывал на защиту Демократической Республики, на защиту земли и воли. В комитете сидели социалисты-революционеры, а социалисты-революционеры всю жизнь боролись с царским правительством, шли на каторгу, в ссылку, томились по тюрьмам и все опять-таки за народ, за мужика, за крестьянина. Им верили. И теперь своими воззваниями, газетами, приказами они кричали в мирно настроенную, трудовую черноземную степь:

— Берегись большевиков!

— Поднимайся на большевиков!

— Они—не социалисты!

— Они подкуплены немцами!..

— Они...

— Они...

— Они...

И воззвания, и газеты с приказами, и горячие речи наезжающих в степь ораторов били в головы тупыми ударами, вызывали бесконечные ссоры, мелкие драки, слезы, жалобы и ненужные, неосмысленные страдания. Большевиков мужики не знали, большевики казались страшными выходцами из неведомой земли, и всякий раз при напоминании о большевиках перед глазами вставал страшный черноволосый китаец с косыми глазами, неведомый латыш с отточенным ножем, бессердечный немец в железной шапке, и все они двигались в степь непрошенными, нежеланными, топтали мужицкие поля, разоряли мужицкую жизнь, насиловали девок, плевали в иконы, отрезывали бабьи груди.

Так казалось мужикам, напуганным газетами, приказами, воззваниями и горячими речами наезжающих в степь ораторов. Это вызывало звериную злобу к большевикам, огромную человеческую боль. Хотелось опрокинуться на них десятком сел и деревень, растоптать тысячью ног, разгрыть тысячью зубов и разорванных на тысячи мелких кусочков выбросить в поле, в ветер, чтобы не осталось следа. А когда думали о своих большевиках, убежавших в степь, мысль, зажженная гневом, попадала в тупик, в мертвую петлю. Разве Федякин разбойник? Разве Синьков разбойник? Разве не они говорили против войны? Кто кричал за бедных, чтобы выдать им дешевого хлеба?—Заливановские большевики.—Кто живет в темных слепых избенках с ободранными крышами?—Заливановские большевики. Как же это так? Почему Перекатов за чехов стоит, а Федякин с Синьковым против чехов пошли? И если слушать приказы с воззваниями, значит, нужно против Федякина с Синьковым становиться, против тех, кто живет в темных слепых избенках и бить, по-волчьи гоняться за ними, чтобы защитить дедушку Лизунова, Алексея Перекатова, Суровых, Лизаровых и Демократическую Республику. А какая она? Кому чего даст? Кому чего дают Лизуновы, Перекатовы, Суровы и Лизаровы?

Билась мужицкая мысль в мертвой захлестнутой петле, искала ненайденное. И когда пришел приказ о мобилизации в народную армию на борьбу против большевиков, Заливановская, Упаковская, Лозихинская, Чернореченская, Растопырская, Поддубовская и Проталинская беднота сделалась

вдруг и сама большевистской. Все затаили в себе сокровенное, злое, упрямое, крепче стиснули зубы. Каждая избенка смотрела на прибывающих чехов сухим враждебным глазом, каждый газетный обрывок, призывающий на войну с большевиками, казался насильем над честью и совестью мужика, и каждую ночь в одиночку гибли молодые веселые чехи от руки невидимых большевиков, ибо каждая ночь выбрасывала в степь все больше и больше бегущих от войны с большевиками. Маленькие разрозненные кучки беглецов сливались в огромные партии, двигались пешими и конными, в лаптях, чулках и босоножками. Без ружей и пушек, без пулеметных лент и револьверов, голько с ненавистно-горящими глазами, с верой в неосознанную еще большевистскую правду колесили по степным оврагам люди, не желающие войны, и бросались в войну хитрыми звериными прыжками, жадно вырывали у чехов бойцов, стаскивали с убитых ботинки, штаны, гимнастерки, патронные сумки, винтовки, обували разутых, одевали раздетых, вооружались чешскими винтовками и чешскими пулями настойчиво, упорно били чехов...

С. ЧУЙКОВ

У подножий Тянь-Шаня

(Из повести «Вершинная быль»)

Город с трепетом ждал нашествия большевиков.

Трусливо выглядывали из-за своих самоваров городские обыватели, подозрительно осматривая каждую кожанную куртку с наганом.

С закатом солнца замирал, затихал город. Тревожная тишина сгущалась и набухала ожиданием грозы. Улицы кишели красными лампасами и лихими чубами верховых казаков.

Зажиточные хозяева молились: «Да минует меня, господи, кара твоя—иго большевицкое». Большевиков, как орду какую, ждали в городе...

Ждали.

А они давно уже были тут под боком. Давно уж они собираются ежедневно в комнате у Милославова и делают свое дело...

С каждым днем пополняются ряды их приезжающими работниками.

Однажды зимней ночью, во время совещания, один из членов привел нового гостя, пожилого человека, маленького роста, в очках и представил:

— Вновь приезжий товарищ, да не откуда-нибудь, не из Ташкента, а из самой что ни есть Москвы...

— Из Москвы?

— Из Москвы!!

— Не может быть!..

Зашумели, задвигали стульями, заблестели глазами... «Наконец-то! Из Москвы!..»

— Ну, что там?.. Как там?..

Прямо с почтовой тройки—за доклад...

За три часа не двинулся стул, не открылся рот. Как правоверные на молитве, тихо сидели все, слушая резкий голос председателя Пономарева.

Мамет прилепился косыми глазами к строгому лицу говорившего.

«...Власть Советов... Красная Гвардия...»

«Красная Гвардия... Красная Гвардия!!...»

Там бьются, умирают, а Мамет должен сидеть тут, сложа руки... Досадой зудилась грудь. Скорей бы...

В «текущих делах» Логинов информировал приезжего о положении вещей в городе.

Часть пехотного войска области готова поддержать организацию, остальная часть еще не с'агитирована, и все казачье войско приготовилось дать бой при первой попытке большевиков учредить в городе органы Советской власти.

Очередная задача все та же: как можно скорее с'агитировать остальных солдат, перейти в Красную Гвардию и затем, будучи обеспеченными вооруженной силой, сделать переворот.

После этого Логинов внимание всех обратил на Мамета.

— Слишком велики силы казаков, чтобы можно было легко с ними справиться, поэтому нам необходимо подкрепле-

ние со стороны туземцев-киргиз. В смысле агитации, кое-что сделано, но дело в том, что большинство киргиз совершенно незнакомо с огнестрельным оружием. Нужно провести военное обучение. У нас есть надежные люди, которые с успехом выполнять эту задачу. Товарищ Джумубаев до сих пор вел работу среди киргиз и пользуется их доверием и любовью. Поэтому я предлагаю дать тов. Джумубаеву нескольких военных инструкторов и хотя бы несколько винтовок и отправить их в горы для обучения киргиз стрельбе.

«Ага... Вот когда».

Заколотилось сердце у Мамета... Вспомнились слова Анаята... И захотелось ему крепко обнять Логинова и расцеловать его умную голову.

Встретив испытующий взгляд строгого человека в очках и любовный взгляд чуть улыбающегося Логинова, Мамет, немного смущенный, встал...

Предложение принято. Завтра же вечером Мамет должен выехать в горы.

— Давать ему какие бы то ни было инструкции я считаю излишним, так как никто из нас лучше его не знает быта киргиз и вообще всех тех условий...

— Спасибо, товарищи!..

На другой день, когда потух багровый румянец Алматинского пика, когда дальний горизонт кровавым лезвием зари расчленил мир пополам, и пугливые зимние сумерки воровато крались по задворкам, чутко дремали окраины, пять вооруженных всадников молча пробирались в сторону гор.

— Разве есть теперь кто-нибудь в горах?—спросил один из них шопотом.

— Есть. И с каждым днем наезжает все больше джигитов из степи, а послезавтра их будет очень много.

— Почему?

— Сегодня утром умчался в степь Тургамбек с братом и тремя джигитами, и они скажут там, что Мамет ждет их в горах.

Город состоял из нескольких частей: собственно город, станица, кучугуры, дунганская слободка и др.

Добрую половину города заселяли казаки, и эта часть называлась станицей.

И вот утром, на первый день Рождества, увидели горожане белым по красному: «Ревтрибунал», «Исполком»... И волосы поднялись дыбом...

— ...Наверное, большевики!.. Как же это так?..

И в этот же день из станицы прогремел первый пушечный выстрел... и с казарменной улицы ответил ему другой.

И загрохотали горы беспрерывным эхом...

Диким лаем залились ущелья, всколыхнулись окрестные степи. Трескался, рвался морозный воздух. Дребезгом стекол звенели дома.

Обыватели прятались в погреба, ставнями окна заколачивали, на улицу носу не показывали, крестились, стонали... Отроду такого не видывали.

— Светопреставление... Скоро конец всему...

Все солдаты перешли в Красную Гвардию, и толпы добровольцев стояли у дверей военных учреждений.

А снаряды рвались день и ночь, и пули с посвистом пели в инее улиц.

Казаки осадили город с трех сторон. Несколько раз переходил он из рук в руки...

А из деревень приходили молодые ребята и добровольцами поступали в Красную Гвардию.

Потом с хитрой маской пришло затишье. Станица молчала. Замолчал и город. Улицы были пусты. Тихой ночью никто не спал: камнем над головой висело сторожкое ожидание... Чутким нюхом веял потеплевший уже ветер...

И вдруг, словно с цепи сорвавшись, загрохотало забухало во всех концах города... Ходуном земля заходила... Заскрежетал, застонал город...

В панике забегали по улицам люди, затопотали кони, затрещали мотоциклы...

На окраинах рубили тополя в два обхвата и заваливали улицы, копали окопы; в глиняных заборах садов пробивали бойницы.

Пороховым дымом застилало улицы.

Щебетали пулеметы...

И не долго так было:

Взяли казаки крепость (а она находилась между городом и станцией) и пред'явили Советам ультиматум:

«В течение 48-ми часов сдать город и выдать таких-то и таких-то комиссаров (персонально)...

И опять на целый день залегла свинцовая тишина...

Плотным кольцом стиснули город лампасники.

Под конскими копытами гудели окраины.

Рокотом нетерпения кипели чубатые сотни, ожидая истечения срока, каждую минуту готовые ринуться с гиканьем в улицы, растоптать лошадьми, захлестать нагайками...

Но не прошло и 24-х часов, как большевики ответили... залпом орудий, и красно-гвардейский полк с криком «ура» пошел на крепость...

— Мы вас не понимаем, Логинов,—беспокоилось благоразумное меньшинство,—на что вы надеетесь? Ведь это даже не риск, это безумие!..

— А вот посмотрим...—хмуро бросал сосредоточенный Логинов.

Да, это было настоящим безумием... Никто в этом не сомневался... И с ужасом ждали страшного, кровавого, небывалого... Вот... вот... сейчас...

Даже по рядам полка трусливой рысью пробежал ропот...

... Верная смерть... Ненужная жертва...

Вдруг с наблюдательных постов сообщают, что... казаков стало наполовину меньше вчерашнего...

— В чем дело?..

— Что такое?

— Провокация?..

— Вперед! Да здравствует власть Советов! Ура!

— Урр-а-а! Урр-а-а!..

Под прикрытием батареи стальная щетина штыков одним напором покрыла крепость и полилась по улицам станицы...

Сопротивление было слабое.

— В чем дело?!

— Ура-а! Ура-а!

Получен был приказ перейти в наступление. Казаки по-под горами отступали к Джаркенту, оставляя за собой пылающие станицы...

— Что такое?..

— Неужели сами поджигают?.. Нет, это—не по-казацки...

В городе говорили, толковали, додумывались... Чудо? Случай? Недоразумение?..

Но скоро появилось в газете:

«... В эту ночь в стан казаков пришла весть, что все подгорные станицы горят, и «население избивается от мала до велика»... Послана была по станицам часть войска, но тех встретили дружным огнем укрывшиеся в горах стрелки, и они донесли в штаб, что положение катастрофическое и необходимо подкрепление. Тогда еще часть войска отправилась туда... В этот удачный момент мы открыли артиллерийский огонь и пошли в наступление. Казаки отступили к Джаркенту, а к нашему полку присоединился киргизский партизанский отряд под командой тов. Джумубаева.

Отряд этот состоит больше чем из 15.000 преданных революции киргиз.

При чем только часть отряда (700 человек) вооружены хорошо, остальные бились шашками, пиками, ножами и дубинами...

В тот момент, когда казаки пред'явили нам ультиматум, этот отряд сделал геройский набег на станицы и оттянул этим часть казачьих сил, чем и спас положение города.

Считая заслугу отряда перед пролетарской революцией очень значительной, военно-революционный комитет области приносит отряду свое боевое «спасибо» и снабжает его оружием и всем необходимым».

По горам гремела слава о красном киргизском отряде.

Своей хитростью и жестокостью к казакам он превосходил самих казаков... Это был бичь белых. Неуловимый, неуязвимый. Его называли «Невидимкой». Он наводил панический ужас, падая, как снег на голову там, где его меньше всего ожидали.

Хитрые трюки азиатской боевой мудрости заставили говорить о «Невидимке» и пресерьезно с ним считаться...

Имя Мамета Джумубаева хорошо знал каждый казак...

Во время перехода казаков через горные перевалы из скал вдруг птицами налетали косоглазые партизаны и с

дикими криками: «А-э-э-эй! Ур!*) Мщенье! Смерть!»—снимали казáков, хватали на лошадей пулеметы и скрывались, почти никогда не оставляя жертв. Они никогда не давали времени спохватиться, прийти в себя. Исчезали, словно их и не было...

Не одного казачьего эсаула заставил Мамет рвать на себе волосы, издевательски оставляя их в дураках. Не одна казачья сотня была заманена и погублена в страшном «Каскыр-Сае».

Городская молодежь ежедневно искала в газетах: нет ли сообщения о новой проделке «Невидимки».

Изощряясь в головоломных отчаянных трюках, «Невидимка» жестоко мстил за годы постыдного малайства.

Стихийная, как горная гроза, гуляла кровавая азиатская месть по вершинам и подножья отрогов «Небесных Гор»**).

Не дешево оценили джигиты свое терпение...

Я. ГРУНТ.

Работники Октября

(Из воспоминаний)

Невольно перед глазами рисуются необычайные картины нашей деятельности. Как-то раз с какого-то обыска поздней ночью я пришел в Совет. На дворе под проливным дождем в грязи топталось несколько десятков членов Совета, вооруженных с ног до головы. Там же находился и председатель Совета Левшин; похож он был скорее на разбойника, чем на председателя Совета. Увешанный бомбами, с ружьем через плечо и громадным кинжалом за поясом, он усталым и охрипшим голосом выкрикивал:

«Левой, правой»...

Левшин уже несколько ночей не спал, лицо страшно осунулось и обросло светлой волосяной щетиной. Глаза расширились, глубоко впали и блестели нервным огнем.

---

*) Ур-бей.

**) «Тянь-Шань»—Небесные горы.

Чувствовалось, что он, в конце-концов, должен сорваться, если так будет продолжаться еще несколько дней.

Я постарался его пристыдить:

— Левшин, брось. Тебе надо делать, как председателю Совета, более важное и ответственное дело, а не топтаться в грязи.

Он зло поглядел на меня, но пошел вместе со мной в здание Совета. Уговорить его уйти домой и поспать не удалось. Из Совета он не отлучался ни одной минуты. Пришлось силой уложить его спать тут же на полу в Совете, но из этого ничего не вышло, так как через несколько минут к нам в Совет принесли провокационную телеграмму о том, что со стороны Рязани двигается на нас большой отряд казаков. Затрещали телефонные аппараты, спешно вызывались войска и красногвардейцы, выставлялся усиленный патруль по всему городу и у Рязанской заставы...

Левшин горел революционным огнем. Все, что у него было: силы, сон, ум,—все он отдал делу революции. Полное невнимание к себе, к удовлетворению необходимых для поддержания собственной жизни потребностей должно было привести его к ранней могиле. В дни, когда в Москве гудели орудия, трещали пулеметы и винтовки, он не знал ни одной минуты покоя, он ни разу не сомкнул свои усталые, полные печали глаза. И, когда победа была окончательно и бесповоротно на нашей стороне, Левшин уже истратил все запасы своей энергии и сил. Он погиб для революции, по крайней мере, для ближайшего времени. Он заболел, и заболел тяжко. Невероятные переживания октябрьских дней и бессонные ночи привели к тому, что Левшин окончательно потерял способность заснуть. Мы пробовали его укладывать спать, он покорно ложился, но глаз сомкнуть не мог. С открытыми, полными ужаса глазами он бредил о незаконченной борьбе пролетариата и ему часто чудились измена и предательство.

О незабываемом

Не будет никогда забыт
Громовый пир огня и стали.
Когда мы осень распинали
На медных заревах борьбы.
Кровавой ненависти жало
Накаливалось на огне,
А явь мечту опережала,
А пули пели о весне.
Не личности, не единицы,
А сотни тысяч на костре;
И души—огненные птицы—
Летели к солнцу в октябре.
Ах, было радостно до боли
Взорвать сердцами будни лет,
Из черной, вековой неволи
Вдруг погрузиться в яркий свет.
Не будет никогда забыт
Громовый пир огня и стали,
Когда мы осень распинали
На медных заревах борьбы.

IV

СТРОИТЕЛЬСТВО ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

I. ДЕКРЕТЫ ОКТЯБРЯ

1. О МИРЕ
2. О ЗЕМЛЕ

Декрет о мире

Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномоченными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершенно, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединенная или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию—все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или в возмущениях и восстаниях против национального гнета,—не представляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.-е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех, без из'ятия народностей, условиях.

Вместе с тем, правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, с своей стороны, выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство об'является безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о за-

ключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномоченного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем с своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше, как на три месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого вполне возможны как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без из'ятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное Рабочее и Крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма. Великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, геройская борьба против исключительного закона в Германии и образцовая для рабочих всего мира длительная, упорная, дисциплинированная работа по созданию массовых пролетарских организаций Германии,—все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой в том, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира, и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации.

Декрет о земле

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов, впредь до Учредительного Собрания.

3) Какая-бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, об'является тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасом продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

О земле.

Вопрос о земле, во всем его об'еме, может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покуема, ни сдаваемая в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, поссессионная,

майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами, сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, при чем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч., конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного Собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие

обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допусается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2-х лет, сельское общество обязуется до восстановления его трудоспособности на этот срок притти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т.-е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землей должны быть совершенно свободны — подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, при чем преимущественное право на получение участков выбывших лиц получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч., и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, об'является временным законом, который впредь до Учредительного Собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами Крестьянских Депутатов.

Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется.

II. ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

3. **АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО**—Разгон учредилки
4. **А. ШЛЯПНИКОВ**—Рабочий Совнарком
5. **А. ШЛИХТЕР**—Крестьянский Ленин
6. **Он же** —Саботаж
7. **С. ПЕСТКОВСКИЙ**—На все руки
8. **Ф. ГЛАДКОВ**—Ревком в станице

В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Разгон учредилки

Занятие нами ставки во времени почти совпало с выступлением «демократии» в защиту Учредительного Собрания. Это выступление было приурочено к намеченному еще Временным Правительством дню созыва учредилки. Вопрос о том, что ответить на предполагавшуюся демонстрацию «демократии», обсуждался и на гарнизонном собрании Питера, и здесь было нами решено, что надлежит противопоставить ей контр-демонстрацию за Советскую власть; Ц. К. партии на это не согласился, а предписал принять меры к тому, чтобы войска в демонстрации не принимали участия. Был отдан приказ «из казарм не выходить, дежурным ротам быть в боевой готовности». Всюду были усилены караулы, и войска участия в демонстрации учредиловцев не приняли (только какая-то рота электротехников шла в их толпе).

К вечеру поступило донесение, что большая толпа демонстрантов направляется к Таврическому дворцу. Уверенный в надежности его охраны (рота латышей), я особых мер не принимал, когда был вызван в Совнарком. Здесь я увидел группу ответственных товарищей сильно взволнованных. Особенно запомнились мне озабоченные лица Володарского и Урицкого. Ленин отозвал меня в другую комнату, куда пришли также Троцкий и Сталин.

— Как вы допустили, что 100-тысячная толпа идет к Таврическому! Дворец занят?!

Я изумился; мои сведения не говорили о таком размахе демонстрации.

— Моя жена проезжала,—поддержал Троцкий,—там не менее 20 тысяч.

— Что вы можете сделать? Нельзя допустить толпу к Смольному, надо выгнать их из Таврического.

— Сейчас дам приказ самым надежным частям, сам пойду с латышами.

— Но что вы сделаете против такой толпы?—изумился Лев Давыдович.

— Справлюсь!

— Торопитесь!

Приказания были немедленно отданы матросам и Белгорайскому (кажется, так он звался) полку. Я лично поехал к латышам. Они собирались ужинать. Дежурный офицер не сразу понял, чего от него хотят. Командир полка только тогда согласился исполнить мой приказ, когда я заявил, что пойду лично с полком.

Через 10 минут полк выстроен. Я говорю ему коротко, что в то время, когда революционный народ взял дело войны и мира в свои раскрепощенные руки, жалкие последыши керенщины пытаются вернуть власть империалистам и вот захватили Таврический дворец, чтобы оттуда провозгласить новую керенщину. Выслушана моя речь была в молчании. К Таврическому дворцу мы подошли быстрым шагом. Но в нем и вокруг него все было уже спокойно. Учредиловцы пришли, патетически пошумели и ушли, как китайские тени, а всего демонстрантов было не более пяти тысяч.

А. ШЛЯПНИКОВ

Рабочий Совнарком

Первые заседания Совета Народных Комиссаров происходили в маленьком кабинете В. И. Ленина, в верхнем этаже Смольного. Аппарат в первые дни был небольшой и несложный: управдел В. Бонч-Бруевич и пара сотрудников. Кажется, первые заседания даже происходили без протоколиста. Частенько к заседаниям являлись делегации рабо-

чих, главным образом, по вопросам перехода промышленности с военной на мирную работу. Кому-нибудь из членов Совета Народных Комиссаров приходилось принимать товарищей и давать указания. Заседания велись В. И. Лениным, проходили очень деловито, хотя и затягивались далеко за полночь. «Ведомственных трений» еще не наблюдалось, но заинтересованность ведомственная уже появилась скоро. Высокая продукция декретов быстро загромоздила работу Совета Народных Комиссаров и, кажется, уже в конце ноября пришлось создать особую комиссию по предварительному рассмотрению декретов. Эта комиссия, помнится, была из трех членов Совнаркома, без назначенного председателя. Первое время работы этой комиссии лежали на мне.

На-ряду с рассмотрением крупных, принципиального значения, декретов Совету Народных Комиссаров приходилось решать и ряд маленьких дел, как, например, вопрос об оплате членов Совнаркома и ответственных работников, о подписях и названиях, о мелких кредитах и т. п. Немало было юмористического в том, как т. Менжинский «завоевывал» с полком семеновцев под музыку Государственный банк и по пустой формальной оплошности не мог получить нужных денег. Помню, какое громадное впечатление произвело на рабочих постановление о том, что жалованье членов Совета Народных Комиссаров и ответственных работников не должно превышать заработка высоко квалифицированных рабочих, и было определенно в 500 р. и по 100 руб. на каждого нетрудоспособного члена семьи в месяц. С подписями первое время была большая путаница, хотя Совнарком и постановил, что все распоряжения, идущие в развитие декретов, принятых С'ездом, ВЦИК'ом, а также и Совнаркомом, подписываются членом Совнаркома по соответствующему ведомству, но по форме «Именем Российской Республики»...

За эти пять лет неопределенная «Российская Республика» стала мощной Социалистической и Советской страной, выдержавшей грандиозную борьбу, размеров которой в те дни мы не могли даже и предвидеть...

А. ШЛИХТЕР

Крестьянский Ленин

(Из воспоминаний)

Целыми фалангами изо дня в день проходили мужики передо мной, столь разнообразные, каждый по своему, в своих запросах и нуждах, касающихся «своего» села, и в то же время столь похожие один на другого.

— Что же и как оно будет?..

— Как ее, землю-то, к примеру, взять?..

— Потому, видишь, товарищ, надо, чтоб для всех безобидно...

Вот основное содержание тех практических, иногда до очевидности мелких вопросов, из-за которых деревня посылала своих ходоков в Петроград, чтобы получить раз'яснение их в Совнаркоме вообще и, в частности, «непременно у самого Ленина». Декрет пролетарской революции о немедленной передаче всей земли крестьянству, всколыхнул деревню до самых глубин ее. Деревня судорожно рвалась к деловому закреплению земельной реформы, но декрет о земле устанавливал лишь общую норму революционного права. В эту общую норму деревня пыталась немедленно же влить содержание революционной практики и тянулось к революционному центру за указаниями и ответами.

Я полагаю, что эти дни были моментом наибольшей духовной близости и доверия крестьянских масс к Советской власти вообще, а к Совнаркому—в особенности. Перебирая в своей памяти все, что мне довелось видеть и слышать в это время, я не могу не рассказать об одной сценке, как наиболее показательной и поразившей меня своей непосредственностью. На второй или третий день моего наркомземства в мою приемную явилась делегация, состоявшая из трех хлеборобов Черниговской губернии. Среди них особенно выделялся представительный седобородый старик, настоящий крестьянин, только что, казалось, оторвавшийся от сохи. Он обратился ко мне с расспросами, касающимися индивидуальных и конкретных нужд его деревни в земель-

ном вопросе, получил от меня все раз'яснения и указания, но в то время, как все другие делегации, получив ответ, обыкновенно сразу же уходили,—я замечаю, что мой старик уходить не собирается. Жду, что будет дальше... Немного помявшись и покряхтев, как это обыкновенно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик спрашивает меня:

— Товарищ, как бы повидать тов. Ленина?

— А зачем,—говорю,—он вам нужен?

— Не могу,—говорит,—уехать домой, не повидавши тов. Ленина. Я должен его повидать и должен сказать потом своим, что я его видел, и с таким наказом послали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: «Непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать».

Желание старика меня весьма заинтересовало. Подобного рода общение самой «земли», самих масс, творящих революцию в глухих углах далекой провинции, с выразителем интересов этой революции, с ее душой и мозгом,—с товарищем Лениным,—показалось мне сразу же не лишенным тактического значения. Но зная столь характерную для Владимира Ильича нелюбовь ко всякого рода «встречам», я чувствовал себя в некотором смущении. Я знал, что, когда приду к нему и скажу, что его хочет видеть делегат от Черниговской губернии, то он замашет руками и скажет мне:

— Уж вы, пожалуйста, сами там как-нибудь и что-нибудь сделайте.

Но для меня не было сомнений, что тов. Ленина надо было непременно показать крестьянскому делегату, и потому, как тов. Ленин ни вертелся, удрать ему от этой «аудиенции» не удалось. Я этих крестьян к нему свел, и надо было видеть через 2-3 минуты это буквально одухотворенное счастьем лицо—говорю без преувеличения—седобородого старика, когда он вышел от тов. Ленина.

— Спасибо, товарищ,—благодарил он меня:—теперь я все расскажу дома.

Был ли этот крестьянин коммунистом? Конечно, нет. Сделался ли он коммунистом впоследствии? Почти наверное,—также нет. Не о коммунистическом просветлении и не о каком-нибудь понимании общих величайших задач социалистической революции крестьянством говорило лицо ста-

рика, а об искреннем и глубоком доверии в тот момент к коммунистической партии, впервые и всерьез, по настоящему, осуществившей заветные думы крестьянства о земле.

А. ШЛИХТЕР

Саботаж

(Из воспоминаний)

I

Не без любопытства я под'ехал одним утром в автомобиле к зданию министерства. Парадный ход оказался запертым. Звоню, но безрезультатно: в вестибюле никого не видно. Шоффер отправляется на поиски черного хода. Спустя немного, из-за угла дома выглядывает какая-то фигура и, наконец, щелкает замок у парадной двери. Меня встречают швейцары в ливреях, видимо смущенные и не знающие, как себя держать со мной.

— Я—народный комиссар. Проводите меня в кабинет бывшего министра.

— Пожалуйте.

В коридоре—могильная тишина. Все говорит о том, что здесь не работают.

— Есть ли у вас тут кто-нибудь?—спрашиваю я швейцара.

— Так что чиновники все разошлись, а есть только товарищ министра и его секретарь.

— Позовите секретаря.

— Слушаюсь.

Почти вслед за мной в кабинет вошел молодой человек, весьма предупредительный и очень изысканный.

Я ему говорю: «Доложите товарищу министра гражданину Вихляеву, что народный комиссар земледелия приглашает его явиться для сдачи дел».

Секретарь явился, очевидно, подготовленный к такому моему требованию и, хотя вполне корректно, но решительно сказал:

— Я должен предупредить вас, что товарищ министра просит вас пожаловать к нему в кабинет, который тут же рядом.

По мнению «товарища министра земледелия» Вихляева в России происходили в этот момент не глубочайшие по своему значению исторические события, а, так себе, какая-то временная и переходящая «чехарда». Только этим я могу об'яснить этот нелепо придуманный способ борьбы с Советской властью, которая пришла взять в свои руки то, что ей принадлежит.

Я спокойно, но со всей необходимой для такого случая выразительностью ответил, что народные комиссары не ходят для принятия дел, а требуют явиться того, кто должен сдать дела.

— Слушаюсь!—все так же корректно, но уже с плохо скрытым волнением отвечает секретарь.

Пошел доложить, приходит и снова говорит:

— Товарищ министра снова просит вас пожаловать к нему в кабинет.

— Скажите гражданину Вихляеву,—поручил я секретарю,—что сегодня я ухожу, чтобы дать ему возможность подумать. Но завтра я снова явлюсь для того, чтобы опять предложить ему немедленную сдачу дел, и, если дела опять не будут сданы, то передайте ему, что могущие возникнуть для него из-за этого неприятности будут лежат на его собственной вине.

После этого я уехал, а на другой день опять приехал. Сейчас же по зову моему явился секретарь, а после и сам Вихляев. Мы поздоровались официальными поклонами.

— Прошу вас,—показываю я Вихляеву на стул.

— Я пришел к вам,—говорит Вихляев,—не как товарищ министра и не как к комиссару. Я пришел к вам, как к своему коллеге по профессии, как статистик к статистику. Я хочу поговорить с вами, как член одной и той же корпорации и по поручению корпорации. Скажите, пожалуйста, вам, как статистику, дорого ли доведение до конца той статистической переписи, которая была начата при Временном Правительстве, которая находится сейчас в стадии разработки и которая погибнет, если вы осуществите то, чего хотите добиться?

«Какая типичная и жалкая интеллигенщина,—подумал я, слушая Вихляева,—и какая наивная попытка продлить свое саботажническое дело, путем статистического бегства».

— Зачем же вы так катастрофически подходите к этому вопросу?—спросил я, в свою очередь.—Речь идет лишь о сдаче вами дел по управлению министерством и об устранении вас от должности товарища министра, а совсем не о лишении вас возможности продолжать статистическую работу по переписи. Я, со своей стороны, охотно согласился бы поручить это важное и для вас, и для Советской власти дело вашему непосредственному руководству. Но для этого требуется немедленное распоряжение от вас персоналу министерства прекратить саботаж.

— Я не могу сделать такого распоряжения.

— Тогда не пеняйте на меня. Решение Советской власти будет исполнено мною во что бы то ни стало, но вы будете совершенно исключены из штатов комиссариата.

— Я этого ожидал.

— Я вас больше не удерживаю,—закончил я нашу беседу, давая ему понять, что он может уйти.

Но Вихляев не уходит, о чем-то думает, как-то мнется и конфузится. И, наконец, спрашивает меня:

— Я здесь живу, занимаю одну комнату. Неужели вы у меня и квартиру отнимете? Может быть, вы сами хотите ее занять?

Признаюсь, я был совершенно обескуражен в первый момент. Человек, имевший только что гражданское мужество решительно отказаться от подчинения требованию Совтской власти, не нашел в себе ни достоинства, ни воли удержаться от выявления передо мной, его «врагом», чисто животного страха перед перспективой лишения личных удобств жизни. Обыватель оказался сильнее гражданина.

II

Но вот, наконец, мы пришли. Мы на пороге небольшой приемной, у одной из дверей которой настречу нам поднимается со стула статная высокая фигура старого отставного солдата в чистенькой одежде дворцового швейцара. Это был тот самый Иван Семенович Кононов, старый служака при Александре III, а потом курьер при министре продовольствия Временного Правительства, который проявлял столько трогательного внимания и заботы по отношению к нам, как представителям Советской власти, власти рабочих и крестьян.

— Где кабинет бывшего министра? — спрашиваю я у Ивана Семеновича.

— Пожалуйте.

Иван Семенович открывает дверь, и мы входим.

В кабинете я нашел уже почти всю коллегию в сборе. У всех было несколько приподнятое настроение, но у каждого оно проявилось по-своему: тов. Калинин как-то хмуро молчал, а тов. Мануильский, остроумный и жизнерадостный каламбурист и рассказчик, был в особенном ударе и смешил нас своими шуточками по поводу предстоящей встречи с саботажниками.

Но вот мы все уселись, я нажал кнопку и вызвал курьера.

— Позовите ко мне дежурного чиновника.

— Слушаюсь.

Проходит время, вполне достаточное для той спешности, какая была бы обязательна для дежурного чиновника при вызове его министром, но чиновника нет.

— Начинается,—весело подмигивает мне т. Мануильский.

Это действительно «начиналось»... Проходит еще некоторое время, и в дверях показывается Иван Семенович.

— Сейчас придут,—говорит он.

Еще немного,—и чиновник действительно появляется. Он, еще молодой человек, подходит быстро и непринужденно к моему столу и видимо что-то хочет сказать, но я перебиваю его замечанием по службе:

— Когда вас зовут к народному комиссару, надо поворачиваться проворнее и являться немедленно.

Чиновник бледнеет, но спокойно отвечает:

— Я пришел лишь сказать, что вам прежде всего надо переговорить с исполнительным комитетом служащих, распоряжениям которого мы подчиняемся.

— Я вызвал вас сюда не для того, чтобы спрашивать у вас совета, что мне делать, а для того, чтобы через вас, как дежурного чиновника, передавать мои распоряжения. Потрудитесь немедленно пригласить ко мне управляющего министерством для служебного доклада *).

---

*) Ни одного из товарищей министра в тот момент в министерстве не было; Беркенгейм и еще кто-то были на Всероссийском продовольственном с'езде в Москве и министерством управлял какой-то директор департамента.

— Я не могу этого сделать без исполнительного комитета.

— Именем Советской власти я приказываю вам это сделать.

— Я этого не сделаю.

— В таком случае я вас арестую за неподчинение приказаниям Советской власти: садитесь и ожидайте, пока придет за вами стража.

Опять мой звонок и опять Иван Семенович.

— Вызовите ко мне коменданта дворца с несколькими часовыми. Кроме того, пригласите ко мне управляющего министерством для доклада по службе.

Через несколько минут является комендант вместе с Иваном Семеновичем, который подходит вплотную к моему столу, перегибается и как-то не то таинственно, не то конфузливо сообщает, что он докладывал управляющему, но тот сказал, что не пойдет.

— Тов. комендант! Передаю вам арестованного мною чиновника; отправьте его под стражей пока в караульное помещение, впредь до моего распоряжения о дальнейшем направлении. Сами же вместе с одним часовым пойдите сейчас к управляющему министерством—и приведите его сюда под конвоем.

— Тов. Шлихтер! Ведь это прямо великолепно, неподражаемо,—бросается ко мне тов. Мануильский, когда мы остаемся в кабинете одни,—так именно должна себя держать Советская власть с саботажниками: полное спокойствие и решительность, не оставляющая ни в ком никакого сомнения. Во мне вы разбудили мой журналистский зуд: так и хочется бросить все и сесть сейчас же писать статью.

Но вот опять открывается дверь, и входит бледный, с потупленным взором управляющий министерством. Обмениваемся с ним двумя-тремя фразами, выясняющими его отказ подчиниться Советской власти, и я его также арестую и отправляю в караульное помещение.

С. ПЕСТКОВСКИЙ

На все руки

(Из воспоминаний)

Через несколько дней я освободился от телеграфа, получив отпуск от Дзержинского.

Решил искать работы. Сначала мне предлагали войти в коллегию Наркомпочтеля, но я не чувствовал больше никакой охоты возиться с делом, которого я не понимал.

Я решил пойти к Троцкому и выставить мою кандидатуру в Наркоминдел. Я рассуждал так: «я старый партиец и знаю иностранные языки, этого достаточно». Поймав Троцкого, я изложил ему мою просьбу. Троцкий вполне согласился с «основательностью» моей кандидатуры, но заявил следующее: «Жаль вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку». Хотя я удивился такому упрощенному взгляду на задачи Наркоминдела, но не спорил дальше.

После этого я отправился к Ильичу и предложил себя в «работники». Ильич выслушал меня внимательно, улыбнулся, когда я ему передал взгляд Троцкого на задачи Наркоминдела, и сказал: «Работа без сомнения для вас найдется. Мы ждем из Москвы Рыкова, который назначен Наркомвнуделом. Подождите его приезда, тогда устроим вас наверняка».

Я решил «ждать». Сперва уселся в коридоре, на скамейке, около кабинета Ильича. Место было очень удобное для наблюдений. В кабинет Ильича «пёрла» разная публика из Питера и приезжие. Но вскоре этот способ ожидания надоел мне, я открыл двери в комнату, находящуюся против кабинета Ильича и вошел туда.

Комната была довольно большая. В одном углу работал у столика секретарь Совнаркома, т. Н. П. Горбунов. При другом столике тт. Залкинд и Поливанов допрашивали только что арестованного крупного чиновника бывшего министерства иностранных дел. Дальше, на диване полулежал

с утомленным видом т. Менжинский. Над диваном красовалась надпись: «Народный Комиссариат Финансов».

Я уселся около Менжинского и вступил с ним в беседу. С самым невинным видом т. Менжинский расспрашивал меня о моем прошлом и полюбопытствовал, чему я учился.

Я ответил ему между прочим, что учился в Лондонском университете, где, в числе других наук, штудировал и финансовую науку.

Менжинский вдруг приподнялся, впился в меня глазами и заявил категорически:

— В таком случае мы вас сделаем управляющим государственным банком.

Я испугался и ответил ему, что у меня нет никакой охоты занять этот пост, так как это совершенно «не по моей части». Менжинский, ничего не говоря, попросил меня обождать и вышел из комнаты. Через некоторое время вернулся с бумагой, в которой за подписью Ильича удостоверялось, что я и есть управляющий госбанком.

Я еще больше опешил и стал просить Менжинского об отмене постановления. Но он остался непоколебимым.

Затем он мне об'яснил положение. Дело в том, что нам до-зарезу нужны деньги, хотя бы несколько миллионов. Государственный банк и казначейство бастуют и «легальным образом» денег получить нельзя. А финансовое дело— дело тонкое, и поэтому нужно соблюсти формальности. Единственный способ—сменить «головку» банка и затем взять деньги.

Услышав в чем заключается моя главная задача, я немного успокоился. Вскоре мы с Менжинским стали снаряжать экспедицию в банк. Подготовились мы тщательно. Для того, чтобы усилить «мою позицию» в банке, был назначен членом совета банка т. Сокольников. Кроме того с нами отправился т. Подвойский, распорядившись предварительно «придвинуть» к зданию банка один батальон матросов для того, чтобы сменить охраняющий банк караул из Семеновского полка.

Когда мы приехали в банк, нам представилась картина, напоминающая мне мое пребывание на телеграфе. Служащие толпились массами по корридорам: из их толпы падали по нашему адресу разные «словечки». Мы направились

прямо в кабинет управляющего. Там мы застали совет банка в полном сборе, за исключением самого управляющего, г-на Шипова. Совет представлял из себя кучу «почтенных стариков», перед которыми я чувствовал себя как ученик на экзамене. Менжинский твердым голосом прочел «декларацию Наркомфина», где служащим предписывалось стать на работу; отказывающимся грозила отставка с посылкой на фронт военно-обязанных. Наша декларация была принята враждебными возгласами. Когда затем Менжинский заявил, что Шипов устраняется, а на его место назначаюсь я, галдеж усилился: совет заявил, что подает в отставку. Поспорив еще пару минут, мы все удалились.

Единственным элементом в государственном банке, который оказал нам сочувствие и некоторую поддержку, были курьеры и низшие служащие.

Мы покинули банк и возвратились в Смольный, не добившись пока ничего. Этот первый дебют так обескуражил меня, что я опять стал налегать на Менжинского, прося освободить меня от непосильного бремени. Два дня спустя, Менжинский уступил: вместо меня управляющим банком был назначен т. В. В. Осинский.

Покончив с «финансовой» карьерой, я опять стал думать, куда бы «приткнуться». Проэкзаменовав себя строго, я пришел к тому убеждению, что после иностранных дел единственным ведомством, подходящим для меня, является комиссариат по делам национальностей. «Я сам инородец,—рассуждал я,—следовательно у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате. Кроме того, я кое-что читал по национальному вопросу». Решившись пойти по новой линии, я отправился к Сталину.

— Тов. Сталин,—сказал я,—вы народный комиссар по делам национальностей?

— Я.

— А комиссариат у вас есть?

— Нет.

— Ну, так я вам «сделаю» комиссариат.

— Хорошо! что вам для этого нужно?

— Пока только мандат на предмет «оказывания содействия».

— Ладно!

Здесь не любящий тратить лишних слов Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом. Получив мандат, я стал рыскать по Смольному, высматривая место для Наркомнаца.

Задача была нелегкая, везде было тесно.

Наконец, я набрел на какую-то большую комнату, где при одном столике заседали: «комиссия» по вещевому снабжению Красной гвардии, а при другом—выдавались разрешения на право ношения оружия. Здесь я вдруг наткнулся на моего товарища по каторге, впоследствии погибшего на Западном фронте, т. Феликса Сенюту.

— Ты что тут делаешь?—спросил я.

— Работаю по вещевому снабжению Красной гвардии.

— Переходи к нам, в народный комиссариат национальностей.

— Хорошо.

— Можно ли «устроиться» нам в этой комнате?

— Конечно, можно.

Тут мы с покойным Сенютой нашли какой-то свободный столик и поставили его у стены. Затем Сенюта взял большой лист бумаги и, начертав на нем: «Народный Комиссариат по Делам Национальностей», прикрепил к стене над столиком. Достали два стула.

— Готов комиссариат!—воскликнул я.

И сейчас же пустился обратно в кабинет Ильича, где, за неимением собственного кабинета, пребывал Сталин.

— Тов. Сталин,—сказал я,—идите посмотреть ваш комиссариат.

Невозмутимый Сталин даже не удивился такому быстрому «устройству» и зашагал за мной по коридору, пока мы не пришли в «комиссариат».

Здесь я отрекомендовал ему т. Сенюту, назвав его «заведующим канцелярией» Наркомнаца.

Сталин согласился, окинул взглядом «комиссариат» и издал какой-то неопределенный звук, выражающий не то одобрение, не то недовольство, и направился обратно в кабинет Ильича.

Ф. ГЛАДКОВ

Ревком в станице

(Из повести «Огненный конь»)

Ночью нагрянул броневик на вокзал. Дрогали на станции видели, как Гмыря вместе с Глушковым лазили в вагон, долго там пропадали, а потом вышли опять, и с ними был человек в кожаной куртке и картузе, похожий на скопца, и матрос в бескозырке с лентами и открытой грудью.

А утром в станицу вошел отряд солдат и остановился около станичного правления.

Завыл набатный звон. Выл недолго, но настойчиво и строго. И навстречу звону, через огненные и пепельные пятна, изо всех улиц торопились и перегоняли друг друга городовики и городовички, казаки и казачки.

Народу была тьма—тысячи: сидели даже на заборах, на крышах сараев, на тополях у конюшен. А люди еще текли в ворота и тонули в толпежной гуще. Солнце и цветы были на небе, солнце и цветы были в толпе—живая кипящая пена нарядов и смеха. Ждали, напирали на террасу, душили друг друга, кричали от боли, смеялись, утробной мощью взрывались гулом и недрами жизни своей уходили в землю. И казалось, что дрожала смехом и болью земля. Горели на солнце наряды, лица подсолнечниками глядели на облака и пыхали на солнце.

Хороший был день—молодой, весенний.

Встал атаман и заулюлюкал колокольчиком. Земными недрами задрожала и запела толпа.

— А ну, граждане-собрание, до слуху!.. Выскажет вам товарищ до новой нашей пласти... Кому какая доля.... и радость до труда... До слуху!..

И сел, и все улыбался конфузливо.

Встал товарищ с броневика—в кожаной тужурке, посмотрел на солнце и засмеялся. Но суровый был смех, железный.

— Ну, и солнце!.. вот солнце, как пасхальная печка... Гляжу вот на него и вижу: баба в обнове... радо, что наше стало... Эх, земнородные!..

По толпе брызнул смех и веселье. Не смешно, а смеется—масленица.

— Ну-ка, кто, рабочая, трудовая беднота, кто хочет вольной доли, своего трудового царства советского?.. Вы, вольное казачество, вы, бедалаги и всякого ремесла люди—все люди страдной трудной жизни! Хотите ли своей власти и судьбы, и земли, и труда своего быть хозяевами?.. Кто хочет такой доли—руки к солнцу, руки до горы!..

Охнула и сотряслась утробой своей толпа, и брызгами взметнулись руки вверх над головами, и головы скрылись под палочьем рук. Большая рубель прошлась по скалке, и задрожала земля и площадка с резными перилами.

— Ой, чо куркули со свома руками?

— Наша земля!.. Казаки—до совету!..

— Гони отамана!.. Нет больше куркульского отамана.

— Солдатская власть—от крови...

— До нас—броновицкая власть!.. Аминь бородачам толстопузам!..

Смеялись товарищи с броневика и поглядывали друг на друга. Видели, что и кулаки казацкие, и городовицкие тянули кверху свои растопырки. Чудо: не толкали их под бока, не трясли за бороды, а руки их дрожали над головами, хотя и скрипели зубами, и глаза чуть не лопались от злобы.

— Эй, слушь-ка, товарищ, ты те, которые руки видишь, не зри... Руке, милый, не верь... в руке совести нет, истинный бог!.. Рука что жулик: ворует и богу молится... А то вон лавочник Рябокур тоже рукой чертит... истинно, с бедняцким классом... а вон Гузий ручкой дырочку в воздухе шилит... Ну, тот хоть и панского отродья, а вояка...

Махнул атаман папахой, и все руки шоркнули в пучину толпы, остались только одни головы подсолнечниками.

Передние ряды буторил старик Шептухов, щерил гнилые клыки и хватал воздух кривыми руками.

— Большак я, аль нет?.. Трудящая я лимента, аль нет?

— Тю, старая корча!.. Сказилась, небога!.. Ты—слово, которое от стола, а не которое самому...

— Коли старый до балачки передом, я не хочу своей казацкой правды до заду... Я хочу атаман!..

— А я ж был в вони и боли... хочу сказать человеком...

— Я—до переду, а ты—до заду... Не хочу!..

Опять большая рубель задрожала по скалке.

Подошел к столу Гмыря и стал около человека в кожаной куртке. Вместе с ним Гмыря. Вместе с жутким человеком—с комиссаром бронепоезда Глобой.

Взглянул он на Гмырю стальными глазами без зрачков и сказал:

— Я не буду говорить, а ты, земнородный, скажи командой... Не мусоль и не жми сусла... Ревком! Из троих—солдат, казак и рабочий... Верных до живота... Проворонишь, обманешь—расстреляю... Вникай!..

— Товарищ Глоба, туба!.. Учили—мучили... Думано—передумано, кровей пролито...

— Бубни, земнородный!.. Чую!.. Бери на зуб!..

Поднял руку Гмыря и махнул перед бунтами гавкающих подсолнечников. Впереди—солдаты и фронтовики, своя братва. Шапки тычут кулаками на затылки, зубы дружеские скалят Гмыре.

— Крой, Никиш!.. Давай его до власти!..

— Фулиганов бей!.. Худобу порушат, злыдни... Подушат шайкой... порежут босявкой...

— Давай Гмырю!.. Наш Гмыря бедняцкий!..

— Солдатский Гмыря... Брат!.. Вояка!..

— Туба, граждане, смирно!.. Об'являю от большевиков до революции... Ревком!.. Не дурацким гаком избрание, а утробой до руки... Вот каковые, комиссары будут; а вы до них руками: Гузий—вояка... хоробрый, дикого перца... казак до лиха...

— Давай!.. Пан, да лихом дран...

— Не надо!.. Гони!.. До генералов...

— Гузия! Вояку!..

— Туба!.. А от солдатского люду—мене, Гмырю... Из окоп!..

— Урра!.. Гмыря!.. Брат!.. Крой!..

— Злыдня!.. Порушит до худобы, проклятый!..

— Туба!.. От рабочего люду—Глушкова... Огневого и копотного... который до паровозов... Кто—до нас, руки от нутра, а нет—закрой харю папахой.. Выше!..

Шоркнули палочьем руки над головами. Много—не счесть.

— Ревком!.. Туба!..

Марина глядела на Гмырю круглыми девчатьими глазами. Ручейком переливался в них загадочный огонек насмешки, угрозы и ласки.

Глоба ударил рукою о барьер. Стихло.

— Земнородные! Ваш Ревком и я... Это—одно... Стальные вагоны и ваша воля... Измена трудовой власти... бунт кулаков и панов... беспощадная кара!.. Вникай!.. Я и вы... Сталь вагонов и ваша сила... Много не говорю, а делаю... Кто предревком? Он!.. Солдат и бедняк Гмыря...

Хлопнул по плечу Гмыри, и рука его была тяжела и жутка, как бомба.

— Урра! Гмыря!.. Воякa!..

— Выходи до народу, ревком!..

— Хай, то ж как бог до трех лиц... а те ж—одно...

— Да большаки мы, аль нет?.. Трудящие мы, аль нет?.. Братики вы мои!..

— Туба! О то ж я—предревком, и кажу: трудовицкая власть в-во, о тут... в отих руках!..

И опять задрожала земля и воздух от гула и вихря.

— И кто, который будет спроть отой власти—туба его жизни до нетей... Бо руки ваши—дрючки до врага... И той, каковой отую руку до порухи и до самосуду—отсеку и тушу порублю до праху... Ваше слово—заклятье до угробы... Туба!.. А товарищу Глобе—от моя рука до кровей жизни...

Сунул лапу свою Глобе, а тот ее потянул к толпе и стукнул о перила.

— Ура, Ревком!.. Ура, воякам!..

— До кровей!.. До угробы!.. Ура!..

III. ИТОГИ

9. **В. САРАБЬЯНОВ** – Завоевания Октября

В. САРАБЬЯНОВ

Завоевание Октября

Трудно оценить значение Октябрьских завоеваний в деле классовой агитации, и особенно это трудно нам, самим проделавшим революцию, нам, которых не поражает то, что бросает на-земь вступающих на Советскую почву иностранных коммунистов,—бросает на-земь, чтобы обнять пролетарскую землю и в страстном поцелуе выразить всю силу ненависти к буржуазии, сыновнюю любовь к единственному в мире отечеству рабочих.

У нас стало бытом то, что там, в странах классовой и национальной эксплоатации, лишь мечта, а для революционной части рабочего класса—цель.

На фабриках нет хозяина—капиталиста, директора, заведующие цехами, мастера не «тычут» рабочим, красивая работница не получает приказов явиться к начальнику «прибрать постель», не грозят расчетом родильнице работнице за прогул—от родов еще не оправилась.

Только в Советской России действительно был проведен 8-часовой рабочий день для физического и 6-ти часовой для умственного и конторского труда, установлен 42-х часовой отдых в неделю, пока двухнедельный отпуск в год.

Только в нашем государстве проведена действительная охрана женского и детского труда. Беременные, напр., пользуются 16-ти и 12-ти недельным отпуском; матери, кормящие грудью, пользуются каждые 3 часа освобождением от работ на 30 минут.

Но Октябрь повеял свежим ветром и в области культурной жизни. Раньше идеология, культура была исключительно достоянием «интеллигенции», т.-е. либо тех же буржуазных сынков, либо мелко-буржуазных, по своему положению, групп, целиком тянувшихся на привязи контр-революции.

Раньше газета, школа, университет, церковь—все это служило угнетательским классам для того, чтобы держать в повиновении рабочий класс. Дальше начальной школы рабочий обычно не шел, а иногда его не пускали и в начальную школу.

Только после Октября рабочий класс начинает вылезать из той тины темноты и невежества, куда его загоняли царизм и буржуазия. Только после Октября создаются условия, при которых рабочий класс может приобщиться к завоеваниям науки и техники, постепенно овладевая ими и ставя их на службу всему обществу.

По самым глухим углам Советской страны сотни, тысячи клубов, вечерних курсов, школ, рабфаков. По плану, в грандиозном масштабе проводится упорная и систематическая борьба с неграмотностью. Всюду наблюдается повышенный интерес к газете, книге. Их издают на всех языках, которые раздаются на территории нашего Союза. Особенно большие успехи на культурном фронте делает Советская республика после гражданской войны, когда рабочий молодняк, только что отставив винтовку, берется за книгу, заполняет рабфаки, вузы, технические школы. Наростает собственная, неразрывно со своим классом связанная рабочая интеллигенция; вместе с тем, с каждым днем повышается общий культурный уровень пролетариата, исчезает на рабочей улице столь обычное раньше хулиганство, поножевщина, ругань, пьянство.

Заложен фундамент для оздоровления рабочего класса, и если все же российский пролетариат голодал, несчастные случаи на фабриках продолжаются, то, конечно, не по вине Советской власти, а благодаря жестокой контр-революции и антантской блокаде.

Что касается деревни, то в ней не стало земского начальника, творившего суд и расправу над крестьянами в пользу помещика—барина, не стало и кабатчиков, обиравших крестьян до последней нитки.

У нас очень мало батраков, самой угнетенной части капиталистического мира,—перебивавшихся с кваса на картошку, за работу от зари до ночи получавших угол в коровнике.

А главное: только в Советской России вся земля действительно принадлежит крестьянам.

А, ведь, до Октября в одной только Европейской России 102 миллиона десятин принадлежало помещикам, тогда как надельных крестьянских земель было 139 миллионов десятин.

Мало того, кулацкое землевладение выравнено с середняцким, а так как покупать и продавать землю сельский хозяин не имеет права (земля стала собственностью рабочего государства, а не отдельных лиц), то и рост крупного частного землевладения в Советской России невозможен.

А как разительно изменение в межлюдских отношениях, с чем мы уже свыклись.

У нас нет пресмыкательства перед купчихой в собольих мехах, и вышло из обихода рабское обращение: «барин». Не зависть и не подражание вызывает разжиревший спекулянт, а глубочайшее презрение: Нэпорылов!

Для нас сейчас это—быт, обычное, а то, среди чего выросли мы, люди старого и среднего поколений, мало известно более молодым из комсомольцев.

Какой бы ужас охватил русских рабочих, бедных и средних крестьян, если бы им, прожившим 5 лет новым бытом, грозил возвратом буржуазно-помещичий быт!

А там, в Англии, Италии, Германии, Японии... все по-старому.

И сказочная Советская Россия маячит перед мировым пролетариатом, как оазисы с водой и тенью в миражах раскаленной безводной Сахары перед глазами измученных путников. Существование рабоче-крестьянской России, как бы тяжела в ней ни была жизнь, является лучшей агитацией, чем сотни и тысячи речей, статей, книг.

ЧТО ЧИТАТЬ ОБ ОКТЯБРЕ

I. От февраля к Октябрю

1. Основным руководством может служить прекрасная книжка:

а) Н. Бухарин.—От крушения царизма до падения буржуазии. Изд. «Пролетарий», Хрк. 1923 г., дающая систематическое изложение событий с яркими характеристиками.

Для менее подготовленных такую может заменить:

б) К. Новицкий.—От самодержавия к диктатуре пролетариата, Госиздат, 1920 г., где дан краткий очерк развития русской революции.

Пособием может также служить:

в) С. Пионтковский.—Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Госиздат, 1923 г., популярный очерк, в котором вопрос о «предпосылках» октября разработан довольно подробно. Изложение немного суховатое.

И его же хрестоматия:

г) С. Пионтковский.—Хрестоматия Октябрьской революции. «Красная Новь», 1923 г. С большой тщательностью подобрано большое число документов, охватывающих эпоху от войны до диктатуры пролетариата.

2. В качестве введения в события февральской революции могут служить:

а) А. Шляпников.—Канун 1917 года, ч. I и ч. II. Гиз. 1923 г., где на богатом материале в занимательном изложении дано положение рабочего движения и партийной жизни в военные годы. В книге много документов.

Более трудна, но очень необходима книга:

б) Н. Ленин.—Собрание сочинений, т. VIII. (Мировая война 1914—16 г.).

Чрезвычайно важна и интересна также:

в) Л. Троцкий.—Война и революция, т. I и II. Гиз. 1923 г. (Статьи за период импер. войны).

3. События февральской революции до июльских дней изложены в календарном порядке в хронике:

а) Н. Авдеев.—Революция 1917 г. Хроника событий, т. I—Январь—Апрель. Гиз. 1923 г.

Безусловно необходима книга:

б) Н. Ленин.—Т. XIV. Буржуазная революция, ч. I. От февр. рев. до июльских дней.

Общую оценку событий, их ход, воспоминания, документы собраны в журнале:

в) «Пролетарская революция», № 1 (13). Гиз. 1923 г., содержащем чрезвычайно разносторонний материал о февральской революции.

4. С событиями от июльских дней до Октябрьской революции можно ознакомиться по книжке:

а) Л. Троцкий.—Октябрьская революция. Изд. «Коммунист». 1918 год, где очень сжато и популярно даны все события, предшествовавшие октябрьскому перевороту.

Специально июльским дням посвящен журнал:

б) «Пролетарская революция», № 5 (17). Гиз. 1923 г.

Безусловно необходим:

в) Н. Ленин.—Собрание сочинений, т. XIV, ч. II. От июльских дней до Октябр. революции, или

г) Н. Ленин.—На пути к восстанию. «Московский Рабочий», 1922 г., где собраны наиболее важные статьи.

5. Богатый материал из событий февраля—октября дает книга небольшевистского автора:

а) Н. Суханов.—Записки о революции, т. I, II, III, IV, V, VI. Чрезвычайно подробное изложение событий с массой фактов и документов. События изложены под углом зрения меньшевика-интернационалиста.

II. Октябрьский переворот

1. Основным руководством могут служить:

а) Л. Троцкий.—Октябрьская революция.

б) С. Пионтковский.—Окт. революция, ее предпосылки и ход.

в) С. Пионтковский.—Хрестоматия.

Общий ход событий в прекрасном литературном изложении дает блестящая книга:

г) Дж. Рид.—10 дней, которые потрясли мир. «Красная Новь», 1923 г.

2. Специально Октябрьскому перевороту посвящено много журналов и специальных сборников. Из них самые ценные:

а) «Пролетарская революция», № 10, Гиз. 1922.

б) «Красная Летопись», № 6, Ленгиз 1922.

Много материалов также и в местных сборниках ист. партии:

«Летопись революции», ГИУ, Харьков, 1922.

«Пролетар. революция на Дону», сб. II, Ростов/Дон, 1922.

«Революция в Крыму», сборник I, II, 1922—1923, Крымиздат, Симферополь.

«Рабочая революция на Урале», ГИЗ, Екатеринбург, 1921 г.

Октябрьские события в Москве даны в сборниках:

«Москва в Октябре», «Моск. Рабочий», 1921 г.

«От февраля к Октябрю», «Новая Москва», 1923 г.

«Октябрь на Пресне», «Красная Новь», 1923 г.

«Октябр. дни в Сокольниках», «Красная Новь», 1923.

3. С строительством пролетарской диктатуры первых октябрьских дней можно познакомиться по книге:

Н. Ленин.—Собрание сочинений, т. XV.

Чрезвычайно популярна брошюра:

Б. Волин.—Декреты Октября.

Итоги Октябрьской революции подводят:

К. Радек.—Что дала Октябрьская революция. Журн. «Красная Новь», кн. V, 1922.

Н. Ленин.—К 4-ой годовщине Октябрьской революции. ГИЗ, 1922 год.

За 5 лет.—Сборник ЦК РКП, Изд. «Кр. Новь», 1922.

Художественная литература.

Сборник «Октябрь», Харьков, ГИУ, 1921 г., хорошо подобраны стихи пролетарских и революционных писателей.

А. Аросев.—Как это произошло. (Изложение событий Октября в Москве).

М. Сивачев.—Желтый дьявол. «Земля и Фаб.» 1923 г. (Октябрь в деревне).

А. Яковлев.—Октябрь. (Октябрь в Москве).

М. Шагинян.—Перемена. (Октябрь в провинциальном городке).

М. Волков.—«Клопы», «Петушок», из книги «Заковыка», «Кузница», 1923 г.

П. Низовой.—«Черноземье», Круг. 1923 г. (Февраль—Октябрь в деревне).

Ф. Гладков.—Огненный конь. «Наши дни», 1923 г. (Революция в деревне).

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ОТ КРУШЕНИЯ ЦАРИЗМА ДО ДИКТАТУРЫ БУРЖУАЗИИ.

(Февраль — июльские дни).

I. Февраль.

1. Листок Ц. К. РС-ДРП от 25 февраля 1917 г. . . . 5
2. **Шляпников.**—Февральские дни 7
3. **Н. Бухарин.**—Буржуазия берет власть 9
4. **М. Шагинян.**—Иван Иваныч в комитете 12

II. Руководитель пролетарских масс.

5. **В. Залежский.**—Дворец Кшесинской 16
6. **Ф. Раскольников.**—Приезд Ленина в Россию 17
7. **Л. Троцкий.**—На балконе Кшесинской 20

III. Вокруг наступления.

8. **Н. Бухарин.**—Империалисты укрепляются 23
9. **Н. Суханов.**—Большевистский крот 28
10. **Н. Ленин.**—Из речи на 1-м С'езде Советов 32
11. **Н. Суханов.**—Две демонстрации 34
12. **И. Любимов.**—Перед наступлением. 37
13. **Е. Бабин.**—Развал 38

IV. Первый бой пролетариата.

14. **Л. Троцкий.**—Перед 3 июля 42
15. **Ф. Раскольников.**—Июльские дни 44
16. **В. Владимирова.**—Разгром 54
17. **Ф. Раскольников.**—Море клеветы 57
18. **Н. Ленин.**—О хлебе и классовой оценке июльских дней. 59

II. НАКАНУНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Июльские дни — 25 октября).

I. Диктатура империализма.

1. **Н. Бухарин.**—Империалист. буржуазия у власти . . 63
» Российский Бонапарт 65
» Корниловщина 66

II. Стихийный подход масс к революции.

2. **В. Антонов-Саратовский.**—В Саратове 70
3. **А. Шлихтер.**—За большевиков 71
4. **Я. Грунт.**—В Коломне 73
5. **А. Митриевич.**—Берут землю 74
6. **А. Аросев.**—Мира, хлеба и власти 76
7. **Н. Бухарин.**—Перед Октябрем 79

III. Перед восстанием.

8. **Л. Троцкий.**—Последние дни 82
9. Заседание ЦК в октябре 89
10. Письмо Ленина 90

III. ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.

I. 25-ое октября в Петрограде.

1. **И. Садофьев.**—Восстание 95
2. **И. Флеровский.**—Красный Кронштадт 95
3. **Д. Рид.**—Смольный в ту ночь 98
4. **А. Синегуб.**—Зимний в ту ночь. 109
5. Речь Троцкого 117
6. Речь Ленина 118
7. **Д. Рид.**—Великое торжество 119
8. **В. Маяковский.**—Потрясающие факты 123

II. Организатор победы.

9. **Л. Троцкий.**—Вождь революции. 126
10. **Н. Подвойский.**—Организатор победы 128
11. **В. Каринский.**—Октябрь (сценарий) 132

III. В Москве.

12. **Н. Муралов.**—Боевые дни 141
13. **А. Аросев.**—В Московском Совете 145
14. **А. Шлихтер.**—Об «эгоизме» пролетарских масс . . . 150

IV. По старой России.

15. **М. Майоров.**—В Киеве 153
16. **Д. Фурманов.**—В Иваново-Вознесенске 155
17. **О. Иогансон.**—В Иркутске 158
18. **А. Неверов.**—Мужицкая беднота 160
19. **С. Чуйков.**—У подножий Тянь-Шаня. 164
20. **Я. Грунт.**—Работники Октября 170
21. **В. Александровский.**—О незабываемом 172

IV. СТРОИТЕЛЬСТВО ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

I. Декреты Октября.

1. Декрет о мире 175
2. Декрет о земле. 178

II Правительство пролетарской диктатуры.

3. **В. Антонов-Овсеенко.**—Разгон учредилки 182
4. **А. Шляпников.**—Рабочий Совнарком 183
5. **А. Шлихтер.**—Крестьянский Ленин 185
6. **А. Шлихтер.**—Саботаж 187
7. **С. Пестковский.**—На все руки 192
8. **Ф. Гладков.**—Ревком в станице 196

III. Итоги.

9. **В. Сарабьянов.**—Завоевания Октября. 200

Что читать об Октябре 203

116

Цена 1 руб. 30 коп.